

профессор Николай Фёдорович Каптерев

Царь и церковные московские соборы XVI и XVII столетий

профессор Николай Фёдорович Каптерев

XVI и XVII столетия нашей истории невольно обращают на себя внимание обилием соборов не только земских, для которых особенно первая половина XVII века считается золотым временем, но и соборов церковных, которые были в указанные столетия особенно часты, а потом, со времени учреждения Св. Синода, прекратились вплоть до настоящего времени, когда церковно-соборной жизни суждено, по-видимому возродиться вновь. В общественно-политической жизни сейчас совершается великий важный переворот, все последствия и всё значение которого трудно и предвидеть. Новые возникшие у нас общественные течения, проявившиеся с такою необычайною силою, естественно и неизбежно затронули и нашу церковную жизнь, так тесно всегда связанную у нас со всею жизнью общественною и государственною. Пробудившееся общественное самосознание, в лице верующих и преданных интересам церкви ее сынов, обратило внимание на наши церковные порядки и стало находить, что наш современный церковный строй, всё наше церковное управление, наша церковная жизнь вообще, во многом ненормальны, несогласны с духом и характером истинной церковной жизни, что и тут, как и в сфере общественно-политической, многое нужно изменить, исправить и прямо перестроить на новых истинно-церковных началах, и что обновление нашей церковной жизни должно совершиться как можно скорее. Высшая государственная власть признала полную законность и справедливость стремлений общества обновить и перестроить нашу церковную жизнь, только предоставила это сделать не современному Св. Синоду или наспех собранному из одних епископов собору, а настоящему всероссийскому будущему собору.

Итак, параллельно переустройству нашей общественно-политической жизни, должно совершиться обновление и переустройство всей нашей церковной жизни на будущем всероссийском соборе,— это вопрос уже решенный. Естественно, как только вопрос о созыве будущего всероссийского собора окончательно был решен, немедленно явился другой вопрос: на каких основаниях и как именно будет перестраивать нашу церковную жизнь будущий всероссийский церковный собор? Ответом на этот вопрос и было устройство при Св. Синоде предсоборных комиссий, в состав которых вступили лица, вызванные по усмотрению обер-прокурора и по указаниям и рекомендациям членов Св. Синода, намечавших при выборе конечно только лиц им желанных, нужных и угодных, могущих, по характеру, направлению и свойству их работ и настроенности, служить отражением и подкреплением тех желаний, стремлений и интересов, какими воодушевлены высшие правительственные церковные сферы, в настоящее время заправляющие делами церкви.

Переустройство нашей церковной жизни и, прежде всего, переустройство нашего церковного управления, должно совершиться, заявляют, на прочных канонических началах, которые не были, по крайней мере во всей полноте, соблюдены при учреждении нашего Св. Синода. С этим согласны все, и потому предсоборные комиссии исходной точкой своих работ прежде всего полагают извлечение канонических основ и начал из постановлений и правил вселенских и поместных соборов, руководственное значение которых признано православною церковью, чтобы на этих началах и основах построить всё наше будущее церковное управление и всю церковную жизнь. Но здесь сейчас же встречаются и серьезные затруднения. Древние каноны можно понимать и толковать очень различно, почему они даже в старой Византии имели нужду в особых толкователях и передатчиках их применительно к пониманию и требованиям позднейшей жизни. Вполне естественно поэтому, что и наши современные канонисты нередко очень расходятся между собою в понимании и толковании различных канонов и особенно в решении того, что нужно и можно по канонам и что

нет, а это, конечно, сильно колеблет безусловное доверие к извлечению ими незыблемых канонических начал для перестройки современного строя нашей церковной жизни. С другой стороны, все древние каноны возникли и известным образом формулировались по требованию известных обстоятельств, известного времени, имели в виду удовлетворить определенные нужды и запросы современной им церковной жизни. Служа по своему общему характеру и направлению выражением духа и разума вселенской Христовой Церкви, они в то же время были не отвлеченные формулы и схемы, лишённые реального исторического содержания, а для данной жизни и времени – живые, реальные, действительные законы, рассчитанные на то, чтобы упорядочить и устроить современную им, определенную церковную жизнь. С этой стороны они являлись продуктом известного момента церковно-исторической жизни, порождением известных исторических условий и обстоятельств, а потому они, особенно в своих частностях и подробностях, своим так сказать, историческим содержанием, конечно не могут быть во всём и точно прилагаемы к совершенно другому времени, к другим совсем историческим обстоятельствам и условиям, к другим запросам, нуждам и т.п. Это соображение следует иметь в виду тем более, что внешние особенно формы строя своего управления, своих учреждений, их взаимоотношений и орудий деятельности, церковь всегда устроает в соответствии с формами и строем того государства, среди которого она существует и действует, так что не государство приспособляет свой строй, отношения и пр. к порядкам церковным, а наоборот: порядки и учреждения церковные приспособляются к порядкам и учреждениям государственным, почему перемены в последнем всегда вызывают соответствующие перемены и в порядках церковных. И это понятно. Если в известном, например, государстве строго последовательно, сверху донизу, проведен всюду демократический принцип, если в нем всюду царит избирательное начало, а в то же время в церковном управлении и во всей церковной жизни всецело господствует принцип бюрократический, то несомненно эти два порядка не могут

долго существовать рядом, и один из них обязательно должен уступить место другому, причем обыкновенно церковный строй всегда уступает государственному. В виду этого недостаточно еще, для реформы нашей современной церковной жизни, извлечь из соборных правил и постановлений канонические начала и основы, те нормы, по которым мы должны строить нашу церковную жизнь, а необходимо еще предварительно посмотреть: подойдут ли эти нормы под нашу современную жизнь. Ведь русский народ, его прошлая историческая и настоящая современная жизнь, условия его духовного и самого религиозно-церковного развития, вся его культура и пр. могут быть совершенно иные, нежели какие были в старой Византии, и то, что хорошо и пригодно было там, может быть не совсем хорошо и не вполне пригодно для нас. Нельзя же в самом деле хорошо сшить платье человеку по мерке, снятой с другого, не подходящего к нему ни по росту, ни по дородству,— ведь так сшитое платье нельзя будет и надеть.

Конечно извлечение принципов, начал и норм из древних канонов для благоустройства нашей современной церковной жизни, дело само по себе хорошее и совсем не лишнее, но под тем лишь необходимым и обязательным условием, если тщательно и по возможности всесторонне будет изучена и русская церковная жизнь в ее историческом прошлом и современном настоящем, чтобы всем было очевидно и понятно, насколько и в каком виде нормы, созданные жизнью другого народа за тысячу с лишком лет до нас, действительно пригодны и приложимы к нашей жизни. Никак нельзя опускать из виду и того немаловажного обстоятельства, что наша собственная церковная жизнь началась не сейчас, а имеет свою очень длинную почти тысячелетнюю историю, в которой она тоже строила свое церковное управление, свои церковные нормы и отношения, при которых она жила и действовала как истинная церковь Христова, как неразрывная часть православной вселенской церкви, вела ко спасению во Христе души своих многочисленных пасомых, вносила свет Христова учения в среду неверующих племен и т.п. Ввиду этого, казалось бы, ближе и естественнее начать реформу нашей современной

церковной жизни с изучения именно ее собственного прошлого, и в нем прежде всего искать указаний как на наши сильные, так и на наши слабые церковные стороны, вскрыть истинные причины этих явлений, чтобы избежать повторения прежних ошибок, и найти верные пути неблагоустроенное заменить благоустроенным, отжившее новым здоровым и сильным, и чтобы в ней, т.е. в самой же русской церковной жизни найти и развить силы, способные создать христиански цветущую народную церковную жизнь. Во всяком случае, при добросовестном и нетенденциозном знакомстве с нашим собственным церковным прошлым, оно многому и очень многому может научить нас при реформе современной церковной жизни, может предохранить нас от тех невольных ошибок, в которые мы иногда впадаем единственно только в силу нашего недостаточного знакомства с нашим же собственным прошлым.

К сказанному следует прибавить и то, что Дух Святой, действовавший на соборах древней Византии, был присущ и тысячелетней почти жизни русской церкви, что Он присущ ей и сейчас, и что поэтому она, руководясь общим духом и разумом вселенских канонов, воодушевляемая тем же вечно живым и действующим Духом Божиим, который, конечно, не закончил навсегда своей творческой зиждительной деятельности на созданном им в древней Византии, – русская церковь и сама может на своих соборах создавать для себя нужные, полезные и необходимые ей, по условиям данного времени и обстоятельств, церковные нормы и правила, пусть не всегда и не во всём согласные с нормами и правилами отжившей древности, но зато согласные с учением Христа и Апостолов, с общим духом и разумом вселенских канонов, и вполне удовлетворяющие религиозно-церковным нуждам и потребностям нашей современной жизни. Если бы наша современная церковная жизнь была во всём только копией и точным воспроизведением жизни древней Византии, то тогда конечно всё созданное для благоустройства тогдашней византийской церковной жизни целиком можно было бы прилагать и к нам. Но раз этого нет, то и нельзя без особого

насилия над своею собственною церковною жизнью, и может быть во вред ей, только копировать в своих реформах отжившую византийскую старину.

Одною из самых поучительных для настоящего времени страниц родной нашей церковной старины служат церковные московские соборы XVI и XVII столетий, которые, по-видимому, в полной мере осуществляли собою идею соборного церковного управления, а в то же время с замечательною наглядностию убеждают в том, чего нужно избегать и что нужно делать, чтобы наш будущий всероссийский собор был истинным настоящим собором, а не одною только формою и видимостию собора.

* * *

Церковные соборы московской Руси XVI и XVII столетий можно подразделить на три группы: на соборы избирательные, на соборы неполные с их подразделением на меньшие и бóльшие, и на соборы в собственном смысле или истинные, как их иногда называли современники¹.

Указанные три группы соборов различаются между собою по предметам их занятий и по их значению в церкви, и только отчасти по своему составу, так как последний для различных групп мог быть, в известных случаях, одинаков, почему состав собора не всегда может служить точным критерием для отличия одной группы соборов от другой.

Мы выделяем прежде всего в особую группу соборы, которые имели своею исключительною задачею выбор и поставление первоиерарха русской церкви, а также выбор и поставление епархиальных архиереев, почему и называем эту группу соборов избирательною. Признать эти соборы особою группою побуждает нас то обстоятельство, что они были в действительности одною лишь формою, не имевшею никакого соборного содержания т.е. соборной собственно-деятельности, так как на них не было никаких обсуждений и разсуждений, не делалось никаких соборных постановлений, не писалось никаких соборных актов,— это были соборы только по названию. Но это еще не всё. На избирательных соборах в действительности не было никаких выборов, так как первоиерархов и всех вообще епископов у нас избирал только

государь, а не собор. Если на дело выборов, например в патриархи, смотреть только чисто с внешней и формальной стороны, то покажется, что в патриархи как будто избирал собор, так как сохранились известия, что сначала освященный собор избирал кандидатов в патриархи, обыкновенно трех, а потом уже отправлялся к царю и предлагал ему из трех намеченных лиц избрать одно по своему усмотрению. Такой именно характер избрания патриарха собором и царем по-видимому подтверждается некоторыми даже соборными свидетельствами. В 1665 году патриарх Никон выразил желание добровольно оставить патриаршество и соглашался на поставление ему преемника, если приняты будут предлагаемые им условия, между которыми находилось и такое, чтобы его преемник был избран «не по власти мира сего» т.е. не царем, а церковным собором, независимо от царя. На это щекотливое предложение Никона, хорошо знавшего дело, собор епископов, созванный для рассмотрения предложений Никона и составления на них ответов, сказал следующее: «священный собор на сие отвеча: яко же древле содевашеся о избрании патриарха московскаго,— царское величество некроме священнаго собора избираше, такоже и священный собор помощи требоваше у царскаго величества о избрании патриаршеском,— тако и ныне: егда благоволит Бог избранию быти святейшаго патриарха московскаго; тогда благочестивый царь и священный собор купно да изберут мужа верна, суща в православии»². Ответ собора очень дипломатичен и представляет дело так, что патриарх всегда избирался «купно» царем и священным собором, причем ни одна сторона при избрании не перевешивала другой. Но неумолимые исторические факты решительно говорят против такого идиллического представления о выборе у нас патриархов — купно благочестивым царем и священным собором. Так первый патриарх Иов, еще ранее собрания церковного собора, был предъизбран государем и боярскою думою, и уже в предварительных с константинопольским патриархом Иеремиею переговорах выставлялся как будущий московский патриарх. Собранный же потом церковный собор, на предложение царя

избрать патриарха, ответил таким характерным заявлением: «что они (отцы собора) полагаются на волю его – благочестиваго государя», т.е. собор формально отказался от выборов патриарха, предоставив это дело исключительно усмотрению и воле государя, как это всегда потом и было. Лжедимитрий низложил патриарха Иова и на его место велел поставить своего избранника – грека Игнатия. Шуйский, низвергнув Лжедимитрия, низложил Игнатия, и на его место поставил патриархом своего сторонника – Гермогена. Польская боярская партия низложила Шуйского и вместе его ставленника патриарха Гермогена, и на место его снова возвела ранее низложенного Игнатия, но тот скоро совсем бежал из Москвы. Тогда патриарший престол в течение нескольких лет оставался не занятым, пока не возвратился из плена отец государя Филарет Никитич, который и сделался патриархом. Никон, как известно, избран был в патриархи царем Алексеем Михайловичем, что подтверждает и следующая современная событию заметка: «того ж (1652) году, июля в 25 день, по изволению Божию и по избранию государя царя и великаго князя Алексея Михайловича самодержца всея Руси и з’бояры и со всем вселенским собором поставлен бысть в царствующем граде Москве в патриархи ноугородцкий и великолутцкий митрополит Никон»³. Собор 1660 года постановил низложить Никона и немедленно назначить ему преемника, как скоро на избрание нового патриарха государь даст свое богомудрое и преимущественное согласие с своим преизящным сигклитом»⁴. Очевидно патриархи избирались только царем, который об этом деле советовался и с своим преизящным синклитом т.е. с боярскою думою. Впрочем собор архиереев открыто и прямо отказывался от выбора патриарха, предоставляя это дело исключительно государю, и так поступал он не только в указанном нами случае: при выборе первого патриарха Иова, но и в последующее время. Когда в 1672 году умер патриарх Иоасаф 11-й, то 5 июля государь велел ранее им созданным в Москву епископам и другим властям, явиться к нему в столовую палату. Когда они пришли, «великий государь изволил властям говорить, что бы на патриаршеский престол избрали они кого

всем освященным собором. И власти, встав, великому государю говорили: что о таком великом деле как ты, великий государь, укажешь“. В виду такого ответа властей государь заявил собору, что «мы соблаговоляем и соизволяем“ быть патриархом новгородскому митрополиту Питириму, которого собор и поставил в патриархи. Когда в 1690 году, 17 марта, умер патриарх Иоаким, то 23 августа государи пригласили к себе архиереев, архимандритов и весь освященный собор т.е. белое духовенство: «и великие государи говорили архиереем, о избрании патриарши. И власти великим государем говорили: что о таком великом деле как они, великие государи, укажут“: Государи, посоветовавшись с архиереями, указали на Казанского митрополита Адриана, который и был поставлен патриархом⁵.

Понятно почему древне-русские епископы даже сами так решительно отказывались от соборного избрания патриархов и предоставляли это дело всецело государю и его боярской думе. Московский патриарх был тогда слишком важное, видное и влиятельное лицо, не только церковное, но и государственное. Он был одним из самых близких к царю лиц, с которым государь советовался как о делах церковных, так и государственных. Царь и патриарх виделись почти постоянно, так как царь обязательно присутствовал на всех торжественных патриарших службах. Никон как на одну из причин неожиданного оставления им патриаршего престола указывал на то обстоятельство, что царь не стал ходить к тем службам, которые совершал патриарх, откуда он – Никон и заключил, что царь на него гневается. Цари очень часто приглашали на свои обеды патриархов, а патриархи царей. В Дворцовых разрядах постоянно встречаются такие заметки: «того ж дни ел у государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Руси святейший Иосиф патриарх московский и всея Руси, а с ним власти, а стол был по грановитой палате, а у стола велел государь быть боярам и околничим всем без мест“; или: «того ж дни ел у государя святейший Иосиф патриарх московский и всея Руси, а стол был по столовой избе“. Такие же записи встречаются когда государь обедал у патриарха: «того ж дни

государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси ел у святейшаго Иосифа патриарха московскаго и всея Руси, а у стола были бояре и околничие, все без мест“; или: «того ж дни государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси ел у святейшаго Никона патриарха московскаго и всея Руси“⁶. При такой, так сказать, постоянной и исключительной личной близости царя и патриарха, при их почти ежедневном взаимообщении естественно было, что кандидата в патриархи всегда избирал царь, избирал лицо ему хорошо известное и приятное. Странно было бы, при таких условиях, предоставить выбор в патриархи собору, а не царю, так как собор мог выбрать такое лицо, с которым бы царь не мог и не пожелал бы иметь того постоянного близкого общения, какое он обычно имел с патриархом. А это могло бы повести даже к неожиданным осложнениям и столкновениям, как это и случилось, когда патриарх Никон разошелся с царем, причем недоразумения между царем и патриархом несомненно неблагоприятно отражались бы на всём ходе церковных дел, а в известной степени и на делах государственных. Вообще патриарх, не пользовавшийся личным расположением и доверием государя, не имел бы, сам по себе, должного значения и влияния и в церкви и в государстве. Как ненормально тяжело было положение патриарха, не пользовавшегося расположением царя, это хорошо видно из тех горьких заявлений, какие своим приближенным делал патриарх Иосиф в последнее время своего патриаршества: «переменит меня, говорил он, скинуть меня хотят; а буде и не отставят, я сам за сором об отставке стану бить челом“. При таких условиях, очевидно, патриарха мог избирать не собор, а только государь, притом из лиц, которые ему были нужны и которые ему нравились; собору вмешиваться в это дело было неудобно и на его долю только приходилось смиренно заявлять: «что о таком великом деле (выборе патриарха) как ты, великий государь, укажешь“.

Но если патриарха всегда избирал только царь, то что же значат те известия, которые говорят, что кандидаты в патриархи избирались на соборах, а царь избирал только из числа лиц, намеченных собором? Дело тут происходило, по нашему

мнению, так: царь, заранее наметивший известное лицо в патриархи, сообщал об этом, до собрания собора, одному или нескольким архиереям, которые на соборе обязательно и вносили в число кандидатов указанное царем лицо, а к нему, ради соблюдения формальности, присоединяли еще двух лиц, и этих трех кандидатов собор представлял государю с тем, чтобы он выбрал из них одного по своему усмотрению. Понятно, что государи всегда избирали то именно лицо, какое они уже ранее предназначили в патриархи, благодаря чему и получалось такое впечатление, как будто в патриархи избирал собор купно с государем, тогда как в действительности избирал только один государь. Всё дело соборов в этих случаях состояло в том, чтобы соборно признать и церковно поставить в патриархи то именно лицо, которое изберет государь.

Не только патриархи, но и все епархиальные архиереи московской Руси тоже избирались не собором, не патриархом, не паствою, а государем. Известный протопоп московского Казанского собора Иоанн Неронов говорил Никону патриарху: «прежде сего совет имел ты с протопопом Стефаном (царским духовником), и которые советники и любимы были, и на дом ты к протопопу Стефану часто приезжал и любезно о всяком добром деле беседовал, когда ты был в игуменах, и в архимандритах, и в митрополитах. А которые богомольцы послании государем блаженные памяти ко Иосифу патриарху, чтоб ему поставити, по его государеву совету, оных в митрополиты, и во архиепископы и епископы, иных в архимандриты, и игумены и протопопы, а ты с государем духовником протопопом Стефаном тогда был в советех и не прекословил нигде, а на поставлении их не говорил: «неаксиос, сиречь недостойн»⁷. Из этих слов Неронова ясно видно, что кандидатов на митрополичьи, архиепископские и епископские кафедры, даже кандидатов в архимандриты, игумены и протопопы, конечно на более видные и влиятельные иместа, избирал царь, а патриарху только приходилось посвящать указанных или присланных к нему царем лиц. Про свое время патриарх Никон так писал константинопольскому патриарху Дионисию: «ныне бывает (на Руси) вся царским хотением: егда

повелит царь быти собору, тогда бывает; и, ково велит избирати и поставити архиереем,— избирают и поставляют; и ково велит судити и обсуждати,— и они судят и обсуждают и отлучают“. В своих ответах Паисию Лигариду Никон заявляет, что царь велит избирать и поставлять в архиереи только тех, «его ж любит»⁸. Благовещенского московского собора дьякон Федор, как очевидец, рассказывает, что в московском Успенском соборе, в присутствии царя Алексея Михайловича, ставили в архиереи на Вологду Симона, игумена Свирского монастыря. Его рекомендовал царю митрополит Крутицкий Павел. Во время поставления Симон, при чтении им Символа веры, прочел по старому «рожденна, а не сотворенна». Тогда, рассказывает Федор, «не хоте его царь поставити во архиепископы; озрелся, стоя, на Павла митрополита онаго, и с яростию пыхнул, рек: ты мне хвалил его; не хочу его аз! И поиде с места своего. Павел же льстец припаде к нему и рече ему с клятвою: никак, государь, несть в нем того, но промолвился. И повелеша Симону паки символ глаголати. Он же справил речь ту по новому речению, царь же возвратился на место, и поставиша его во архиепископы»⁹. Очевидно выбор и поставление епархиальных архиереев в древней Руси зависел от царя, который мог остановить даже самый начавшийся акт церковного поставления, если почему-нибудь поставляемое лицо показалось ему неудобным.

Причины, почему государи московской Руси держали в своих руках выбор епархиальных архиереев, объясняются тем особым своеобразным положением, какое епископат занимал в древней Руси, и которое необходимо ставило его в полную безусловную зависимость во всём от государя.

Епископы московской Руси не были только духовными архипастырями, заботившимися о спасении душ своих пасомых, но и очень важными, с обширными правами и полномочиями, государственными чиновниками, управлявшими целыми обширными областями, владевшими с соподчиненными им монастырями очень значительными землями и множеством крестьян, причем им, на основании царских жалованных грамот, принадлежала в их земельных владениях власть

административная, судебная и финансовая, и царские чиновники не имели даже права въезжать в архиерейские владения. Двор и вся обстановка архиерея московской Руси напоминали скорее владетельного князя, чем смиренного духовного архипастыря и преемника Апостолов, так как у него, подобно князьям, были свои бояре, дети боярские, дворяне. Целый огромный штат разных чинов из служилых людей постоянно наполнял его двор и окружал его при всех входах и выходах. В его распоряжении, как органы его архиерейской власти, были его собственные бояре, дворецкие, дьяки, тиуны, десятильники, недельщики, праветчики, доводчики, волостели, кравчие, чашники. В старое время у московского митрополита был даже свой полк, который являлся на войну вместе с княжескими войсками и имел своего особого – митрополичьего воеводу. Полк новгородского владыки составлял нечто самостоятельное и, кажется, не всегда подчинялся общему главнокомандующему. Подобно владетельному князю епископ московской Руси, чрез своих светских служилых людей, управлял не только своим домом со всем его обширным и сложным хозяйством, своими обширными землями, судил и рядил своих многочисленных крестьян, но чрез них же управлял и своею громадною епархией, всем подчиненным ему духовенством, которое, по отношению к своему епархиальному архиерею, было тяглым, податным сословием, так как оно облагалось в пользу епископа известными податями, которые собирали с него архиерейские служилые люди, творившие при этом суд и расправу над самым духовенством по всем делам. Словом, епископ московской Руси из архипастыря церкви, по всей обстановке и характеру своей жизни и деятельности, превратился в большого, богатого и очень властного мирского чиновника, и притом так, что чиновник почти совсем затирал в нем образ духовного архипастыря. Естественно было поэтому, что высшая светская правительственная власть т.е. государь, уступая епископу свои административные, судебные и финансовые права над известными землями и крестьянами, позволяя ему облагать податями в свою пользу всё епархиальное духовенство, судить его во всём и управлять им,

как тяглым сословием, позволяя ему, как владельческому князю, иметь своих собственных бояр, детей боярских и дворян и вообще светских служилых людей, приглашая его, как важного сановника, на заседания боярской думы для решения мирских государственных дел,— не могла предоставить выбор и замещение кафедр епархиальных епископов собору иерархов, т.е. признать автономной епископскую коллегию, которая бы сама, только по своим видам и усмотрению, замещала удобными ей лицами вакантные места епископов и самую патриаршую кафедру. Это бы значило создать из епископата, при его тогдашней постановке, такую сильную во всех отношениях и тесно сплоченную своими интересами правительственную автономную коллегию, которая по своему могуществу и влиянию могла сделаться, в известных случаях, опасною силою и для государя. Поэтому простое благоразумие необходимо требовало от государей, чтобы епископы, наряду со всеми другими государственными чиновниками, назначались единственно государем, во всём зависели от его милости и усмотрения, во всём подчинились ему безусловно. Если епископы очень тяготились этою своею всецелою зависимою от светской власти и даже делали попытки освободиться от нее, то им, очевидно, для достижения этой цели, следовало прежде всего самим освободить себя от всего, что им дала государственная власть, и остаться только при том, что им дали св. Апостолы т.е. им следовало прежде всего перестать быть чиновниками и стать только духовными архипастырями, заботящимися не о мирских выгодах, высоком государственном положении, об исключительных мирских правах и привилегиях, а единственно о спасении душ своих пасомых, достигающими своих высоких христианских целей не мирскими государственными средствами, а только духовно-нравственным воздействием на своих пасомых, влияя на их совесть и убеждения мерами чисто духовными, в духе евангельской любви и свободы. Апостолы по отношению к своей пастве не были «владыками» и «великими господами», как называли себя древне-русские епископы, не были они и чиновниками, наделенными от государей особыми правами и привилегиями;

всё это епископы получили не от Апостолов, а от государей, которые поэтому и смотрели на них не только как на архипастырей, но и как на своих чиновников, обязанных им безусловным повиновением. Попытка Никона и сочувствовавших ему русских архиереев освободиться из-под зависимости светской власти, сделать епископскую коллегия автономною, и даже признать духовную власть высшею, чем светская, и – в то же время сохранить за епископами все исторически приобретенные ими от государей права, все те мирские выгоды и преимущества, какими их наделила та самая мирская государственная власть, против которой они возстали, – была, очевидно, совершенно несостоятельная затея, по самому своему существу.

К сказанному нужно прибавить и то, что московские государи, единолично избирая епископов, хорошо знали тех лиц, которых они назначали на кафедры. Как великие церковники, наши московские государи находились в постоянном общении с разными духовными лицами, особенно настоятелями и властями разных монастырей, из которых они обыкновенно избирали архиереев. Принимая их у себя, когда они являлись к ним в известные дни с поздравлениями и монастырскими подношениями, присутствуя на торжественных церковных службах, в которых всегда участвовали и монастырские власти, приглашая их вместе с архиереями к своему царскому столу в разные торжественные и праздничные дни, государи имели полную возможность лично познакомиться и узнать кандидатов в архиереи и заранее намечать тех лиц, которых они находили более подходящими для занятия архиерейских кафедр, которых к тому же в древней Руси было очень не много.

Итак соборы, названные нами избирательными, которые, предполагается, должны бы были избирать патриархов и всех епархиальных архиереев, в действительности их вовсе не избирали, а собирались они только для того, чтобы торжественно признать царский выбор и торжественно посвятить в патриархи или епископы лиц, избранных государем.

Очевидно эти соборы не были соборами в собственном смысле, почему мы и снесли их в особую группу.

* * *

Вторую группу церковных соборов московской Руси XVI и XVII столетий составляют соборы неполные из так называемых «прилучившихся» архиереев, причем эти соборы подразделяются на два вида: на соборы меньшие и бóльшие.

Неполные соборы составлялись из так называемых «прилучившихся» архиереев т.е. тех, которые в данное время случились в Москве, так что нарочитых вызовов других епархиальных архиереев на собор в этих случаях не было. «Прилучившиеся» архиереи однако вовсе не означало того, что архиереи попали в Москву случайно, по своим личным каким-либо нуждам и по своей воле. Этого не было и не могло быть. Архиереи древней Руси не смели по своему усмотрению оставлять своих епархий, и тем более по своему только желанию появляться и жить в столице. Они являлись в Москву обязательно по особому вызову и разрешению государя и патриарха, и только с их особого разрешения могли оставить столицу и возвратиться в свою епархию. «Прилучившимися» они называются в том смысле, что состав вызываемых в Москву архиереев чрез известные сроки постоянно изменялся, и ныне «прилучились» в Москве одни архиереи, а завтра могли прилучиться уже другие, сменившие первых, но при этом они никогда не были случайными¹⁰. Термин «прилучившиеся» в смысле случайности можно еще пожалуй прилагать к иностранным восточным архиереям, которые, приезжая в Москву за милостынею, нередко надолго оставались в Москве и здесь, особенно со второй половины XVII века, приглашались на русские соборы, так что бывали даже такие случаи, что на некоторых неполных соборах иностранные архиереи составляли большинство сравнительно с русскими.

Необходимость частого присутствия в Москве большего или меньшего количества епархиальных архиереев вызывалась несколькими причинами.

Архиереи древней Руси, вместе с монастырями, были у нас богатыми землевладельцами, и имели на своих землях много

крестьян. Они, как и другие помещики, должны были с своих земель отбывать разные государственные повинности: доставлять даточных людей на войну, доставлять определенные денежные налоги на военные издержки, доставлять провиант на государевых служилых людей, давать нуждающемуся государству займы деньги и т.п. Естественно что государство, когда оно находилось в стесненных обстоятельствах и нуждалось в помощи и содействии всей земли, не могло обойтись без содействия духовных властей, которых оно всегда и призывало на совет, вместе с другими представителями земли, на свои земские соборы. И так как земские соборы, особенно, например, в первой половине XVII века, были очень часты и продолжались иногда очень долго, то и епархиальные архиереи, являвшиеся на земские соборы, по необходимости должны были подолгу жить в Москве. И помимо земских соборов присутствие архиереев в Москве всегда признавалось необходимым при обсуждении всех вообще важнейших государственных дел, так как архиереи с монастырями, представляя из себя одну из крупных финансовых и экономических сил страны, в то же время были царскими и всеобщими богомольцами, без благословения и одобрения которых считалось неудобным начинать и совершать какое-либо важное общегосударственное дело, почему архиереи приглашались не только на земские соборы, но и на важнейшие заседания боярской думы. Даже по таким делам, которые, по-видимому, к архиереям уже не имели решительно никакого отношения, государи однако советовались с ними. Например мы встречаем такую заметку: «тогож числа (30 апр. 1675 г.) был у великаго государя, после соборной обедни, великий господин святейший Иоаким, патриарх московский и всея России, со сластями в верху в передней и сидели о посольском деле: а пошел от великаго государя в восьмом часу дни»¹¹.

Русские государи считали себя обязанными управлять не только делами государственными, но и церковными, руководя ими и направляя их согласно своим намерениям и целям. И если в делах государственных они проводили свою волю и свои

предначертания чрез боярскую думу, то для проведения своих мер в церковной сфере они желали иметь, помимо митрополита, а потом патриарха, такой орган, который бы, подобно боярской думе, мог, по мере нужды и надобности, функционировать по делам церковно-религиозным, в качестве духовного совета при них. Для удовлетворения этой потребности и вызывались в Москву так называемые «прилучившиеся» архиереи, с которыми царь мог всегда посоветоваться не только по делам государственным, но и по всем вопросам церковно-религиозным.

Присутствия в Москве нескольких архиереев требовали и текущие церковные дела, которые хотя бы и не имели общецерковного значения, но не могли однако быть решены властью одного митрополита или патриарха, а только архиерейскою коллегиею, каковы, например, все судебные дела над епископами.

«Прилучившиеся» архиереи, вызываемые на известное время в Москву, во второй половине XVII века получают другое название, сохранившееся за ними и в настоящее время, именно: «чередные» или очередные. Когда умер патриарх Иоаким, то государи «посылают свои царские указы по архиереев разных градов епархий... чередным же тогда присутствующим архиереом, во время жизни и правления блаженного успения святейшаго Иоакима патриарха, и посмерти его оставльшимся и сущим в царствующем граде Москве... дабы собор, яко архиереи православнии и их царскаго пресветлаго величества богомольцы, купно вси сотворили и совет изнесли» об избрании преемника Иоакиму¹².

«Чередные» епархиальные архиереи вызывались в Москву всегда по особому указу государя, без которого они ни под каким видом не могли явиться в столицу¹³. Очередной архиерей, прибыв в Москву и заявив о своем приезде начальнику большого дворца, в назначенный ему срок прежде всего являлся к государю или, как тогда говорили, был «на приезде у руки великаго государя», а затем являлся к патриарху, от которого получал благословение. В Дворцовых разрядах мы читаем: «того ж году (1675) были на приезде, на праздник –

Богоявление в день, у руки великаго государя и у благословения святейшаго Иоакима“ Филарет митрополит нижегородский и Варсонофий архиепископ смоленский. Прослужив назначенный срок в Москве, очередной архиерей просил государя и патриарха об отпуске в епархию, и, получив его, являлся «на отпуск“ к государю и патриарху. «Того ж году (1674), декабря в 26 день, говорят дворцовые разряды, пожаловал великий государь и святейший Иоаким, патриарх московский и всеа России, отпустили властей с Москвы (Корнилия митрополита новгородского, Иоасафа митрополита казанского и Иону епископа вятского) и у руки на отпуске у великаго государя и у благословения святейшаго Иоакима, патриарха московскаго и всеа России, были“. Или: «того ж году (1675), генваря в день пожаловали великий государь и святейший Иоаким, патриарх московский и всеа России, отпустили с Москвы домой Иосифа митрополита резанскаго и муромскаго, к себе на Рязань“. Или: «того ж числа (24 февр. 1675 г.) пожаловали великий государь и святейший Иоаким патриарх московский и всеа Руси на отпуске: великий государь к руке, а святейший Иоаким патриарх к благословению Симона архиепископа вологодцкаго и белозерскаго“¹⁴.

На какой срок вызывались в Москву очередные архиереи, это видно из грамоты государей 1685 года киевскому митрополиту Гедвону Четвертинскому, утверждающей права и преимущества киевского митрополита, где между прочим говорится: «а по обыкновению великороссийских преосвященных митрополитов, в наш царствующий град Москву на годовое и полугодовое время его не вызывать“ ¹⁵. Значит, в Москве сложился такой обычай, что епархиальных архиереев вызывали на очередь или на полгода или на год, по истечении которых их отпускали в епархию, а на место отбывших свою очередь вызывали других. Это подтверждается и теми записями, какие дошли до нас об участии очередных архиереев в церковных службах в Москве, из которых мы можем видеть: кто, когда и сколько времени из епархиальных архиереев был в Москве. К сожалению такие записи без перерывов и в подробном виде т.е. с именным перечислением служащих

архиереев сохранились только за 1673, 1674 и 1675 года. Но всё-таки и они дают нам некоторую возможность, хотя бы отчасти, осветить фактически интересующий нас вопрос. В 1672 году мы встречаем в Москве очередных митрополитов: Питирима новгородского, Парфения астраханского, Илариона рязанского и Филарета нижегородского; архиепископов: Варсанофия смоленского, Стефана суздальского и Иосифа коломенского и того: семерых очередных архиереев. К сентябрю 1673 года все они уже оставили Москву и на место их явились новые, которые и выступают в церковной службе 11-го сентября. Это были митрополиты: Иоаким новгородский, Корнилий казанский, Иона ростовский; архиепископы: Иоасаф тверской и Арсений псковский и того: пять архиереев. Из них Иоаким новгородский 23 июля 1674 года избирается в патриархи; второй Корнилий казанский, переведенный в Новгород, пробыл в Москве с 11-го сентября 1673 года до 26 декабря 1674 года,— значит пробыл на очереди год и три месяца; Иона ростовский пробыл в Москве с сентября 1673 года по 7 января 1675 года,— значит пробыл в Москве на очереди год и четыре месяца; архиепископы: Иоасаф тверской пробыл в Москве с сентября 1673 г. до начала марта 1674 г. т.е. полгода; Арсений псковский пробыл в Москве с сентября 1673 г. до начала апреля 1674 г. т.е. семь месяцев; Симон вологодский, прибывший в Москву в марте 1674 г., отпущен из Москвы 25 февраля 1675 года т.е. пробыл в Москве на очереди почти год; Стефан суздальский прибыл в Москву 17 августа 1674 года, а уже 21 ноября в службах более не участвует и значит, почему-то был отпущен из Москвы только после трехмесячного пребывания в ней. Что такой краткий срок пребывания архиерея на очереди считался ненормальным, это видно из того, что тот же Стефан, уже чрез восемь месяцев — в августе 1675 года, снова был вызван в Москву на очередь. Иосиф коломенский явился в Москву 1-го сентября 1674 г., а был отпущен 29 мая 1675 г. т.е. пробыл девять месяцев. Иона, епископ вятский, помечается присутствующим в Москве 17 августа, а 26 декабря был уже отпущен в свою епархию и в Москве значит пробыл с небольшим четыре месяца.

Из приведенных данных, какие только сейчас доступны нам (говорим за себя), видно, что митрополиты, являясь в Москву на очередь, проживали здесь более года, а архиепископы одни по году, другие по полгода, а некоторые даже и того менее. Значит, показание грамоты государей Гедеону Четвертинскому, что в Москве существует обычай вызывать епархиальных архиереев в Москву на полугодовые и годовые сроки в существе вполне верно, только эти полугодовые и годовые сроки строго не выдерживались, а иногда были несколько длиннее, иногда несколько короче, смотря, очевидно, по тем или другим обстоятельствам. Но во всяком случае самый факт вызова епархиальных архиереев на очередь в Москву не подлежит ни малейшему сомнению.

Соблюдался ли какой-либо раз строго определенный порядок или определенная очередь при вызове епархиальных архиереев в Москву, по неимению у нас (говорим за себя) данных, сказать не можем. Только одно можно заметить, что архиереи отдаленных епархий реже вызывались в Москву, чем ближайших, а сибирский, например, архиепископ, а потом митрополит, конечно вследствие отдаленности его епархии, почти и совсем не вызывался в Москву. По крайней мере мы встречаем его в Москве только два раза.

Относительно промежутков времени, чрез какие один и тот же архиерей призывался на очередь в Москву, мы можем отметить такой факт: Филарет митрополит нижегородский был на очереди в 1672 году и затем снова вызван в январе 1675 года; Варсанофий архиепископ смоленский был на очереди в 1672 году, а в первых числах января 1675 года был вызван вновь; Иосиф архиепископ коломенский был на очереди тоже в 1672 г., а. снова был вызван в январе 1875 года. Значит, все указанные архиереи вызывались на очередь чрез два года. Держались ли этого правила при вызове в Москву очередных архиереев всегда и относительно всех вообще архиереев, кроме указанных, не знаем. Очень возможно, что и всех других архиереев вызывали на очередь не ранее как чрез два года.

Что касается количества вызываемых на очередь архиереев, то в этом отношении не было чего-либо строго

определенного, число их в разное время было не одинаково и постоянно изменялось. Так летом 1672 года в Москве очередных митрополитов было четыре, архиепископов три, всего – 7. В 1673 году митрополитов было три, архиепископов два, всего – 5. В 1674 года, до 12 апреля, состав очередных архиереев оставался тот же, что и в 1673 году; но с 12 апреля 1674 года уходит один архиепископ, так что архиереев очередных остается в Москве только – 4. 19 апреля новгородский митрополит Иоаким делается патриархом, так что очередных остается два митрополита и один архиепископ, всего – 3. 17 августа появляется новый митрополит, новый архиепископ и один епископ, всего становится – 6. 1-го сентября появляется еще новый архиепископ и всех становится – 7. 14 сентября появляется еще новый очередной митрополит и всех становится – 8. 21 ноября уходит один архиепископ, а 26 декабря сразу отпускают двух митрополитов и епископа, так что всех очередных остается – 4. Января 6-го 1675 г. являются вновь один митрополит и один архиепископ, но зато 7-го января отпускается в епархию один митрополит, а около 12 числа другой, так что всего остается – 4. Но 7 февраля является новый митрополит и всего становится – 5. Очевидно количество очередных архиереев в Москве было в разное время неодинаково и постоянно изменялось: иногда число доходило до восьми, а иногда падало даже до трех.

Постоянную обязанностью и занятием проживавших в Москве очередных архиереев было, кроме участия в соборных заседаниях, совершение торжественных церковных служб, по назначению патриарха. Каждый архиерей являлся в Москву с своим собственным протодиаконом и с своим хором певчих. Когда они назначались совершать службы в разные соборы, монастыри и приходские церкви (в их престольные праздники), тогда обыкновенно шел хор архиерея, который первенствовал на службе¹⁶.

Торжественные службы в Москве тогда были очень часты: торжественно служили в дни рождений и именин государя, государыни и всех членов царской семьи; по умершим служили заупокойные и поминальные службы, и все такие службы

заканчивались обыкновенно торжественными царскими обедами, на которых присутствовать архиереям было обязательно. Торжественными службами праздновали все церковные праздники, не только общие, но частные храмовые, так что служб набиралось очень и очень много. К этим частым службам присоединились еще очень частые крестные ходы, в которых обязательно участвовали назначаемые в них очередные архиереи. Самовольно, без назначения патриарха, архиерей никогда в Москве служить не мог. Но всё-таки и в те дни, когда он нигде не служил по назначению, для него обязательно было присутствовать на всех церковных службах в соборе, где был патриарх, и уклонение от этой обязанности могло вызвать порицание со стороны патриарха. В Дворцовых разрядах мы встречаем такую заметку: «того ж числа (8 авг. 1675 г.) указал святейший Иоаким, патриарх московский и всеа Руси, Стефану, архиепископу суздальскому и юрьевскому, ездить в соборную церковь к себе безпрестанно, а служить ему, архиепископу, без своего благословения святительскаго не указал»¹⁷.

Несомненно, что отбывание епархиальными архиереями своей очереди в царствующем граде Москве, было для них обязанностью очень тяжелою. В Москве епархиальный архиерей находился под постоянным, очень бдительным и крайне стеснительным для него надзором патриарха и светского правительства, он должен был соразмерять здесь каждый свой шаг и поступок, чтобы как-нибудь не вызвать неудовольствия, а то и прямо замечания начальства. Бóльшая часть его времени была занята очень длинными, утомительными церковными службами, крестными ходами, деловыми заседаниями, парадными обедами,— уклоняться от исполнения всех этих обязанностей он не имел возможности. В своей епархии «великий господин», неограниченный «владыка» и безконтрольный распорядитель не только своих личных поступков и деятельности, но жизни и деятельности множества подчиненных ему и зависящих от него лиц, в Москве он становился в подчиненное зависимое положение, и не мог сделать ни единого самостоятельного шага;— великий господин

дома, в Москве превращался в очень маленького господина, обязанного заискивать и угодничать пред сильнейшими и бóльшими его господами; ему в Москве приходилось в мороз, по часу и по два дожидаться, на крыльце, пока бóльший его владыка и великий господин велит впустить его в свою переднюю. Епархиальный очередной архиерей прекрасно понимал, что пребывание в Москве было для него экзаменом, искусом, который он должен во чтобы то ни стало пройти с успехом, чтобы не испортить своей архиерейской карьеры. Естественно, что очередной епархиальный архиерей напрягал в Москве все свои силы, пускал в ход всё свое умение, чтобы с успехом выдержать экзамен и благополучно возвратиться в свою епархию. Вероятно большинство епархиальных архиереев ехало в Москву не особенно охотно; но зато, исполнив успешно хлопотливую и тяжелую повинность, с удовольствием спешило возвратиться в свои епархии.

Когда и как сложился и развивался у нас институт «чередных» епископов, которых мы отождествляем с «прилучившимися», не знаем, но несомненно он существовал уже в XV веке. Первый в Москве, поставленный независимо от константинопольского патриарха митрополит – Иона, в своей прощальной грамоте Владимирскому и берестийскому епископу Даниилу, говорит: «мы простихом его и благословихом, с всеми нашими детьми и с служебники, с архиепископом и епископы рускими нашия митрополия, елиции в сие время прилучишася при нас»¹⁸. Потребность иметь в Москве хотя бы немногих очередных архиереев для советов и решения возникавших разных церковных дел, которые не мог решить один митрополит или патриарх, была так естественна и настоятельна, в виду особых территориальных условий древней Руси, что к этому средству правительство должно было прибегнуть очень рано. Русские епархии занимали тогда собою огромные пространства, многие из них были крайне далеки от столицы, дороги в то время были чрезвычайно плохи, а в некоторые времена года и совсем непроездны. Чтобы архиерею более или менее отдаленной епархии попасть в Москву с целою свитою и даже хором певчих, требовалось много сборов, хлопот, времени, и то

только под условием, что состояние пути допускает поездку. Ввиду этого обсуждение неожиданно возникавших и требовавших немедленного или во всяком случае скорого решения дел, не могло бы состояться при указанных условиях, приходилось и дела неотложные отлагать на очень долгое время, пока вызванные епархиальные архиереи, получив предварительное извещение, могут приехать в Москву. Все эти неудобства и неизбежные затруднения, которые могли иногда иметь серьезные неблагоприятные последствия для правильного и беспрепятственного течения дел, уничтожались сами собою, когда в Москву стали, более или менее правильно, вызывать очередных архиереев. Мы не можем сказать, когда этот обычай сложился окончательно и стал действовать непрерывно, так что менявшиеся в своей очереди архиереи всегда, без перерывов, в том или другом количестве, находились в Москве. Одно только несомненно, что к семидесятым годам XVII века этот обычай уже окончательно сложился и действовал вплоть до учреждения Св. Синода. Вероятно дело шло так: сначала очередные архиереи, конечно из ближайших епархий, вызывались в Москву только в особых случаях и, по решению ими известных дел, возвращались в свои епархии и немедленно не заменялись другими, вновь вызываемыми архиереями, так что между их вызовами в Москву были, смотря по обстоятельствам, более или менее продолжительные промежутки. Но с течением времени жизнь всё более усложнялась, всё настоятельнее и чаще являлась потребность в соборах прилучившихся епископов, и они всё чаще и чаще стали появляться в Москве, пока наконец не пришли к мысли постоянно иметь в Москве нескольких епархиальных архиереев, удерживая их на более или менее продолжительное время. А чтобы надолго одних и тех же архиереев не отрывать от их епархий, стали вызывать на известные сроки по очереди: ныне одних, завтра других, и таким образом к семидесятым годам XVII века прилучившиеся архиереи превратились в очередных. Значит, у нас до Петра 1-го самой практикой церковной жизни уже создано было особое церковно-правительственное учреждение, ведущее текущие

церковные дела и состоящее из нескольких вызываемых на известные сроки в Москву епископов т.е. создано было нечто вроде Св. Синода. В виду этого думать, что Петр, учреждая Синод, сделал в церковном управлении что-то у нас невиданное, новое, небывалое, им сочиненное чуть не по иноверному иностранному образцу, есть чистое недоразумение, основанное на недостаточном ознакомлении с своею собственною церковною стариною; в действительности Петр, учреждая Синод, взял, известным образом приспособил и узаконил то, что уже ранее существовало, что создано было нашею же собственною церковною жизнью.

Соборы из прилучившихся или очередных архиереев занимались рассмотрением и решением только текущих дел, не имевших общецерковного характера и значения, они не устанавливали общецерковных норм, не издавали распоряжений, касающихся всей церкви, не решали вопросов веры и благочестия, а только обсуждали и решали относительно частные случаи, входившие в специальную архиерейскую компетенцию, почему эти соборы по большей части состояли из одних только епископов и только иногда, по особым обстоятельствам, к ним присоединяли еще несколько архимандритов, игуменов и представителей белого духовенства. На этих соборах рассматривались и решались дела главным образом касающиеся проступков и неправильных действий как самих епископов, так и разных членов клира, почему на такие соборы можно смотреть как на высшее судебное духовное учреждение, только действовавшее не постоянно, а по временам; причем когда судился епископ, — архимандриты, игумены и белое духовенство на соборе не присутствовали, когда судился низший член клира, и притом чем-либо выдающийся и популярный, на собор, кроме епископов, приглашались еще архимандриты, игумены и белое духовенство. На этих соборах царь лично не присутствовал, не присутствовали на них и члены боярской думы, но царь имел на них своих представителей — кого-либо из своих бояр и дьяка.

Соборы из прилучившихся епископов, с половины XVII века, нередко называются в документах, да и сами себя называют

«преосвященный собор», «святительский собор», «архиерейский собор», «архиерейское собрание», причем все эти названия имеют в виду выразить одну и ту же мысль, что такой собор в большинстве случаев составлялся из одних архиереев, и потому был собором неполным, ненастоящим, так как, с одной стороны, на нем не было всех архиереев страны, с другой – ему не доставало необходимых членов настоящего собора: монашества, белого духовенства и мирян.

«Преосвященные» или неполные соборы древней Руси были нечто в роде нынешнего св. Синода, состоящего тоже не из всех архиереев, а только из вызываемых на очередь и потому постоянно меняющихся. Но между ними было и важное различие, как в учреждении судебном. Все судебные решения Синода, как высшей инстанции, есть окончательные и обжалованию не подлежат; тогда как судебные решения древне-русского собора из прилучившихся епископов были не окончательные. Недовольный их решением, находя, что оно неправильно и незаконно, всегда мог апеллировать к другому, так называемому бóльшему собору, который обязан был пересмотреть вновь всё дело, и постановить свое решение независимо от состоявшегося ранее. Этот другой – больший собор — образовывался обыкновенно таким образом, что к прежнему составу собора из прилучившихся епископов, чрез особый царский вызов, присоединяли несколько новых архиереев и, смотря по лицу и важности обвинения, к архиереям присоединяли еще иногда нескольких представителей из белого и черного духовенства. Этот-то второй собор, с увеличенным составом членов, и назывался, по отношению к первому – меньшему, «бóльшим» собором, «совершенным собором», а иногда даже «великим собором», и представлял из себя высшую судебную инстанцию, куда апеллировали лица недовольные решением первого – меньшего собора.

О разделении неполных соборов на меньшие и бóльшие, в смысле низшей и высшей судебной инстанции, мы находим прямые и ясные указания. «В нынешнем, господя, 7171 году (1663 г.), июля в 17 день, посланы вы (газский Митрополит

Паисий Дигарид и астраханский архиепископ Иосиф) от великаго государя и от нас – всего преосвященного собора в Воскресенский монастырь к бывшему патриарху Никону говорити, что ведомо учинилось великому государю и нам – преосвященному собору“, что Никон будто-бы проклинал царя. «И ныне нам – преосвященному собору... ведомо учинилось“, что Никон не хотел выслушать посланных «от великаго государя и от нас – преосвященного собора“. «И мы, преосвященный собор, сих ради всех дерзновений его (Никона) вышеписанных, приговорили, что ему, Никону патриарху, быти в Воскресенском монастыре, в который он сам, оставя патриаршество, пришел своею волею, не исходну до совершеннаго собору. А и бóльшему собору употребилось быти его же ради Никонова дерзновения, что он Никон, бывший патриарх, ни во что вменил прежде бывшее собрание архиерейское о его патриаршем оставлении¹⁹. Или например: «в прошлом во 168 году (1660 г.), по божественному повелению благочестивейшаго государя, собравшись преосвященный собор в богохранимый царствующий град Москву, и снисдохомся в крестовую патриаршу палату: митрополити, архиепископи и епископи. И в то время великий государь прислал к нам, преосвященному собору, обыскныя речи с боярином Петром Михайловичем Салтыковым, да с думным диаком Алмазом Ивановым, о Стефане, архиепископе суздальском, по челобитью и извету того же суздальскаго града соборнаго попа Никиты, и чтоб нам по тем обыскным речам правильно об этом Стефане архиепископе поразсудить; и у того дела великий государь указал с нами, архиереями, быть боярину своему Петру Михайловичу Салтыкову, да думному диаку Алмазу Иванову. И тех обыскных речей мы соборне с боярином и диаком слушали, и по тем обыскам и речам познали“, что архиепископ Стефан попом Никитою оклеветан. И тогда т.е. в 1660 году преосвященный собор в виду того, что архиепископ Стефан «возненавиден того града людьми“, перевел его из суздальской епархии в Москву, в Архангельский собор, а поп Никита за клевету подвергнут был запрещению. Но в 1661 году, февраля 5-го, архиепископ Стефан «ту соборную архангельскую церковь

оставил, и в ней служить не стал самовольно. И в нынешнем 171 году (1661 г.), мая в 26 день, по указу великаго государя преосвященный собор: Лаврентий митрополит казанский и свияжский, Питирим митрополит сарский и подонский, Паисий митрополит газский, Феодосий митрополит сербской земли вершацкий, Филарет архиепископ смоленский и дорогобужский, Иларион архиепископ рязанский и муромский, Иосиф архиепископ астраханский и терский, Нектарий архиепископ погониатский, Александр епископ вятский и великопермский – в крестовой патриарховой палате Стефана архиепископа допрашивали“, почему он не стал служить и самовольно оставил архангельский собор? На это архиепископ отвечал: «потому-де я не служу у архангельския соборныя церкви, что-де я от своего престола, к которому поставлен сперва – в Суздаль, изгнан, и то ея ради скорби никогда в ней с чистою совестью не служил, и впредь в той церкви за тем же не могу послужити до совершеннаго собора“. Преосвященный собор приговорил архиепископа Стефана на житье в монастырь, какой укажет государь. Чрез несколько времени архиепископ Стефан подал государю челобитную, в которой объясняет, что за послушание государю «и святительскаго собора приговору“, он сослан в ростовский Борисо-Глебский монастырь, «под запрещением от святительскаго собору“ и теперь, в виду его тяжелой болезни, просит дать ему от собора разрешение. С своей стороны суздальский поп Никита, запрещенный собором за ложный извет на архиепископа Стефана в 1666 году подавал государю о разрешении челобитную, в которой запретивший его собор называет «архиерейским собором“²⁰.

Чтобы лучше видеть, что такое были у нас соборы меньшие и бóльшие, приведем несколько фактических данных. В 1653 году патриарх Никон собрал собор для суда над протопопом московского Казанского собора Иоанном Нероновым. На соборе, кроме председателя, патриарха Никона, были архиереи, архимандриты, игумены, протопопы и священники, так что собор был очень разнообразного состава. Собор произнес запрещение на Неронова и сослал его на смирение в монастырь. Но Неронов счел себя неправильно осужденным и публично стал

заявлять – в челобитных царю, царице, в письмах к царскому духовнику и всюду, что Никон осудил его неправильно, пристрастно, незаконно. Тогда патриарх Никон, ввиду протестов Неронова, в 1656 году собрал на него новый – бóльший собор, на котором, кроме самого Никона, были: антиохийский патриарх Макарий, пять митрополитов, из них два иностранца, четыре архиепископа и один епископ, восемнадцать архимандритов, десять игуменов, восемь протопопов и, кроме того, говорит соборное деяние, «священницы и диаконы мнози, еoliko их случися быти». Этот новый – бóльший, чем в 1653 году, собор на Неронова, поясняет соборное деяние, созван в силу 12 правила антиохийского собора, «глаголющему сице: извержен быв из сана, аще притужает церкви, возвещая о себе, да просит к большему собору приступити и судитися: и каков суд тии изнесут нань, в том да пребывает. Аще же и потом противу глаголет, да не имать оправдания. Толкование: Аще который епископ, или презвитер, или диакон, извержен быв от сана собором, и мнит, яко без правды извержен бысть, се правило не возбраняет, но паче повелеваеть ему к большему собору приступити и судитися, и от того исправитися, в них же мнится прав быти, на превращение изнесеннаго нань суда от собора того»²¹. 18 декабря 1664 года патриарх Никон неожиданно прибыл из Воскресенского монастыря в Москву, явился, во время службы, в Успенский собор, где местоблюститель патриаршего престола, ростовский митрополит Иона, принял от него благословение. По поводу этого поступка митрополита Ионы, который, по заявлению государя, «до бóльшаго собора сообщения с ним (Никоном) не должен иметь», по повелению царя 22 декабря, в патриаршей крестовой палате, собрался собор «из прилучившихся» в то время в Москве митрополитов: Павла сарского, Паисия газского, Космы амасийского, Макария гревенского, Феодосия сербского и архиепископа погорянинского Нектория. Собор этот временно отстранил митрополита Иону от местоблюстительства патриаршего престола и даже совершения служб, но в то же время признал, что окончательное решение этого дела требует созвания бóльшего собора. Действительно 10 февраля 1665

года, по делу митрополита Ионы, собрался новый – большой собор из одиннадцати архиереев, на котором Иона принес покаяние в своей проступке, оставлен был по-прежнему митрополитом ростовским, но лишен был звания патриаршего местоблюстителя²². В 1660 году государь собрал собор, чтобы окончательно решить вопрос о Никоне и выборе ему преемника. На этом соборе, в качестве присутствовавших членов подписалось 16 архиереев, между которыми были три греческих и один сербский, 29 архимандритов, 13 игуменов, 5 протопопов и старец Епифаний Славинецкий. Кроме подписавшихся на соборе были конечно и другие лица, которые не подписывались под соборными деяниями. Собор, значит, был очень многочисленный и разнообразный по своему составу. Продолжался он очень долго, именно: открыт был 17 марта, а закончился 14 августа т.е. тянулся почти пять месяцев. На нем подробно исследовано было всё дело оставления Никоном патриаршей кафедры, делались и русскими и греческими архиереями выписки из всевозможных правил применительно к случаю, и наконец собор пришел к единодушному решению на место Никона избрать и немедленно поставить нового патриарха. Это свое решение члены собора ради торжественности подписали в Успенском соборе в присутствии царя и всего царского синклита²³. Таким образом этим собором, который собственно был судом над Никоном, последний был признан виновным в своевольном оставлении патриаршей кафедры и потому соборно присужден был к лишению патриаршества, а на его место решено было немедленно избрать нового патриарха. Но Никон не признал правильным состоявшегося о нем соборного постановления, решительно и энергично заявлял, что собор 1660 года не имел права судить его, что это был не собор, «а сонмище иудейское», как выражался он, так как судить его – Никона имеет право только константинопольский патриарх, а не подчиненные ему и, в большинстве, им же поставленные русские епископы. Этот протест Никона царь принужден был признать заслуживающим полного внимания, и потому требующим созвания нового – большего собора для окончательного суда над Никоном т.е.

признал, что должна быть образована новая высшая судебная инстанция для суда над Никоном, которая вновь рассмотрит всё дело и так или иначе порешит его окончательно. В силу такого положения дела приговор собора 1660 года о лишении Никона патриаршества и немедленном избрании на его место другого лица, не был приведен в исполнение, а отложен до созвания нового – большего собора, на который, как известно, приглашены были греческие восточные патриархи. В их присутствии, в 1666 году, и состоялся больший, сравнительно с 1660 годом, собор, который вновь пересмотрел всё дело Никона и окончательно осудил его, после чего немедленно был избран и поставлен новый патриарх, преемник Никона. Значит в деле суда над Никоном собор 1660 года, несмотря на свой очень большой и разнообразный состав, играл роль низшей судебной инстанции, собор же 1666 года с восточными патриархами, роль высшей апелляционной инстанции, один был меньшим, другой сравнительно с ним бóльшим. Поэтому название собора 1666–1667 года, на котором присутствовали восточные патриархи, бóльшим собором, как его обыкновенно называют, неправильно. Это не большóй собор, а бóльший. Но бóльший собор, покончивши судебное дело, по поводу которого он созывался, мог потом, если был полного состава, заниматься и решением всех других уже общецерковных имевшихся тогда дел т.е. из высшей судебной инстанции он превращался в истинный или настоящий собор.

Третью группу церковных соборов XVI и XVII столетий составляли соборы в собственном смысле, соборы «истинные», как иногда называли их в отличие от соборов из одних епископов. Так Иоанн Неронов в 1654 году из Спасо-Каменного монастыря писал государю: «молим тя, о христолюбивый царю, изволи собору быть, и от писания свидетельству положену быти,— собору же истинному, а не сонмище иудейско: не единым бо архиереем подобает собратися, но и священно-архимандритом, и свящеено-игуменом, и протопопом, и священно-иноком, иереом и диаконом, ведущим до конца божественное писание, такожде и в мире живущим и житие добродетельное проходящим всякаго чина людем, поискати же

лепо, государь, и в пустыни живущих иноков, искусных отец, науку имеющих от божественного писания, паче же жития ради добродетельного и чистоты и дарованию сподобившихся от Бога, да же споспешествуют нам, государь, не точию словеса, но и молитвы их, ко исправлению православная наша христианская веры, да же истинна светлее солнца явится. Тебе же, государю, яко превеликому столпу, ту председети и всех зрети“²⁴.

Таким образом «истинный собор», в противоположность состоящему из одних архиереев, должен состоять, по взгляду Неронова, выражавшему понимание лучшей тогдашней Руси, из председателя царя, из архиереев, из архимандритов, игуменов и иноков, из протопопов, священников и диаконов, из мирян, ведущих добродетельную жизнь, и из пустынников, известных святостию своей жизни. Нельзя отказать этому взгляду на состав истинного собора ни в широте, ни в верности понимания идеи истинной церковной соборности.

В действительности состав истинных церковных соборов XVI и XVII столетий не всегда был одинаков: иногда они были полнее и разнообразнее по составу, иногда же состав их значительно сокращался, так что на них не участвовали даже все наличные епархиальные архиереи. Но настоящий собор никогда не состоял из одних архиереев, на нем обязательно, кроме архиереев, были представители монашества, белого духовенства и нередко мирян, помимо самого государя, который почти всегда присутствовал на этих соборах, и если не на всех его заседаниях, то обязательно на первом, так как такие соборы открывались обыкновенно самим царем.

Чтобы составить себе представление о составе того или другого собора, обыкновенно берут соборные акты или деяния и, на основании имеющихся на них подписей, делают заключение: сколько и какие именно лица присутствовали на известном соборе. Дело тут заключается в следующем.

Соборные деяния обыкновенно скреплялись собственноручною подписью присутствовавших на соборе лиц, причем в случаях, казавшихся особенно важными, сами члены собора подчеркивали то обстоятельство, что, в знак крепости и

незыблемости принятых соборных решений, все они собственноручно подписываются под ними. Так соборное деяние 1660 года о необходимости немедленного избрания преемника Никону говорит: «да сие соборное деяние твердо, крепко и незыблемо будет, сего ради мы, весь священный собор... нашими руками согласно подписахомся»²⁵. И действительно под соборным деянием 1660 года собственноручно подписались все бывшие на нем архиереи, архимандриты, игумены, старец Епифаний Славинецкий и соборные протопопы. В 1674 году, 3-го декабря, патриарх Иоаким составил соборный приговор: где и какие службы могут отправлять в Москве вдовые священники, «и тот приговор свой закрепил своею рукою и властям тоже указал к тому приговору руки приложить»²⁶. На соборе 1682 года архиереи заявляют: «мы есми готови, не отреченного же ради нашего соборного совещания, ответы вси руками нашими подписахом». Какое важное значение придавалось подписям под соборными постановлениями всех присутствующих лиц, когда постановления собора считались имеющими особую общественную важность, это видно из земского собора (порядки которого были те же, что и соборов церковных) 1682 года об уничтожении местничества, на котором присутствовало и высшее духовенство. На этом соборе «о святом Духе отцу своему и богомольцу, великому господину святейшему Иоакиму, патриарху Московскому и всея России, и преосвященным митрополитам и архиепископам, и своим государевым боярам и окольничим и думным людям изволил он, великий государь, говорить: сего боголюбезного и всему нашему царствию доброполезного дела на вечное непременно укрепление, изволяем мы, великий государь, наша царския десницы приписанием утверждение учинити; такожде и вы б, святейший патриарх, и все архиереи и наши бояре и окольничие и думные люди то деяние руками своими подписали. А которые выборные стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, и городовые дворяне ж и дети боярские от всех чинов челобитье доносили, и те б потому ж руками своими приписали»²⁷.

Но уже тот факт, что архиереи нарочито подчеркивают, что под соборными постановлениями они подписались все, тот факт, что царь нарочито требует, чтобы под соборным деянием подписались все, показывает, что обычно под соборными деяниями подписывались далеко не все присутствующие, что это не было всегдашним, всеми принятым и обязательно неизменно исполняемым обычаем. Кто и как подписывался на соборах и кто вовсе не подписывался, это прекрасно видно из заключительных слов деяний земского собора 1566 года, собранного по поводу возникшего вопроса о продолжении войны с Польшею, так как порядки земских соборов в общем были тождественны с порядками соборов церковных. Здесь говорится: «и мы, государевы богомольцы, архиепископы и епископы, на чем есмя государю своему и великому князю совет свой дали, и мы к сей грамоте, к своим речем, руки свои приложили и печати привесили. А мы – архимандриты, игумены и старцы – к сей грамоте, к своим речем, руки свои приложили. А мы государя своего и великаго князя бояре, и окольничие, и приказные люди, и дьяки к сей грамоте государю своему царю и великому князю крест целовали и руки свои приложили. А мы – княжата и дети боярские и дворяне – на сей грамоте, на своих речех, государю своему крест целовали. А – мы гости и купцы – на сей грамоте государю своему царю и великому князю на своих речех крест целовали»²⁸. Таким образом оказывается, что под деяниями собора архиереи привесили свои печати и руки свои приложили; архимандриты, игумены и старцы только подписались, а печатей не привешивали. Бояре, окольничие, приказные люди и дьяки крест целовали и подписывались. Все же прочие члены собора, очень многочисленные, но неродовитые и не чиновные, ограничились только крестным целованием, а рук своих к соборным деяниям не прикладывали.

С подобным же явлением мы встречаемся и в церковных соборах т.е. и здесь далеко не все члены собора и не всегда подписывались под соборными деяниями; в большинстве случаев довольствовались подписями важнейших членов собора – архиереев, и только в некоторых случаях, впрочем очень нередких, к ним присоединялись подписи:

архимандритов, игуменов, в XVI веке подписи соборных монастырских старцев некоторых важнейших монастырей, а в XVII веке подписи некоторых протопопов, по большей части московских кремлевских соборов.

Под деяниями церковных соборов никогда не подписывались присутствовавшие на них мирские лица: бояре, окольные и думные люди, хотя они, как увидим, были столь же равноправными членами соборов, как и архиереи. Никогда не подписывались под соборными деяниями члены так называемого «освященного собора», когда под ним разумелось белое духовенство или клир вообще, исключая соборных протопопов, которые, как «нарочитые мужи», начиная с XVII века, стали подписываться под деяниями некоторых соборов, отделившись от остального клира – священников и диаконов.

Под некоторыми соборными деяниями мы не находим подписей архимандритов и игуменов и в тех случаях, когда они несомненно присутствовали на соборах, о чем заявляют самые соборные деяния. Их подписей мы не встречаем в большинстве случаев под теми соборными деяниями, в которых все присутствовавшие архиереи названы поименно с обозначением их кафедр, тогда как о других членах собора сказано только вообще и безлично, что, кроме поименованных архиереев, присутствовали еще архимандриты, игумены и освященный собор, под которым, при таких перечислениях присутствующих, всегда разумеется белое духовенство. Например соборный акт 1503 года, о невзимании мзды с священнослужителей за хиротонию, говорит о составе членов собора так: «мы Иоанн, Божию милостию государь всея Руси и великий князь, и сын мой князь великий Василий Иванович всея Руси, поговоря с Симоном митрополитом, и со архиепископом Геннадием Великого Новгорода и Пскова, и с Нифонтом епископом суздальским и торуским, и Пратасьем епископом резанским и муромским, и с Васьяном епископом тферьским, и с Никоном епископом коломенским, и с Трифоном епископом сарьским и поддонским, и с Никоном епископом перьмским и вологодским, и со архимандриты, и со игумены, и со всем священным собором.... уложили есмя и укрепили»²⁹. Под этим соборным

деянием подписались одни лично указанные архиереи, а подписей безличных архимандритов, игуменов и представителей белого духовенства не имеется, хотя они и присутствовали на соборе. Буквально то же самое явление мы встречаем и относительно подписей под деяниями собора 1503–1504 годов о вдовых попах и дьяконах. Точно так же и на соборе 1564 года, о белом клобуке, присутствовавшие архиереи указаны поименно, между тем как архимандриты и игумены упомянуты безлично, почему и под соборными деяниями подписались только одни архиереи, подписей же архимандритов и игуменов, присутствовавших на соборе, но лично не поименованных, нет³⁰. Наоборот, под теми соборными деяниями, которые поименно называют не только присутствовавших архиереев, но и архимандритов и игуменов, обыкновенно подписываются не одни архиереи, но и архимандриты и игумены, ранее названные по именам. Так на соборе 1572 г. о признании четвертого брака царя Ивана Васильевича, поименно перечислены все присутствовавшие архиереи, архимандриты и игумены и подписи их мы находим под соборным деянием³¹. В уложенной грамоте 1589 года об учреждении в России патриаршества говорится: «а на соборе, и на избрании, и на поставлении патриарше, и на всем соборном уложении были», и затем поименно перечисляются все бывшие архиереи, архимандриты, игумены, соборные старцы, и к этому поименному перечислению прибавлено безличное указание «и весь освященный собор». А для укрепления, говорит грамота, царь велел к соборным деяниям привесить свою печать, патриархи и все другие архиереи «печати свои приложили и руки свои приписали, а архимандриты, и игумены, и соборные старцы руки свои приписали». Освященный собор – клир рук своих не прикладывал³². В деяниях собора 1649 года о единогласии перечисляются все присутствовавшие на соборе архиереи, архимандриты, игумены, а также и протопопы и подписи перечисленных мы находим под соборным деянием³³. На соборе 1654 года о книжных исправлениях точно так же поименно перечислены все присутствовавшие архиереи, архимандриты, игумены и протопопы, и все они подписались

под соборным деянием³⁴. Здесь, как и на предшествующем соборе 1649 года о единогласии, протопопы выделены в отдельную группу от остального клира, который при перечислении присутствующих только безлично упоминается вслед за протопопами «и весь освященный собор» и, как безличный, не подписывается под соборными деяниями. Точно так же и на соборе 1656 года, против Иоанна Неронова, поименно перечисляются и потому подписываются под соборным деянием, не только архиереи, но и архимандриты, игумены, протопопы³⁵. На соборе 1666 года кроме архиереев, перечисленных поименно, хотя и присутствовали «от прочих чинов нарочитии мужи: архимандрити, игумени и протопопи», но так как они не указаны поименно, а только вообще т.е. безлично, то и под соборными деяниями нет их подписей, – подписались одни архиереи³⁶.

Но если в соборных деяниях и перечисляются иногда поименно почти все присутствовавшие на соборе лица, то и из этих перечисленных лиц далеко не все подписывались под соборными деяниями. Так было, например, на земском соборе 1566 года по вопросу о продолжении войны с Польшей, где между боярами, присутствовавшими на соборе, и подававшими свое мнение вместе с другими, в числе подписавшихся однако не встречается следующих бояр: князя Ивана Бельского, князя Михаила Воротынского, Василия Юрьева, Василия Данилова, Василия Юрьевича Малого, Семена Яковля, царского казначея Курцева и печатника Висковатого, который впрочем подал отдельное мнение³⁷. Под уложением царя Алексея Михайловича не подписались 25 присутствовавших при его ставлении членов и пять дьяков, а всего – 30 человек³⁸. С подобным же явлением, т.е. что не все присутствовавшие на соборе и «нарочитые мужи», лично поименные в начале соборных деяний, обязательно подписывались под соборными деяниями, мы встречаемся и на церковных соборах. Так на соборе 1580 года, рассуждавшего о церковных землях, значатся присутствующими на соборе, но не подписавшимися под соборными деяниями следующие лица: казанский архимандрит Герман, московский богоявленский игумен из-за Торгу

Авраамий, антоньевский игумен из Великого Новгорода Иосиф, печерский из Пскова игумен Сильвестр, прилуцкий игумен с Вологды Иоаким, игумен троицкий Павлова монастыря Иван, глушецкий игумен Адриан, никитский из Переяславля Никон, колоцкий из Можайска Евфимий, из троицы-Сергиева монастыря старцы: Леонид, Измайло Сназин, Иосифова монастыря старец Измайло³⁹. На соборе 1589 года об учреждении у нас патриаршества, значатся присутствующими, перечисленные по именам, архимандриты, игумены, монастырские старцы – всего 52 человека. Но под соборной уложенной грамотой их подписалось только 18 человек, а остальные: 10 архимандритов, 16 игуменов и 8 старцев – всего 32 человека не подписались⁴⁰. На соборе 1649 года о единогласии присутствовали, но под его деяниями не подписались игумены: угрешский, даниловский и донской, а также протопоп архангельского собора Никифор. То же явление встречается и на других церковных соборах.

Было бы совершенно ошибочно смотреть на неподписавшихся под соборными деяниями, как на протестантов, как на несогласных с теми или другими соборными постановлениями. Причины, почему некоторые лица, присутствовавшие на соборе, не приложили однако своих рук под соборными деяниями, были совершенно другие, а никак не протест против соборных постановлений.

Прежде всего нужно иметь в виду следующее обстоятельство: соборные некоторые заседания продолжались довольно продолжительное время—по несколько месяцев. Вызванные на собор церковные чины, оторванные от своих занятий и обязанные проживать в Москве, не играя к тому же на соборе никакой активной роли, естественно стремились поскорее воротиться домой, и потому при первом удобном случае, под тем или другим предлогом, спешили оставить Москву, наперед выражая полное согласие со всем, что бы ни постановил собор, так что к концу длительных соборных заседаний некоторые из второстепенных членов собора, конечно с разрешения государя, оставляли Москву, почему их подписей и нет под соборными деяниями, на которых они

значатся присутствующими. С другой стороны много членов собора оставляло Москву в промежуток времени между окончанием соборных заседаний и составлением официального соборного деяния, так как на соборных заседаниях велись записи прениям, речам и мнениям, высказываемым на соборе, которые подвергались обработке, как материал для составления официального соборного деяния, которое потом давалось для подписи членам собора. А для всего этого требовалось необходимо иногда довольно много времени. В этот, иногда довольно длинный промежуток времени, между последними заседаниями собора и окончательным составлением его деяний, многие второстепенные члены собора оставляли Москву и возвращались домой к своим прерванным обычным занятиям, к исполнению своих прямых постоянных обязанностей, не ставя своей подписи под соборными деяниями. Правительство, с своей стороны, не имело причин удерживать их в Москве до тех пор, пока окончательно составлены будут соборные деяния, так как не придавало подписям лиц низших иерархических рангов особого значения и легко обходилось без них.

Итак, на земских соборах подписывались под соборными постановлениями только лица высших привилегированных классов, стоящих на верху служебной лестницы, низы же только целовали крест, как знак своего согласия с соборными постановлениями, не прикладывая к ним своих рук. Но даже и из привилегированных лиц подписывались иногда не все из присутствовавших на соборе. Точно также и на церковных соборах подписывались далеко не все из присутствовавших на них лиц. Так, под их деяниями никогда не подписывались присутствовавшие на них бояре, окольные и думные люди, или так называемый царский синклит; никогда не подписывались затем члены белого духовенства, исключая почетных протопопов. Мы видели, что нередко под соборными деяниями не подписывались и присутствовавшие на соборах «честнии архимандриты и преподобнии игумены», или, если когда они и подписывались, то не все, а только некоторые. То же нужно сказать и о монастырских соборных старцах и о

протопопах. Всё это показывает, что в древней Руси совсем не считали нужным иметь под соборными деяниями подписи всех присутствовавших на соборе лиц, а считали достаточным подписи хотя и немногих, но зато важнейших лиц, какими всегда признавались епископы. Только подпись присутствовавших на соборе архиереев под соборными деяниями считалась обязательною, а подписи других лиц могли быть и не быть,—сущность дела от этого не менялась. Очевидно епископские подписи служили выражением согласия с соборными постановлениями всего вообще духовенства, хотя бы под ними других подписей кроме архиерейских и не было. Правда, мы имеем два случая, когда даже не все присутствовавшие на соборах архиереи подписались под соборными деяниями. Так на соборе 1580 года в числе присутствовавших архиереев значится: Корнелий епископ юрьевский и виланской, Феодорит епископ сарский и подонский, но подписей их под соборными деяниями нет. Точно так же на соборе 1589 года, об учреждении патриаршества, присутствовали, но не подписались под уложенной грамотой: митрополит новгородский и архиепископ нижегородский. Несомненно однако, что отсутствие под соборными деяниями подписей указанных иерархов было явлением исключительным и чисто случайным, так как на всех других соборах все присутствовавшие архиереи, обязательно до своего отъезда из Москвы, подписывались под соборными деяниями, о чем всегда заботились сами государи, которые не допускали разъезда архиереев с Москвы прежде, чем они не подпишутся под соборными деяниями.

Из сказанного о подписях под церковными соборными деяниями само собою следует, что от этих подписей делать заключения о составе собора, о числе присутствовавших на соборе лиц, было бы крайне ошибочно. Подписи говорят только за то, что подписавшиеся действительно присутствовали на соборе, но вовсе не говорят за то, чтобы на соборе, кроме подписавшихся, не присутствовали и другие лица, разных общественных рангов и положений, лица может быть более многочисленные, чем подписавшиеся.

На всяком «истинном» или настоящем соборе XVI и XVII века присутствовал всегда царь, открывавший собор, которому принадлежала главная руководящая роль на соборе, о чем мы скажем подробно ниже. На соборе обязательно присутствовали по возможности все епископы страны. Они были главными деятелями в соборных обсуждениях и решениях и все они обязательно подписывались потом под соборными деяниями. За епископами следовали обыкновенно архимандриты и игумены важнейших монастырей и в разном для разных соборов количестве, смотря потому, откуда и скольких настоятелей монастырей пожелает вызвать царь. Под деяниями некоторых соборов находятся их подписи; но и на тех, под которыми их подписей нет, они всегда присутствовали, о чем прямо говорят самые соборные деяния. Ни один соборный акт, или какой-либо документ, не говорит, чтобы когда-либо и какой-либо архимандрит и игумен выступали с чем-либо на соборе и что-нибудь заявляли на них,— это были всегда соборные молчаливники, не игравшие на соборах никакой активной роли, значение их на соборах было чисто декоративное. В XVI веке в числе членов соборов из черного духовенства встречаются иногда так называемые монастырские соборные старцы, вызывавшиеся на собор из некоторых (впрочем двух–трех) важнейших монастырей. Под деяниями некоторых соборов (1581 г. и 1589 г.) есть даже их подписи. В XVII веке монастырских старцев на соборах мы более не встречаем конечно потому, что их не стали более вызывать на церковные соборы. Монастырские соборные старцы никакой активной роли на соборах не играли, их значение было чисто декоративное. Кроме соборных монастырских старцев на соборах иногда присутствовали другого рода старцы, выдавшиеся строгою подвижнической жизнью, особыми духовными дарованиями, а иногда ученостию и вообще образованностию. Так на соборах присутствовали старцы: Паисий Ярославов, Нил Сорский, Иосиф Волоколамский, Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий. Последним двум царь Алексей Михайлович поручал составлять акты деяний некоторых соборов. С своей стороны царь Иван Васильевич сильно желал иметь на соборе против

Башкина старца Максима Грека и даже писал ему от себя особую пригласительную грамоту на собор, но Максим решительно отказался присутствовать на соборе. Этого рода старцам на соборах принадлежала очень активная роль, о чем скажем ниже.

На всех истинных или настоящих соборах XVI и XVII столетий помимо черного духовенства всегда присутствовали и представители духовенства белого – протопопы, священники и диаконы и вообще члены клира, как необходимая составная часть истинного собора. Под деяниями некоторых соборов мы встречаем подписи присутствовавших на них протопопов. Так сохранились подписи протопопов под деяниями соборов: о единогласии в 1649 году, собора 1654 года о книжных исправлениях, собора 1656 года об издании исправленного Потребника⁴¹, собора того же года против Неронова, собора 1660 года о суде над Никоном. На деяниях некоторых соборов подписей протопопов нет, но зато в самых соборных деяниях прямо говорится, что на соборе присутствовали и протопопы. Так на соборе 1551 года царь говорил, что на собор он собрал епископов, архимандритов, игуменов и протопопов. На соборе 1554 года против Башкина, Артемия, Висковатого были, кроме архиереев, архимандриты, игумены и «священные протопопы»⁴². На соборе 1647 года, составившем постановление о почитании воскресных и праздничных дней, как это видно из грамоты патриарха Иосифа в Горицкий монастырь, кроме патриарха, архиереев, архимандритов и игуменов, были и протопопы⁴³. На соборе 1653 года, собранном Никоном для суда над Нероновым, протопопы присутствовали⁴⁴. Собор 1666 года говорит о себе, что на нем, кроме архиереев, присутствовали «и от прочих чинов нарочитии мужи: архимандрити, и игумени и протопопы»⁴⁵. В числе членов собора 1667 года прямо называются между другими и протопопы⁴⁶. Соборное разрешение Сильвестра Медведева состоялось в присутствии не только архиереев, архимандритов и игуменов, но «и священнопресвитеров и всего священного клира»⁴⁷.

Что вместе с протопопами на соборах присутствовали и другие члены клира, на это имеются прямые указания в самых

актах некоторых соборных деяний. Так на стоглавом соборе, говорят его деяния, присутствовали не только протопопы, но «и попы». На соборе 1653 года, против Неронова, были архиереи, архимандриты, игумены «со протопопы и иереи». Кроме того на этом же соборе присутствовал патриарший архидиакон Григорий «с своими советниками», причем Григорий с советниками даже вмешивался в судебные соборные прения, чем очень возмущался Неронов⁴⁸. На соборе 1656 года против Неронова были не только протопопы, но «к сим же и священники и диаконы мнози, елико их случися быти». На соборе того же 1656 года об учреждении архиерейских кафедр в Смоленске и Вятке и о печатании новоисправленного Потребника, присутствовали, кроме архиереев, архимандритов и игуменов «и прочие священнаго причта»⁴⁹. На соборе по поводу разрешения Сильвестра Медведева присутствовали кроме архиереев, архимандритов, игуменов и «священно-протопресвитеры со всем священным клиром».

Правда о присутствии клира в большинстве соборных деяний прямо вовсе не упоминается, чаще упоминаются, как мы видели, только протопопы. Но это потому, что протопопы тогда причислялись «к нарочитым мужам», почему они иногда даже подписывались под соборными деяниями. Но что и другие члены клира – соборные и приходские священники и диаконы, тоже присутствовали на соборах, это не подлежит сомнению, только они, как непривилегированные лица, не причислявшиеся к нарочитым мужам, выделялись в особую безличную группу, обычно обозначаемую в соборных актах термином «весь освященный собор».

Термин «освященный собор» употреблялся у нас в различных значениях. Когда в каком-либо акте или документе говорится, что освященный собор постановил, уложил, утвердил то-то и то-то, причем не указывается на состав собора т.е. не перечисляются группы участвовавших в нем лиц, то под термином освященный собор (иногда «священный», «святой») разумелась вся совокупность духовных членов собора, или церковный собор вообще, из кого бы он ни состоял, и в этом смысле всякий церковный собор можно было назвать

освященным. Когда в соборных актах и других документах говорилось, что на соборе присутствовали такие-то архиереи, которые перечисляются поименно, и затем добавлялось «и весь освященный собор»; то в таких случаях под освященными соборами разумелись не архиереи, как уже выделенные в особую группу и поименованные, а все остальные духовные члены собора. Когда говорится, что присутствовали на соборе архиереи, архимандриты, игумены «и весь освященный собор», то под последним разумеется одно белое духовенство, так как другие члены собора уже выделены из его состава и отдельно поименованы по их иерархическим группам. В некоторых соборных актах к архиереям, архимандритам и игуменам, присоединяется еще особая группа: протопопов и вслед за тем прибавляется «и весь освященный собор». В таких случаях под освященным собором, так как протопопы выделены в особую группу, разумеется рядовое соборное и приходское духовенство. Наконец есть и такие соборные акты, которые в числе членов собора указывают не только архиереев, архимандритов, игуменов, протопопов, но и священников и диаконов, или вообще «священный клир», «священный причт», т.е. иерархически и в отдельности перечисляют всех возможных духовных членов собора; то в таких актах, вслед за перечислением всех групп присутствующих членов собора, уже никогда не встречается обычного в других актах добавления – «и весь освященный собор», так как это добавление в указанных случаях было бы неуместно и совершенно излишне.

Таким образом термин «освященный собор» употреблялся у нас в XVI и XVII веках в очень различных смыслах, то более в широком, то более в узком и даже в узко-специальном смысле. Этим термином в соборных актах означался то весь состав собора, то бóльшие или меньшие его части, то специально только белое духовенство. Укажем некоторые свидетельства фактически подтверждающие высказанные нами положения.

В соборном определении 1503 года о невзимании с священнослужителей мзды за хиротонию, состав собора определяется так: «мы Иоанн Божию милостию государь всея Руси, и сын мой князь великий Василий Иванович всеа Руси,

договора с Симоном митрополитом всеа Руси, и со архиепископом Геннадием Великого Новгорода и Пскова (затем поименно перечисляются и другие бывшие на соборе епископы)... и со архимандриты, и со игумены, и со всем священным собором... уложили есмь и укрепили⁵⁰. Точно в тех же выражениях говорится о составе собора о вдовых попах и дьяконах⁵¹. В своем окружном послании 1547 года об установлении празднования новым русским святым, митрополит Макарий говорит, что «повелением господина и сына нашего смирения» великого князя и по совету с епископами, которые и перечисляются, «и с честными архимандриты, и с честными игумены, и со всем священным собором русския митрополия» (т.е. с духовенством кафедрального митрополичьего собора?) установили праздновать новым русским святым⁵². На Стоглавом соборе царь говорил: «по повелению нашему архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и пустынники, и духовные старцы, и протопопы и попы и со всеми освященными соборы всего нашего российского царствия в царствующем граде Москве собращася⁵³. Собор 1554 года против Башкина и других происходил в присутствии царя, его братьев, бояр, митрополита, других архиереев, архимандритов, игуменов, протопопов «и со всем священным собором руския митрополия»⁵⁴. В грамоте 1564 года о выборе на место умершего Макария нового митрополита и о белом клобуке, царь говорит: «повелехом снитися преосвященным архиепископом, и епископом, и честнейшим архимандритом и игуменом, и всему освященному собору»⁵⁵. Или: «лета 7072 (1564) февраля в 20 день, приговорил царь и великий князь Иван Васильевич всея Росии, и с своим сыном царевичем Иваном, и с своими богомольцы с архиепископы и епископы, и с архимандриты, и с игумены, и совсем освященным собором, и со всеми бояры, как быти чину на постановлении митрополита»⁵⁶. В уложенной грамоте 1589 года об учреждении у нас патриаршества говорится, что царь поручил совершить это великое дело константинопольскому патриарху Иеремии «по совету с нами (т.е. государем) и с первопрестольником Иевом... и с

архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и со всем освященным собором нашего великаго российского и греческаго царствия⁵⁷. Соборное деяние 1649 года о единогласии, перечислив всех присутствовавших на соборе архиереев, архимандритов, игуменов и протопопов, к этому перечислению присовокупляет «и со всем освященным собором». То же самое мы встречаем и в других актах и деяниях соборов, в них всегда указывается, как особая самостоятельная часть в составе членов собора «освященный собор» т.е. ближайшим образом соборный клир, к которому примыкало и приходское духовенство.

Что под освященным собором в соборных деяниях, в указанных нами случаях, действительно разумеется белое и по преимуществу соборное духовенство или соборяне, как отдельная и самостоятельная группа относительно других членов собора, это не подлежит сомнению, так как подтверждается множеством несомненных данных. Например говорится: «приговорил государь царь и великий князь Иван Васильевич, всея Руси самодержец, со отцем своим Макарием митрополитом всеа Руси: в неделю седьмую повелице дни быти в пречистой соборному молению со звоном, а пети всему освященному собору: митрополиту Макарию и архиепиекону казанскому и свияжскому Гурью, и крутицкому владыке Нифонту, и архимандритом, и игуменом, и всему освященному собору⁵⁸. Очевидно в последнем случае под «всем освященным собором», который должен петь вместе тоже «с освященным собором», состав которого точно указан, разумеется соборный клир – соборяне. В актах об отпуске в Казань (1555 г.) архиепископа Гурия говорится, что царь и митрополит «со благословением и о Христе целованием архиепископа казанскаго отпускает, с его архимандриты и с его освященным собором⁵⁹. В 1649 году царь Алексей Михайлович предписывает вологодскому архиепископу Маркеллу о праздновании явлению чудотворной иконы Казанской Богородицы: «и как к тебе наша грамота придет, и ты б, богомолец наш, в соборной церкви, со всем освященным собором» велел праздновать⁶⁰. В 1660 году по поводу победы

над поляками Алексей Михайлович предписывает архиепископу псковскому Макарию молебствовать «со всем освященным собором»⁶¹. В 1668 году, 6 июня, оставлявшего Москву антиохийского патриарха Макария провожали с крестным ходом из Успенского собора патриархи: александрийский Паисий, московский Иоасаф с митрополитами, епископами, архимандритами, игуменами, которые все перечисляются поименно: «и со всем освященным собором», причем запись поясняет, кто именно разумеется под освященным собором: «большого собора протопоп Михайло, архангельского собора протопоп Кондрат и всех соборов протопопы и священники, от приходских церквей священники» т.е. белое по преимуществу соборное духовенство, не исключая и приходских священников⁶².

Очевидно при каждом епархиальном архиерее древней Руси был свой собственный «освященный собор», какое название приурочивалось по преимуществу к клиру кафедрального собора и к клиру вообще. Когда царь Иван Васильевич заявляет, что на Стоглавый собор им созваны, между другими, «протопопы и попы со всеми освященными соборы всего нашего российского царствия», то это значит, что он приказал епархиальным архиереям приехать каждому в Москву на собор с своим освященным собором т.е. с клиром своего кафедрального собора. Поэтому иногда выражение «освященный собор» заменяется, в таких случаях, равнозначным и ныне употребительным выражением – соборяне. На похоронах царевны Ирины в 1673 году шли: патриарх, митрополиты, архиепископы «и иные власти с соборяны»⁶³.

Таким образом представители белого духовенства обязательно входили в состав членов настоящих соборов XVI и XVII столетий и обозначались в соборных актах и деяниях, когда перечислялись члены собора, одним и тем же термином: «весь освященный собор», исключая тех случаев, когда они или прямо назывались по своему званию: протопопы, иереи, диаконы, или когда название – освященный собор заменялось равнозначным: «священный причт», «священный клир».

Что же касается той роли, какую белое духовенство играло на соборах, то ниоткуда не видно, чтобы она была активной и деятельною; по-видимому и белое духовенство, так же как и черное, было на соборах пассивным и безгласным, его значение было более декоративное.

На вопрос, почему термин «освященный собор», при перечислении членов собора, приурочивается по преимуществу к белому духовенству, можно ответить следующим соображением: приурочивание названия «освященный собор» к белому духовенству имеет за себя очень далекое прошлое. Оно говорит, что в древнее время освященный собор, как собор чисто епархиальный, составлялся из белого приходского духовенства данной епархии под председательством местного епископа. Последний собирал подведомственное ему приходское духовенство в известные сроки для архиерейского наставления и наставления его по делам веры и благочестия, для совместного обсуждения и решения различных дел местного церковного управления, суда, устройства и упорядочения приходской благотворительности⁶⁴. Эти епархиальные соборы из белого приходского духовенства, в среде которого очень рано стало выдвигаться на первое место, ради постоянной близости к епископу, соборное духовенство того города, где жил епископ, в древнее время получили название освященных соборов, почему и в позднейшее время это название по преимуществу усваивалось белому духовенству и соборному прежде всего. По-видимому местные епархиальные соборы из приходского духовенства, получившие название освященного собора, имели в своей среде и мирских лиц, причислявшихся к клиру, но не имевших священного сана. На последнее обстоятельство указывают некоторые позднейшие грамоты, относящиеся к началу XVII века, в которых к освященному собору причисляются и лица, не имевшие священного сана. Так в 1611 году с воззванием на Вологду обращаются нижегородские архимандриты, игумены, протопопы, попы «и весь освященный собор», в состав которого, очевидно, входили еще какие-то лица, помимо архимандритов, игуменов, протопопов и попов. В грамоте из Ярославля на

Вологду говорится: «господам на Вологду: архимандритам, и игуменам, и протопопам, и попам, и всему освященному собору». Окружная грамота Троице-Сергиева монастыря архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына во все российские города адресовывается: «архимандритам, и игуменам, и протопопам, и попам, и дьяконам, и всему освященному собору»⁶⁵. Здесь перечислены все имеющие священный сан лица, и однако от них отдельно находится еще обращение к освященному собору, который, очевидно, мыслится составителями грамот как установление, имевшее в своем составе и лиц не имевших священного сана.

Термин «освященный собор» обозначая только белое духовенство, тем легче мог быть перенесен потом на всякий вообще церковный собор, что самые епископы, составлявшие главную неизменно обязательную силу церковных соборов, причислялись у нас в старину не к черному, как теперь, а к белому духовенству, и даже в позднейших сравнительно документах, в противоположность властям черным – монастырским, называются «белыми властями»⁶⁶. Патриарх Филарет Никитич, вместе с митрополитами, архимандритами и игуменами, часто присутствовал на царских приемах иностранных послов, а иногда и сам принимал их у себя. Это обстоятельство в Дворцовых разрядах отмечается так: по правую сторону государя сидел Филарет Никитич на своем месте: «по той же по большой лавке сидели власти белые и черные: митрополиты, и архимандриты, и игумены». Очевидно здесь под белыми властями разумеются митрополиты, под черными – архимандриты и игумены. Это подтверждается и другими данными подобного рода. Так турецкого посла грека Фому Контакузина принимает у себя государь вместе с патриархом: «а при государе и при великом государе святейшем патриархе были в полате: Паисий митрополит Селунский, Павел митрополит крутицкий, Аверкий митрополит верийский, и черные власти». В другой записи, при приеме датского посла говорится, что с патриархом тогда были: «крутицкий митрополит Павел, севастикий митрополит, верийский митрополит и чорные власти: архимандриты и игумены»⁶⁷.

Кроме епископов, белого и черного духовенства на соборах, хотя бы и не на всех, присутствовали и миряне, не отдельные только лица: какой-либо боярин и дьяк, которые, как представители государя, обязательно были на всех соборах и играли на них роль нынешнего обер-прокурора Св. Синода, но целый определенный класс мирских людей, являвшихся на церковные соборы вместе с государем. Это были члены боярской думы: бояре, окольничие и думные люди, или, как их иногда называют соборные акты, «преизящный царский синклит». Так на стоглавом соборе присутствовали «братья государя, князи, боляри и воины». Но соборе против Башкина вместе с царем и духовенством присутствовали братья государя и бояре. На соборе 1564 года государь был с своим сыном Иваном «и совсеми бояры». Бояре присутствовали на соборах 1573, 1581 и 1584 года, на которых обсуждался вопрос о монастырских вотчинах. На соборе 1666 года, открытом 19 апреля, кроме духовных лиц присутствовал и царский синклит: князи, бояре, окольничие и думные люди. В том же 1666 году 1-го декабря государь указал быть другому собору на Никона патриарха в своей государеве столовой избе. «А на том соборе указал быть преосвященным московским и греческим митрополитом, и архиепископом, и епископом, и архимандритом, и его царского величества бояром, и окольничим и думным человеком»⁶⁸.

Можно было бы думать, что бояре, окольничие и думные люди присутствовали на церковных соборах только как свита государя, составляя его личную, торжественную обстановку, требуемую придворным этикетом. За такое понимание дела по-видимому говорит то обстоятельство, что «синклит» являлся на церковных соборах только тогда, когда на соборных заседаниях присутствовал сам царь. Но если последний оставлял собор, то вместе с ним его обыкновенно оставляли и царские синклитики, причем и самые соборные заседания, когда на них присутствовал царь, обязательно происходили в царских палатах, после же его удаления переводились в патриаршую крестовую палату. Собор 1666 года, например, открыт был государем 29 апреля в царской столовой палате в присутствии

бояр, окольничих и думных людей. Но на втором и последующих соборных заседаниях царь уже не присутствует, а вместе с ним отсутствует и синклит, причем соборные заседания из царского дворца переводятся в патриаршую крестовую палату. Таким образом бояре, окольничие и думные люди были на церковных соборах как будто не членами его, а только свитою при государе. Но так понимать дело было бы несправедливо. В разных документах и в некоторых соборных деяниях сохранились указания, что бояре, окольничие и думные люди были действительными членами соборов, и этому обстоятельству сами соборы придавали особое значение. Например, в грамоте митрополита Макария 1554 года в Соловецкий монастырь о заточении Артемия, говорится, что царь Иван Васильевич «с нашим смирением, и со архиепископом, и епископы, и совсем освященным собором, в царствующем граде Москве, в царских его палатах, соборовав с ними, и с братьею и совsemi боляры на богопротивного, лукавого и безбожного еретика, и отступника православныя веры Матфея Башкина и на его единомысленников»⁶⁹. Здесь братья государя и все его бояре ставятся, как участники собора по строго церковному делу, наравне с архиереями и другими духовными членами собора. Соборное уложение 1580 года о монастырских и архиерейских землях говорит: «сего ради со благочестивым царем и великим князем Иваном Васильевич всеа Руси, и с его сыном царевичем со князем Иваном, мы, преосвященный Антоний митрополит всеа Руси, и совсем освященным собором, и совсем царским синклитом уложихом сице»⁷⁰. Опять царский синклит ставится равнозначущим с другими духовными членами собора. На соборе 1654 г., на котором решался в высшей степени важный чисто-церковный вопрос: нужна или нет предлагаемая Никоном церковная реформа, присутствовал и царский синклит, на какое обстоятельство счел нужным указать собор 1666 года в своем предсоборном собрании⁷¹. Открывая 29 апреля 1666 года собор царь Алексей Михайлович велел принести на собор «богодухновенную книгу Хризовул именованную», которая представляла из себя известное деяние константинопольского

собора об учреждении у нас патриаршества. Сказав речь к собору и прочитав затем вслух поданный ему Хризовул царь, по прочтении заключающегося в нем символа веры, «сотвори вопрос архиереом и бояром: тако-ли символ святой и прочия догматы по написанному в Хризовуле держать?» Когда на этот вопрос царя, обращенный одинаково и к архиереям и боярам, Питирим, митрополит Новгородский, ответил от лица собора: «такое верим, такое держим», тогда «благочестивый скипетродержец целовав символ святой в Хризовуле, и вручи и преосвященному собору, его же, по чину целовавшие архиереи, предаша и благородным бояром, окольничим и думным людям, кое же целовати»⁷². Очевидно, что царь своих бояр, окольничих и думных людей, присутствовавших на апрельском заседании церковного собора 1666 года, считал вполне равноправными с архиереями, почему и обращается с вопросом чисто церковным: о новоисправленном символе и других догматах к архиереям и боярам вместе, не делая между ними никакого различия. И когда на свой вопрос государь получил утвердительный ответ, он, поцеловав сам Хризовул, передает его для целования всем архиереям, боярам, окольничим и думным людям, что имело, очевидно, смысл нынешнего поименного голосования вопроса, причем бояре, окольничие и думные люди голосовали наравне с архиереями, как полноправные на соборе с ними лица.— Собор 1666 года издал «наставление благочиния церковного», в котором, между прочим, говорит и следующее: «ныне мы сошедшеся испытахом подробну, при благочестивейшем государе нашем... и при всем его царском синклите, чтуще славянския наши древния рукописныя книги... и ничтоже стропотно, или развращенно, или вере нашей православной противно в новопечатных книгах и в чинех церковных обретохом»⁷³. Здесь сам собор, как на доказательство правильности произведенных книжных и обрядовых церковных исправлений указывает на то обстоятельство, что проверка этих исправлений производилась на соборе между прочим «и при всем царском синклите», который значит, призывается в свидетели правильности церковных исправлений, как действительный участник соборных

деяний. На другом соборе в том же 1666 году, на котором присутствовали и восточные патриархи, читан был в присутствии царя и его синклита, свиток ответов восточных патриархов на предложенные им вопросы о власти царской и патриаршей. Когда чтение свитка кончилось, говорит современная запись соборных деяний, восточные патриархи обратились к собору с вопросом: «и по сему свитку бывший патриарх Никон в отсутствии своем с патриаршеского престола, волею своею безо всякие церковные вины и без повеления царского величества и без совету всего освященного собора – повинен-ли? И преосвященные митрополиты, и архиепископы, и епископы, и весь освященный собор, и царского величества бояря, и окольничие, и думные люди говорили, что по тем их патриаршеским присланным свитком, за их руками, бывший Никон патриарх повинен во всем и от патриаршества имеет быти отлучен“⁷⁴. Значит, на соборе бояре, окольничие и думные люди подавали, когда это требовалось, свой голос наравне с архиереями, как вполне равноправные им члены собора. Во время самого соборного суда над Никоном, когда оглашено было заявление Никона, что он считает русскую церковь уклонившеюся в латинство, так как в ней тогда самым видным деятелем был Паисий Лигарид, весь пропитанный латинством; то, говорит современная запись соборных деяний, «великий государь и весь освященный собор и его царского величества синклит говорили святейшим патриархам, что бывший Никон патриарх писал и назвал их всех еретиками, а не одного газского митрополита, и чтоб в том учинили указ по правилам святых апостол и святых отец“. Еще такой же случай на том же соборе: «и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и весь освященный собор, и бояре, и окольничие и думные люди Никону патриарху говорили: как он не устрашитца Бога, непристойные слова говорит и великаго государя безчестит“⁷⁵.

Из приведенных фактов очевидно, что бояре, окольничие и думные люди не просто только присутствовали на церковных соборах, как свита государя, но были такими же действительными членами соборов, как и архиереи и, когда это

требовалось, наравне с ними принимали участие в решении поставленных на соборе вопросов.

Предметом занятий истинных или настоящих соборов служили вопросы веры и благочестия, под которыми у нас, за одним-двумя исключениями, всегда разумелись вопросы церковно-обрядовые, касавшиеся правильного совершения церковных служб, соблюдения церковных уставов и предписаний, изменения известных церковных обрядов и чинов, в связи с исправлениями церковно-богослужебных книг; вопросы о церковном управлении и органах управления, о недостатках и исправлении жизни духовенства и всего народа и т.п. Вообще эти соборы обсуждали и решали все дела, имевшие обще-церковное значение, определяли нормы и правила общецерковной жизни и деятельности, всего церковного строя и управления, так как именно в них сосредоточена была вся организационная, законодательная и нормирующая общецерковная деятельность тогдашней церковной правительственной власти.

Таким образом истинный или настоящий церковный собор, имевший важность и значение для всей русской церкви, для всех сторон церковно-религиозной жизни целого народа, собор церковный законодатель и устроитель, составлялся: из государя, из митрополита, а потом патриарха; из всех по возможности епархиальных архиереев; из архимандритов и игуменов разных монастырей, к которым иногда присоединялись монастырские соборные старцы, а иногда и старцы известные своею благочестивою жизнью, или своими знаниями и образованностью; из белого духовенства как соборного, так и рядового приходского; из мирян — членов боярской думы. Никаких ранее определенных норм, чтобы из каждой указанной группы присутствовавших на соборе вызывать обязательно столько-то и именно таких-то лиц, совсем не было; старались, чтобы на соборе по возможности представлены были все группы, особенно из духовенства, но кто именно и сколько, всегда зависело исключительно от воли и усмотрения государя. Если предмет соборных заседаний казался ему очень важным, он мог вызвать на собор больше присутствующих, если казался

менее важным, то он мог вызвать и меньшее число присутствующих. Точно также от царя зависело вызвать членов одной группы в более усиленных размерах, чем членов другой группы. Словом ничего раз точно определенного и постоянно твердого и неизменного в этом отношении не существовало: руководились обычаем, предшествующими примерами, наличностью данных обстоятельств, а главным образом, как мы сказали, личною волею и усмотрением государя. При назначении в члены собора ценилось не лицо, принимались во внимание не личные качества членов – их знание, широкое знакомство с церковными делами, их убеждения, заинтересованность в возбужденном вопросе, а единственно: для архиереев – их сан, для настоятелей монастырей – важность и известность их обителей, для белого духовенства – принадлежность к известным по преимуществу московским кремлевским соборам, для мирян – принадлежность к боярской думе. Вообще как скоро человек занимал известный церковно-иерархический пост: был архиереем, настоятель известного монастыря, протопоп известного московского собора, а для светских – член боярской думы, он обязательно делался членом собора, каковы бы ни были его личные качества и свойства, пусть самые не нужные и для собора непригодные, – это было безразлично, такой человек всё-таки делался членом собора в силу одного своего известного официального положения. Конечно можно было вместо одного архиерея вызвать на собор другого, вместо настоятеля одного монастыря, вызвать настоятеля другого, вместо протопопов и клира одних соборов вызвать протопопов и клир других соборов; но сущность дела от этого мало изменялась. Понятно, как невыгодно такой порядок назначения членов соборов отзывался на самой соборной деятельности. Мы не говорим уже о том, что подобный порядок допускал возможность со стороны светской власти некоторого, в известных целях, искусственного подбора членов собора; но и помимо этого: при таких порядках на собор в большинстве являлись лица не убеждения, не интереса по затронутым не ими и может быть совершенно чуждым или безразличным для них вопросам, и потому люди всячески не старавшиеся глубже,

всестороннее и безпристрастнее изучить, осветить и порешить тот или другой вопрос, а люди отбывавшие неизбежную возложенную на них повинность. Их канцелярски-казенно вызывали на собор для решения не ими возбужденных вопросов, и они обсуждали и решали их тоже казенно-чиновнически, не вкладывая в это дело своей души и своего сердца; и это тем более, что члены собора прекрасно знали, что действительную душу всякого собора, его главную заправляющую и всё решающую силу составляет никто иной, как сам великий государь, к выяснению отношений которого к церковным соборам мы теперь и перейдем.

Главную роль во всех церковных соборах московской Руси XVI и XVII столетий играл государь, без воли и согласия которого не мог состояться ни один церковный собор, равно как и соборные постановления без его одобрения не могли получить силы закона. Причина этого явления коренилась в тех особых представлениях о царе, какие имела древняя Русь, и по которым царю принадлежит всецелая забота не только о делах государственных, но в равной мере и о делах церковных. Царь есть единственный источник всякого закона, как гражданского, так и церковного, так как он, по мнению древней Руси, был наместником Бога на земле и ему Господь, как своему наместнику, вручил заботу и попечение не только о делах государственных, но и о всех делах церковных.

Иосиф Волоцкий о царях выражается так: «бози бо есте (цари) и сынове Вышняго. Вас бо (царей) Бог в себе место посади на престоле своем... Царь убо естеством подобен есть всем человеком, властью же подобен есть вышнему Богу... Господь Бог устроил царя в свое место, и посадил на царском престоле, суд и милость предаст ему, и церковное и монастырское, и всего православнаго государства и всея руския земли власть и попечение вручил ему»⁷⁶. При венчании на царство Феодора Ивановича (1584 г.) митрополит между прочим говорил ему: «вас (царей) Господь Бог в себе место избра на земли, и на свой престол вознес, посади, милость и живот положи у вас»⁷⁷. Протопоп Иоанн Неронов пишет государю Алексею Михайловичу от 27 февраля 1654 года: «припадаю,

молю твое благородие, о равноапостольне, послушати изволи в сокрушении сердца вопиющего ти и слезный источник проливающего ти, государю, и яко богу по Бозе прибегающего к державе твоей... О благочестивый царю, иже воистину по Бозе бози“. Другой противник патриарха Никона – Лазарь учил, что власть царя божественна, и что «якоже отстоит небо от земли, и солнце выше луны и больши светом есть: сие и царская божественная власть вышши и больши прочих властей“. Где нет царя, или где царская власть восхищена другими, там, по мнению Лазаря, царствует антихрист. «Егда в Риме, говорит он, духовный человек – папа восхити на ся царскую Божию власть: и оттоле антихристово властительство есть в Риме, сие бо и о Цареграде: яко Божия царския власти не имеют“. Инок Амвросий пишет государю Алексею Михайловичу: «вся тягота церковная ныне на твоей выи висит; а на властей ныне ни на которых нечево смотреть – времени служат, а наперед не озираются беднии пастуси“⁷⁸.

Церковные наши соборы, с своей стороны, тоже проповедывали, что ведению царя подлежат все церковные дела и самые церковные соборы. Так в постановлениях собора 1660 года о царе говорится: «ему же (царю) свою церковь Господь преда, и закону ея поучатися день и ночь научи на устроение и возграждение сущим под рукою людем... Царь Боговенчанный, паче же благочестивый, православный и христолюбивый, есть благочинный раздаватель чина; ему, яко благочинному чина раздателю, о благочинии церковном, о боголепном православная церковь апостольския благоустроении же опасно пещися и тщатися всегда подобает.... Оному-царю, яко общему всех благу, не точию о благочинии церковном тщатися, и опасное о боголепном православная церкви Христовы благоустроении попечение творити, но и во общую спасаемых душ православных пользу, по благословной вине церковной, богоугодно священный собор созывать подобает“⁷⁹.

И сами русские цари верили и заявляли, что им Господом поручена забота и попечение не только о делах государственных, но и о всех делах церковных, тем более что от правильного течения церковных дел зависело и благосостояние

самого государства. Первый русский царь – Иван Васильевич, в соборной грамоте 1564 года о белом клобуке, так определяет свои отношения к церковным делам: «прияхом скипетры российскаго царствия, такоже и во благосостояние святых Божиих церквей, и монастырей, и мест»⁸⁰. Царь Алексей Михайлович отличал себя от Царя небесного существенно только тем, что он, в противоположность небесному вечному Царю, есть царь «тленный». В письме к боярину и воеводе В.Б. Шереметеву он пишет: «ведомо тебе самому, как великий Царь и вечный изволил быть у нас, великаго государя и тленного царя, тебе, Василью Борисовичу, в боярех не туне... Не просто Бог изволил нам, великому государю и тленному царю, честь даровати, а тебе принять... Как по изволению Божию и по нашему великаго государя и тленного царя указу»⁸¹... Он же, в грамоте к антиохийскому патриарху Макарию, приглашая его пребыть в Москву для суда над Никоном, между прочим пишет, что обязанности царя не о царском только пещися, но самое главное: «еже есть общий мир церквам и здраву веру крепко соблюдать и хранить нам; егда бо, поясняет свою мысль царь, сия в нас в целости снабдятся, тогда нам вся благая строения от Бога бывают: мир, и умножение плодов, и врагов одоление, и прочии вещи вся добре устроиться имут»⁸². Царь Феодор Алексеевич в грамоте об устройстве в Заиконоспасском монастыре академии заявляет, что его царская «первая и величайшая должность — охранение восточныя православныя веры, и тоя о разширении промышления»⁸³.

Московские государи в сознании лежащей на них высокой и очень ответственной обязанности заботиться о всех делах веры и церкви, направлять и исправлять их, если бы они в каком-либо отношении приняли неправильное течение, считали себя, как наместники Бога на земле, призванными контролировать всю церковно-религиозную жизнь народа, иметь над нею свой постоянный верховный надзор, руководить и заправлять всеми действиями самых церковных высших властей, строго наблюдая, чтобы их церковная деятельность всегда была согласована с божественным законом, охранителями и исполнителями которого являются цари.

В виду указанного представления о себе наших московских государей, они считали себя вправе, и помимо представителей церкви, предпринимать свои собственные меры к упорядочению, исправлению и улучшению религиозно-нравственной жизни народа, действуя в этом случае помимо всех церковных властей и учреждений. Примеров этого рода распоряжений государей очень много и мы укажем здесь только некоторые.

От 10 марта 1660 года государь Алексей Михайлович прислал в Великий Новгород свою грамоту к боярину и воеводе князю Григорию Семеновичу Куракину с товарищи. В этой грамоте государь заявляет: ему, государю, ведомо учинилось, что есть такие разных чинов люди, все называющие себя православными христианами, которые совсем не имеют у себя отцев духовных, не считают нужным исповедываться в своих грехах, хотя бы имели уже более пятидесяти лет от роду; что если такие лица захворав и боясь, что их, в случае смерти, не похоронят около церкви, и прибегают к исповеди, но эта исповедь бывает уже подневольной и «вмале приятна Богу», тем более что выздоровев, они опять перестают исповедываться, и некоторые из них так потом и умирают без покаяния, ради внезапной смерти. Царь настаивает, чтобы все говели и исповедывались во все четыре поста, а если это кому невозможно «великия ради нужды», то три или два раза в год. А если кому «отнюдь невозможно и дважды в год», то говели бы каждый великий пост, «оставя всякую нужду и презря всякое дело земное, и всякия суеты и душетленные печали», иначе, говорит царь, «той несть достоин нарещися истинным христианином.... таковой чужд есть христианского звания, и святые отцы иереем Христовым заповедаша не приняти у таковых никакого приношения в церкви Божии, не повелеша входить в церковь Божию». «И сего ради, пишет царь, мы, великий государь, о таковых погибельных и не кающихся душах изволили душею своею поскорбети, что б таковых погибельных душ на истинный путь – на покаяние обратити, и тем гнев Божий укротити, и милостива Его сотворити православному роду российскому благочестивыя своя держава». И вот царь

приказывает воеводе с товарищами, когда к ним придет эта царская грамота: «и вы б, в Новгороде и новгородском уезде, архимандритом, и игуменом, и протопопом, и приходских всех церквей попом и дьяконом церкви Божии пасти, закон и заповедь хранить такожде велели». Затем идут царские наставления духовенству, как оно должно действовать в данном случае, причем ему повелевается «росписи ослушников и безстрашников» т.е. ни разу в год неисповедывавшихся, присылать в Москву в монастырский приказ окольничему Стрешневу и дьякам, и тогда «таковым ослушникам наш, великаго государя, указ будет с опалою, без всякия пощады». А если б кто из духовных стал покрывать таких ослушников, не стал бы на них доносить и это царю сделается известным, то таким «приходских церквей попом и дьяконом за то от нас, великаго государя, быть в великой опале и пени, а по правилу св. апостол и св. отец в большом запрещении». В заключение царь приказывает воеводе с товарищами ехать с этою грамотою в соборную церковь, предварительно собрав в ней всё духовенство и прихожан, «и велели б сию нашу, великаго государя, грамоту честь всем людям в слух, что б сей наш, великаго государя, указ всем был ведом, и ходили б против правил св. апостол и св. отец по сему нашему, великаго государя, указу». Списки с грамоты повелевается разослать по монастырям и приходским церквам новгородского и великолукского уездов⁸⁴.

Приведенная грамота государя очень характерна в том отношении, что в ней царь решительно и открыто выступает в качестве епархиального архиерея, удрученного заботами о спасении душ своих пасомых, об обращении на путь истинный – путь покаяния грешников, о чем прежде всего и ближе всего должно бы было позаботиться не царю, а местному епархиальному архиерею и местному духовенству. С другой стороны эта грамота характерна в том отношении, что она посылается царем не местному архиерею или какому-либо другому духовному лицу, а чиновнику государственному: воеводе с товарищами. Им поручается в соборе собрать архимандритов, игуменов, всё соборное и приходское

духовенство и народ, и прочесть пред всеми учительно-назидательную грамоту государя, а списки с нее разослать по монастырям и приходским церквам в уездах. Наконец царь требует от духовенства, чтобы оно о небывших на исповеди своих прихожанах обязательно доносило не архиерею, не духовному вообще начальству, а начальнику монастырского приказа – окольничему Стрешневу, и тогда не архиерей или какая-либо иная церковная власть, а сам царь, как виновных грешников, так и тех духовных лиц, которые не будут доносить о небывших на исповеди прихожанах, станет наказывать своею великою опалою и пенями и большим запрещением. О том, чтобы передать надзор за всем этим чисто духовным делом местному архиерею и духовным властям, им поручить наблюдение за исполнением царской грамоты, нет и намек – всё делает только царь чрез своего воеводу с товарищами, епархиальной же духовной власти как будто и не существует.

Укажем на другое распоряжение царя Алексея Михайловича: «лета 7170 (1662 г.) царь Алексей Михайлович указал: Филиппов пост, от начала до совершения, всем православным христианом поститься; в монастырех потому ж имети житие, приличное иноческому обещанию. Притом в монастырех и по соборам и по мирским церквам пред литургиею, или после, петь молебны: в понедельник – о соединении церквей, в среду – Богородице, в пяток – о победе на супостаты»⁸⁵. В этом чисто церковном распоряжении царя скорее виден заботливый, ревнующий о спасении душ своих пасомых архипастырь, нежели светский правитель государства.

Как сильно наши московские благочестивые государи были проникнуты церковностию, это особенно ярко видно из того, что они даже на военное дело, с его удачами и неудачами, смотрели с строго религиозно-церковной точки зрения, и победы и поражения своих генералов-воевод объясняли не иначе, как степенью их благочестия и истовостию соблюдения ими церковного устава. Воеводе Лобанову-Ростовскому, потерпевшему, в войне с Польшею, неудачу под Мстиславлем, Алексей Михайлович пишет: «ныне к тебе окольничему нашему и воеводе, пишем не для того, что к городу не приступать и

промыслу не чинить, но для того, что ты к городу приступал без разсмотрения всякаго, положи упование на свое человечество и дородство, кроме Бога, а божественная писания не вспомянул: не надейтесь на кесари, на сыны человеческия, в них же несть спасения, изыдет дух их и возвратится в землю свою. А, по прилучаю, время то и пришло, что приступать, и в начале тебе, окольничему и воеводе, достоин внутрь себя прийти и сокрушить сердце свое пред Богом, и восплакать горце в храмине своей тайно пред образом Божиим о победе, и пред образом Пречистыя Матери Его, пресвятыя Богородицы, и всех святых тоже достоин призывать молитву их о победе же, что бы Господь Бог, в начале, наших, великаго государя, воевод и всех ратных людей сохранил, а всепетая наша и общая заступница пресвятая Богородица покрыла омофором своим, юже виде Андрей на воздусе молящуюся за ны к сыну своему и Богу нашему; так же бы и все святые сотворили молитву к Господу Богу за вас, воевод, и за всех наших, великаго государя, ратных людей, во еже помощи вам и спасти вас от всякаго вреда,— а не на свое высокоумие полагаютца. Да достоин и святым и странным нозе умыти; а кто святые и странные меньшая братия Христова? По Его евангельскому словеси: бедныя, маломощныя сироты... Аще бы у вас в полку сотворилось крепко, верую Богу и Господу нашему, что б Мстиславль вскоре одолен был от вас, воевод наших. Покаянию, молитве, милостыне, страннолюбию не может никакой неприятель сопротив стати: ни агаряне, ни сам адский князь, все окрест бегает и трепещут“.— Еще более характерным и оригинальным является послание царя Алексея Михайловича к другому генералу-воеводе, которому он указывает одно из верных средств одержать победу над неприятелем. Царь пишет: «да держись единоголаснаго пения, аще и нужда приключится — непоспеть отпеть единоголасно... и тебе бы, рабу Божию, творити по сему указу. Как застанет дело (т.е. битва), и ты от пения поди и вси слушаещи с тобою на дело Божие (т.е. на битву со врагом), за помощью Его святою; а в уме помышляй Иисусову молитву, а пение великое после себя по уставу и по чину единоголасно же. Ей причтен будеш в царствии небесном с лики святых, аще сия заповеди Божии управлены

будут по сему указу, и поспешат сия заповеди Божия и святых отец тебе, рабу Божию, во всяком деле. А о том не оскорбляйся, что не дослушал и пойдешь на дело воинское с радостью; поди без всякаго сомнения, а пение вменится тебе в слушание, что и без тебя то пение кончается почину и по заповеди св. отец. А будет и при тебе то пение сотворяему чрез заповедь Божию и святых отец (т.е. многогласно), и то (т.е. многогласное) пение тебе и всем ратным людям не к поспешению и не ко одолению будет, но ко всякому нестроению и повреждению всякому доброму делу; и о сем да даст тебе Господь Бог благое разсуждение и твердое состояние в сем деле, и да явишься всем врагом страшен⁸⁶.

Если царь и на военное дело смотрел с церковно-уставной точки зрения, и считал своею священной обязанностию назидать своих боевых генералов-воевод прежде всего в благочестии, как главном условии одержания побед над врагами; то тем более, конечно, он старался прилагать эти свои воззрения ко всем житейски-государственным отношениям и положениям, всячески проводить их во всю общественную жизнь, и особенно настойчиво и внимательно следил, чтобы высшая церковная власть всегда действовала в этом духе и направлении, исполняя волю и желание благочестивого государя, который, поэтому, являлся в Московской Руси главным инициатором церковных распоряжений высшей духовной власти. Из множества фактов этого рода укажем на два. Патриарх Иосиф в 1646 году, 16 февраля, писал: «указал государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, на Москве, сий святой великий пост, протопопом, и попом и дьяконом, и всем православным Христианом поститься и жити в чистоте со всяким воздержанием, и от пьянства и от неправды и от всякаго б греха удалялись». Ввиду получения такого указа от государя патриарх и делает соответствующие распоряжения по Москве, посылая об этом московскому духовенству свой наказ⁸⁷. В 1649 году тот же патриарх Иосиф, в грамоте к Маркеллу, архиепископу вологодскому, вооружается против сильно развившегося среди иноков монастырей пьянства; против недостатка в монастырях церковного благочиния, против

неединогласного пения и других монастырских непорядков и безчиний, причем патриарх поясняет: «а, мне, богомольцу своему, государь велел послать по всем монастырем грамоты, что б отнюдь в монастырях хмельного никакого питья не было, и жили б по преданию древних святых отец, и по чину монастырскому и уставу“, т.е. сам патриарх открыто признаёт, что его теперешние заботы о введении благочиния в монастырях, есть только исполнение воли и приказа государя, а не результат его личной архипастырской заботливости об устройении монастырской жизни⁸⁸.

Церковные соборы московской Руси XVI и XVII столетий были одним из проявлений верховных забот наших благочестивых государей о церкви, о правильном течении всех церковных дел; церковный собор XVI и XVII века это – орган, при посредстве которого царь осуществлял свои верховные права и заботы о процветании православной веры и благочестия. Этим и определялись особые отношения московского царя к церковным соборам.

Все церковные соборы московской Руси XVI и XVII столетий всегда обязательно созывались только по особому повелению государя, без его согласия не мог состояться ни один собор⁸⁹.

Приняв решение созвать церковный собор, царь разсылал от себя особые пригласительные грамоты ко всем архиереям, с предписанием явиться в Москву в назначенное царем время. Без этого особого царского приглашения ни один архиерей, только своею волею, ни под каким видом не смел явиться на собор. Тоже нужно сказать и о других лицах, входивших в состав собора, как его члены, хотя приглашения им шли не непосредственно от царя, а вероятно чрез одно из дворцовых учреждений. Таким образом состав членов собора всякий раз зависел от воли и усмотрения государя, являлись на собор только те, кого он сам приглашал или повелевал другим пригласить.

Место, где происходили заседания собора, назначалось царем. Обыкновенно дело в этом отношении ставилось так: если на соборе присутствовал сам государь, то соборные заседания обязательно происходили в царских палатах в

середней, золотой и так называемой столовой избе, а если царь на соборных заседаниях не присутствовал, то они обыкновенно происходили в так называемой патриаршей крестовой палате. Только два раза: в 1572 г. и при патриархе Филарете Никитиче, соборы происходили в московском Успенском соборе.

Все истинные или настоящие соборы открывались обыкновенно самим государем, который по большей части лично присутствовал на соборных заседаниях, хотя далеко не на всех. Нередко на собор он являлся в сопровождении своих бояр, окольных и думных людей, которые принимали участие в соборных заседаниях наравне с другими членами собора. Если царь оставлял соборные заседания, или вовсе на них не присутствовал, то их оставляли или на них не присутствовали и бояре, окольные и думные люди. Присутствие царя на «истинном» соборе считалось почти обязательным, так как оно придавало собору настоящую силу и авторитетность. Неронов на соборе 1653 года говорил Никону патриарху: «достоит поистине и благочестивому царю быти на сем соборе: понеже дело великое, Божие и ево государево, и общее всех православных христиан; а ими, благочестивыми и православными цари, всяк глагол верен бывает... Без них же, благочестивых государей, не состоится ничтоже, и вселенстии семь соборов благочестивых царей имели, и в пособие и в помощь призывали с молением, понеже их помощью и советом вера христианская утвердися. И ныне такоже сим благочестивым нашим государем царем всякая истина утверждается и правоверие и в российском его государстве яко солнце сияет». Убеждая царя созвать истинный собор, и указывая, из кого он должен состоять, Неронов говорит: «тебе же государю, яко превеликому столпу ту (на соборе) председети и всех зрети»⁹⁰. Другой противник церковной реформы Никона, дьякон Федор, приглашает царя стать на соборе безпристрастным судьей между двумя сторонами, борющимися за старое и новое. «Аще не собереша государь, говорит он, всех нас во едино (не о себе аз глаголю, ничто же бо есмь), кои стоят за старое и кои за новое, и обоих стран словес сам не услышиши: не познаешь, государь, истины. Егда будет

праведный между нами судия – или ты сам, христианская наша надежда, или кто верный твой царев слуга в тебе место, аще мы пред твоим царским лицом недостойны стати: тогда сии святии себе оправят и лесть прогонят от церкви далее, да паки чиста явится церковная нива от соблазн!“⁹¹ Соборное решение, состоявшееся в присутствии царя, считалось окончательным и неизменным, не допускающим апелляции и перерешения, потому что «царское осуждение суду не предлежит и не пресужается»⁹². Тогда как недовольный решением собора, на котором царь не присутствовал, всегда мог апеллировать к новому – большому собору, который обязан был вновь пересмотреть дело и мог поставить по нем иное решение.

Состоявшиеся на соборе те или другие постановления получали обязательную силу закона и вводились в церковную практику не иначе, как только после просмотра и одобрения их царем, который привешивал к ним свою печать или скреплял их своею подписью, без чего соборные постановления, сами по себе, не имели никакой силы. В большинстве случаев сами государи разсылали потом в разные места и установления соборные постановления в форме своих указов и распоряжений.

Таким образом вся внешняя, так сказать техническая сторона московских церковных соборов XVI и XVII столетий, исключительно зависела от царя: он был инициатором соборов и без его согласия они не могли состояться; он определял время и место соборных собраний, состав и количество лиц, заседающих на соборе, он открывал соборные заседания, утверждал состоявшиеся соборные постановления, придавая им силу закона, и потом заботился о проведении их в жизнь, с помощью своих царских указов и распоряжений.

Государь, решив собрать церковный собор, естественно должен был прежде всего позаботиться подготовить и известным образом предварительно обработать тот материал, над которым потом должен был оперировать собор. Отцы Стоглавого собора об этой предварительной предсоборной деятельности государя говорят следующее: «некогда вниде в слухи боговенчанного и христолюбиваго царя и государя

великого князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца, что по многим святым Божиим церквам звонят и поют не вовремя, кроме божественного устава, и многие церковные чины не сполна совершаются по священным божественным правилом, и не по уставу. Он же, боголюбивый царь, о том таковая слыша, не просто вмени, но разжеся Духом святым, вскоре повеле исписати о тех многоразличных церковных чинех, которые не по уставу и несполна по священным правилом совершаются, и вдасть на соборе отцу своему Макарию митрополиту всея Руси, и повеле ему о всех тех церковных чинех, разсудив, указ учинити по божественному уставу и по священным правилом“. Итак, царь Иван Васильевич, прежде созвания собора 1551 года, «повелел исписать“ о тех церковных и богослужебных нестроениях, о которых он получал сведения т.е. еще до собора им назначена была особая предсоборная комиссия, которая должна была собрать и подготовить весь материал для предстоящего собора. Несомненно, что в состав предсоборного материала входили и личные сведения и наблюдения самого государя. На это есть прямое указание в царских вопросах собору. В 34-м царском вопросе говорится: «да на Божественной литургии: Отца и Сына и Святаго Духа Троицу единосущную и нераздельну всегда не поют, речью говорят в нашем царстве. Как есмь был в Новгороде Великом и во Пскове, во святой Софеи премудрости Божии и у живоначальные Троицы, и во всех святых Божиих церквах по воскресным днем, и по господьским праздником, и нарочитым святым на вечерни: святыя славы поють и славословие поють на заутрени“⁹³.

Точно так же, как на Стоглавом соборе, дело происходило и на других церковных соборах т.е. по распоряжению и указанию царя сначала учреждалась предсоборная комиссия, которая собирала и известным образом обрабатывала (например в форме царских запросов на Стоглавом соборе) весь материал, который потом и поступал на рассмотрение, обсуждение и решение собора. Так, на соборе 1660 года, который должен был установить факт добровольного, или вернее, самовольного оставления Никоном патриаршей кафедры, по указу государя

боярин Петр Михайлович Салтыков «принес сказки писмянные», т.е. письменные показания всех тех лиц, какие были свидетелями обстоятельств оставления Никоном патриаршего престола, которых показания ранее были отобраны по особому распоряжению государя. Эти сказки должны были служить материалом для соборного суждения.— Когда 21 декабря 1662 года царь решил созвать для суда над Никоном новый – большой собор, и на него пригласить восточных патриархов, то, в то же время, «указал великий государь быти в Москве: Илариону архиепископу рязанскому и муромскому для собрания к тому собору всяких вин, да у тогож дела быти боярину Петру Михайловичу Салтыкову, да думному дворянину Прокофью Кузмичу Елизарову, да дьяку Лукьяну Голосову»⁹⁴. Очевидно этой комиссии поручалось собрать для предстоящего собора весь материал, необходимый для настоящего освещения и составления правильного соборного суждения о всей деятельности и поступках бывшего патриарха Никона. Но этого мало. «А во время того собора указал великий государь соборное дело ведать своим государевым богомольцам: ростовскому митрополиту Ионе, да рязанскому архиепископу Илариону, да своим государевым бояром: боярину князю Никите Ивановичу Одоевскому, да боярину Петру Михайловичу Салтыкову, да думному дворянину Прокофью Кузмичу Елизарову, да думному дьяку Алмазу Иванову, да дьяку Ивану Голосову». Значит, в эту вторую комиссию, которой поручалось «соборное дело ведать», вошла вся предсоборная комиссия с присоединением к ней нескольких новых лиц: из духовных – митрополита Ионы, из светских – боярина Одоевского и думного дьяка Алмаза Иванова. Эта вторая комиссия, предназначенная действовать уже во время самых соборных заседаний, играла роль справочного и делового бюро, которое хранило у себя весь ранее собранный для собора материал, передавало его в соборные заседания, давало собору нужные справки, разъяснения, наблюдало за ведением записей по соборным прениям, приводило их в порядок и единство и о всём, что происходило на соборе, докладывало государю, когда он сам не присутствовал на соборных заседаниях. Нельзя, в

данном случае, не обратить внимание на то важное обстоятельство, что обе комиссии, как предсоборная, так и соборная, по составу своих членов смешанного характера, состоят из духовных и светских лиц, причем последние численно решительно преобладают над духовными. Само собою понятно, что как предсоборная, так и соборная комиссии находились в непосредственном ведении государя и руководствовались в своей деятельности его непосредственными указаниями.— В 1682 году царь Федор Алексеевич собрал церковный собор и прислал ряд своих письменных предложений, с повелением собору рассмотреть, обсудить их и дать на них свой ответ. Важнейшим из царских предложений был проект реформы высшего церковного управления и увеличение числа епархий до 72-х. Все нужные обширные справки и материалы по этому делу заранее были собраны предсоборной комиссией и в готовом виде представлены были на собор. Так как все архиереи на соборе единодушно отклонили предложенную царем реформу, то отсюда можно заключить, что в предсоборной комиссии, разработывавшей проект реформы, архиереи вовсе не участвовали.

Таким образом весь материал для предназначенного того или другого церковного собора, по распоряжению государя, собирался и разрабатывался заранее особою назначенною им для этого комиссией, и затем поступал на собор в форме царских предложений или вопросов, на которые собор и давал свои ответы. Значит, как самые вопросы или точнее предметы, которые должен был рассматривать и обсуждать собор, определялись не им, а исключительно государем, который вероятно предварительно советовался обо всем с митрополитом, а потом патриархом; точно так же царскими же вопросами и предложениями создавались и те определенные рамки, только в пределах которых и могла двигаться вся соборная деятельность, не имевшая права переходить за установленные для нее царем границы, или вносить от себя что-либо новое, чего не давалось и не предусматривалось в

царских вопросах и предложениях,— дело собора было отвечать на предложенные вопросы, а не ставить их от себя.

Когда все подготовительные работы к предстоящему собору были закончены, царь открывал собор и произносил на нем речь, в которой указывал на причины собрания собора, на главный предмет и конечную цель соборных занятий. Некоторые из дошедших до нас царских речей к соборам очень характерны в том отношении, что они имеют вид поучений и назиданий отцам собора, выражают открытое стремление государей побудить своих богомольцев стоять на высоте своего церковного призвания, воодушевить их действовать без лености, без угодничества и уклончивости, руководствуясь только истиною, только опираясь на находящиеся в их распоряжении церковные правила и узаконения, руководственное значение которых признаёт православная церковь.

На Стоглавом соборе царь в первой своей – устной речи, говорил: «не объленитесь изреши слово к благочестию единомысленно о православной нашей христианской вере, и о благосостоянии святых Божиих церквах, и о нашем благочестивом царствии, и о устроении всего православного христианства, зело бо желаю и срадуюся и согласую сослужебен с вами быти, и вере поборник“. Во второй своей – письменной речи, которую царь передал собору, он между прочим взывает: «Бога ради и пречистыя Богородицы, и всех святых ради, потружайтесь, во еже исправить истинная и непорочная наша христианская вера, иже от божественного писания во исправление церковному благочинию и царскому благозаконию и всякому земскому строению, и нашим единокровным и бессмертным душам на просвещение и на оживление и на утверждение истинных православных христианских веры“. И обращаясь особенно к пастырям церкви царь говорит: «вы же, отцы наши – пастыри и учителя, внидите в чувства ваша, прося у Бога помощи, изтрезвите ум ваш и просветитесь во всяких богодухновенных обычаях, яко же предаде вам Господь“. И затем, прося отцов собора научать и просвещать на всякое благочестие его – царя, князей, бояр и

всё православное христианство «неленостно и тщательно», говорит: «прежде убо вы сами – пастырие и учителя известите себе и утвердитесь, и умножите данный вам от Бога талант... Потружайтесь о истинней и непорочней православной христианстей вере, и утвердите и изъясните, яко ж предаша вам святии Отцы по божественным правилом; и не токмо, глаголю вам, потрудитесь, но и постраждете за имя Христово, яко ж они, божественнии мужие, не токмо бо за имя Того страдаху, и за образ“. В заключение царь говорит: «аз же вкупе единодушно всегда есмь с вами исправляти и утверждати, яко наставит нас Дух святой“ и заявляет, что – пастыри без страха должны воспрещать и ему – царю, если он явится в чем послушником божественных правил.— Характер приведенной речи царя к собору – учительно-назидательный относительно отцов собора, самый ее тон показывает, что царь чувствовал и сознавал, что именно он есть верховный управитель не только дел государственных, но и церковных, и что его «царские богомольцы“ нуждаются в его царском поощрении и наставлении в деле церковного устроительства.

В 1660 году царь собрал собор по делу отречения Никона патриарха и, рассказывает соборное деяние, «февраля в 16 день предсташа весь преосвященный собор пред лицом великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича, всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца, и слыша от святых уст его велие попечение, зане святая соборная церковь пастыря и жениха не имеет, да преосвященный собор о сем крепко и единодушно праведне, не имея кто ненависти и тщетныя любви, по правилом святых апостол и святых отец, разсуждают, памятуя кийждо страшный суд и воздаяние комуждо по делом его... И в нынешний же настоящий 168 год, февраля в 27 день, говорит тоже соборное деяние, по указу великаго государя... преосвященный собор о отречении патриаршества святейшаго патриарха Никона правильной выписки слушали, и по выписке правилне разсуждали, бояся кийждо страшнаго суда Божия, и помня великаго государя мудрейшее повеление вышеписанное, крепце смотриша, да не како неправилне управление сие совершиться иматъ“⁹⁵. Опять

царь обращается к членам собора с назиданием, чтобы они обсудили предложенное им дело справедливо, по божественным правилам, не увлекаясь, при решении его, личной ненавистью и пристрастием, памятуя каждый страшный суд и воздаяние на нем каждому по делам его. И члены собора сами свидетельствуют, что они всячески старались решить дело справедливо, «бояся кийждо страшного суда Божия и помня великаго государя премудрейшее повеление вышеписанное», чем отцы собора как будто дают понять, что «премудрейшее повеление государя» о справедливости и безпристрастии соборных решений было для них далеко не лишним, так как памятование об нем было для них одним из мотивов решить дело безпристрастно.

Открывая собор 1666 года, царь в своей речи к собору между прочим говорил: «молим убо вы (отцов собора) и увещаем, яко да со всяким тщанием прилежите о сем деле Божии, во ежебы нам о попечении, вам же о нерадении и небрежении, в страшный день отмщения Судии нелицемерному слова не воздати. Се мы засвидетельствуем безначально живущаго и безконечно царствующаго, яко готови есмы вся наша и самых нас положит на поборение по церкви Божии; вы точию, о делателии нивы Христовы, небрежением отягчени не будите»⁹⁶. И здесь царь убеждает отцов собора не облениться, не быть небрежными и нерадивыми к делу Божию, показать в нем тщание и ревность; а про себя заявляет, что готов всего себя отдать «на поборение по церкви Божии».

Таким образом все речи государей к отцам соборов в известной степени напоминают собою речи тех полководцев, которые, перед битвой с неприятелем, стараются воодушевить своих соратников, поднять в них мужество и отвагу, возбудить в них готовность всем пожертвовать ради победы; цари на соборах это – полководцы, отцы соборов – их соратники.

В каком отношении царь находился к соборным заседаниям и ко всему происходившему на соборе, это с достаточною ясностью можно видеть из деяний некоторых соборов, о которых до нас дошли более подробные сведения.

На соборе 1660 года, об оставлении кафедры Никоном, царь, как мы видели, призвал к себе во дворец архиереев и других членов собора, поучал их и внушал рассмотреть и решить предложенное им дело с полным безпристрастием. Выслушав это «мудрейшее повеление» государя, отцы собора оставили дворец и направились в патриаршую крестовую палату, где и происходили соборные заседания. По повелению государя сюда явился боярин Петр Михайлович Салтыков, исполнявший на соборе роль нынешнего обер-прокурора Св. Синода. Этот царский «синклитик» «принес на собор сказки писмянные», в которых заключались показания всех тех лиц, какие были свидетелями оставления Никоном патриаршей кафедры, после известной его службы в Успенском соборе. Все эти письменные показания были ранее, по повелению государя, отобраны от них. Собор «сказок слушав» и проверив их личными показаниями свидетелей, которые нарочно были вызваны на собор, пришел к заключению, «что святейший патриарх Никон оставил свой патриарший престол своею волею». С этим заключением собор отправил для доклада государю боярина Салтыкова. Тот, доложив дело государю, «пришед на собор сказал, что великий государь... указал преосвященному собору выписать из правил св. апостол и св. отец о отшествии бывшего патриарха Никона, а у выписки указал великий государь быть преосвященному архиепископу Маркелу вологодскому и белозерскому, и преосвященному архиепископу Илариону рязанскому и муромскому, и преосвященному Макарию архиепископу псковскому и изборскому, Чудова монастыря архимандриту Павлу, Александрова монастыря Свирскаго игумену Симону». Согласно приказанию государя собор назначил указанных ему лиц для выписки правил. Сделанные выписки правил представлены были потом на благоусмотрение государя, причем собор свидетельствует, что «сия вся правила и предреченная свидетельства трикрати предлагахом пред лицом великаго государя в его царских палатах» т.е. царь, очевидно, считал представляемые ему выписки правил недостаточными и три раза возвращал их собору для дополнений. Но несмотря на дополнения, государь всё-таки находил и теперь выписки

правил собором не вполне удовлетворительными, и указал собору на средство достигнуть по этому делу более удовлетворительных результатов. «Он, великий государь, говорит соборное деяние, правил святых отец и свидетельских ответов слушав, указал пригласить обретшихся в Москве греческих архиереев... и выписать им из правил св. апостол и св. отец, и быти им для свидетельства на соборе“; в переводчики к греческим иерархам назначен был известный Епифаний Славинецкий. Таким образом состав собора был усилен включением в него, по повелению государя, новых членов – трех находившихся тогда в Москве греческих архиереев, которые должны были сделать выписки правил из греческих книг, что действительно ими и было исполнено. Тогда «паки преосвященный собор предстахом пред лицом великаго государя царя“, и опять представил ему выписки из правил, сделанные и русскими и греческими архиереями, как вполне согласные между собою в том, что Никон по правилам должен быть лишен архиерейства и самого священства, и что на его место следует немедленно поставить нового патриарха. Это решение собора государь, говорит соборное деяние, «разсуждая премудре, благоразсудне и праведне с своим царским синклитом“ т.е. обсудив его с своею боярскою думою, нашел правильным, и потому «повеле тако быти.. и соборное сие писание совершити“ т.е. окончательно написать его. Когда оно было наконец написано и представлено на благоусмотрение государя, он исправил его своею рукою (почему оно и сохранило помету: «правлено рукою государя“) и затем повелел «соборное сие писание совершити и руками всему освященному собору подкрепить в соборной и апостольской церкви при себе, великом государе и великом князе Алексее Михайловиче, всея великия и малыя и белыя России самодержце, и при своем царском синклите“⁹⁷.

В 1660 году собран был и другой собор по поводу обвинений, взведенных суздальским попом Никитою на суздальского архиепископа Стефана, о чем ранее, по приказанию государя, произведен был на месте розыск и собраны были «обыскныя речи“. Теперь на собор великий

государь, говорит соборное деяние, «прислал к нам, преосвященному собору, обыскныя речи с боярином с Петром Михайловичем Салтыковым, да с думным дьяком Алмазом Ивановым, чтоб нам по тем обыскным речам правильно об этом архиепископе Стефане поразсудить, и у того дела великий государь указал с нами, архиереями, быть боярину своему Петру Михайловичу Салтыкову, да думному дьяку Алмазу Иванову. И тех обыскных речей мы соборне с боярином и дьяком слушали и по тем обыскам и речам познали“... Здесь особенно характерно то обстоятельство, что на соборном суде над архиепископом, наряду с архиереями, как полноправные члены собора, и значит, как судьи архиепископа, были и миряне: царский боярин и дьяк.

12 декабря 1666 года в патриаршей крестовой палате, в присутствии восточных патриархов, всех русских и греческих членов собора, состоялось заседание для объявления соборного приговора Никону. Когда все собрались, «святейшие вселенские патриархи послали известить великому государю стольника князь Петра Прозоровскаго, что б великий государь изволил прислать к ним на собор от своего царскаго синклита ково он, великий государь, укажет“; царь прислал на собор бояр: Никиту Ивановича Одоевского, Петра Михайловича Салтыкова, думного дворянина Прокофия Кузмича Елизарова и думного дьяка Алмаза Иванова. «И как бояря и думный дворянин и дьяк в крестовую пришли, и святейшие патриархи, благословя их, велели им сесть на скамье⁹⁸, т.е. присутствовать, как представителям государя, на соборном заседании.

Из приведенных нами свидетельств следует, что все соборные заседания происходили под постоянным наблюдением государя, что когда он сам не присутствовал на соборных заседаниях, то посылал на собор своих доверенных бояр, думных дворян и дьяков; что государю докладывалось о всяком решении и заключении, к какому приходил собор по тому или другому вопросу; что собор среди своих заседаний требовал от царя дальнейших указаний и распоряжений для ведения соборных дел, и, как скоро получал их, сейчас же приводил в исполнение; что посылаемые царем на собор его

бояре, думные люди и дьяки не просто только присутствовали на соборных заседаниях, но и принимали в них непосредственное деятельное участие, о чем прямо свидетельствуют сами присутствовавшие на соборе архиереи, когда в своих соборных деяниях заявляют, что «тех обыскных речей мы (т.е. архиереи) соборне с боярином и диаком слушали... и познали». Нетрудно видеть также, что царские синклитики, как доверенные лица государя, играли на соборах очень видную и влиятельную роль, что в некоторых случаях они были главной пружиной, двигавшей соборные дела в нужном определенном направлении, так как за ними всегда стоял сам великий государь. Да и кроме того, им придавало необходимо особую силу на соборах их предварительное близкое знакомство с предметами соборных заседаний, какого никак не мог иметь случайно вызванный в Москву, для присутствия на соборе, заурядный провинциальный архиерей.

Что касается самых соборных постановлений и решений, то и они составлялись по большей части в духе желаний государя, и иногда в этом отношении дело заходило так далеко, что, из угождения пред царем, собор делал постановления, решительно несогласные с совестью и убеждениями отцов собора. Вот факты.

В 1572 году царь Иван Васильевич собрал собор из архиереев, архимандритов, игуменов и всего освященного собора, и просил разрешить ему вступить в четвертый брак, как церковно-законный. Собор ответил на это незаконное, антицерковное требование царя, согласием и постарался подыскать такие канонические основания, которые будто бы позволяют, при известных условиях, разрешить царю четвертый брак, как церковно-законный. А между тем еще очень недавно, – тому только двадцать лет назад, Стоглавый собор, под председательством того же самого царя постановил, чтобы четвертого брака не допускать ни под каким видом, и чтобы навсегда и незыблемо утвердить это постановление, ссылаясь на слова Григория Богослова: «первый рече (Григорий Богослов) брак – закон, второй – прощение, третий – законопреступление; четвертый – нечестие, понеже свинское есть житие»⁹⁹. И это

«свинское житие» теперь приходилось собору признать публично житием церковно-законным и допустимым для благочестивейшего православного государя. Правда собор 1572 года в своем разрешении государю вступить в четвертый брак, как церковно-законный, сделал такую прибавку: «а прочие человецы от мирских, царьскаго синклита и до простых, никакоже да не дерзнет таковая сотворити – четвертому браку сочетатися; аще кто, гордостию дмяся или от неразумия, дерзнет таковая сотворити, пригрозным клятвам да будет таковой за дерзость по священным правилам проклят»¹⁰⁰. Но эта приписка служит только еще к большему обличению малодушия и угодничества отцов собора 1572 года, которые, очевидно вполне сознательно, только ради страха пред царем, нарушили ясные, вполне определенные, ими самими признаваемые обязательными для всех церковные законы о недопустимости для всех православных четвертого брака¹⁰¹.

Лжедмитрий желал жениться на католичке Марии Мнишек, которая, чтобы стать русскою царицею, должна была принять православие. По тогдашним русским понятиям и существовавшей у нас церковной практике, католическое крещение не признавалось истинным крещением, и всех католиков, обращавшихся в православие, у нас обязательно перекрещивали, почему и Мария Мнишек должна была подвергнуться перекрещиванию. Понятно, что она ни под каким видом не могла согласиться на это, т.е. признать себя доселе некрещенной. Что бы добиться ее присоединения к православию не перекрещиванием, а только чрез миропомазание, Лжедмитрий поступает таким образом: он заставляет русских епископов поставить в патриархи тогдашнего рязанского архиепископа грека Игнатия. Нужно иметь в виду, что тогдашняя греческая церковь присоединяла католиков к православию чрез миропомазание, а перекрещивания их, как действия канонически неправильного, не допускала. Значит и грек Игнатий считал единственно правильным присоединение Мнишек к православию чрез миропомазание, а не перекрещивание. Ради именно этого Лжедмитрий поставил его в патриархи т.е. чтобы он, как

патриарх, заставил русских епископов, в деле присоединения Марины к православию, следовать не русской тогдашней, а греческой церковной практике. И действительно, когда Марина приехала в Москву, Лжедмитрий собрал собор из епископов, на котором «вменяет ей (Марине), преокаянный, латынское богопротивное крещение во истинное святое христианское купельное порождение». На соборе грек патриарх Игнатий, придерживаясь греческой тогдашней практики, отрицал законность и нужду перекрещивания Марины. По одному современному событиям сказанию «не многи поистине» сначала было заявили на соборе, отстаивая русскую церковную практику, что Марину следует крестить вновь. Но другие – большинство из человекоугодия, из-за слабости к мирской славе «на обою ногу болением хромлюще, прельстишася; купнож не пастырски, но наемнически, и ужаснушася, воли его быти повинувшеся, попустиша. Зряще то и первыи умолкоша, яко словеса беззаконных премогаюша, и вси даша ему плещи»¹⁰². Таким образом епископы единственно, как объясняет современный событиям бытописатель, из человекоугодничества, из слабости к славе мирской, из страха пред царем, отказались на соборе, вопреки своему убеждению, вопреки существовавшей тогда у нас церковной практике, от перекрещивания Марины и присоединили ее к православию чрез миропомазание.

Царь Алексей Михайлович был горячим, убежденным сторонником единогласия в церковном пении и чтении. Он верил, что от многогласия, тогда у нас всюду господствовавшего, церковные службы теряют всякую назидательность, спасительность и полезность для верующих, и что таким образом многогласием разрушается благочестие на Руси. Ввиду этого 11-го февраля 1649 года он собрал у себя «в средней» собор, на котором должен был обсуждаться и решаться вопрос о введении единогласия вместо прежнего многогласия. На этом соборе, кроме патриарха, присутствовали: два митрополита, три архиепископа, один епископ, пять архимандритов, семь игуменов, десять протопопов и освященный собор. Вопреки ожиданиям и намерениям царя,

собор порешил остаться при прежнем многогласии, что и подкрепил своими подписями под соборными деяниями. Голос представителей церкви по данному чисто церковному вопросу сказался, таким образом, ясно и определенно, но зато он был не согласен с убеждениями и намерениями царя, что и погубило собор. Царь не утвердил состоявшегося соборного постановления о многогласии в церковном пении и чтении, так что оно, несмотря на всю свою формально-каноническую правильность, не получило никакой практической силы и значения, не стало законом. Но этого мало. Чрез два года царь заставил того же патриарха Иосифа снова пересмотреть этот вопрос на новом соборе и решить его так, как желал этого царь. И действительно на соборе 1651 года патриарх Иосиф, вопреки своему соборному постановлению в 1649 году, решил всюду уничтожить многогласие и признал для всех обязательным единогласие. Это новое соборное постановление было признано царем и потому стало законом. Очевидно воля и желания государя царили в соборных решениях и по чисто церковным вопросам.

Иногда государи действовали на церковных соборах не так решительно и круто, как в указанных выше случаях, но достигали своих целей средствами более дипломатическими, так что со стороны казалось, что собор действует вполне свободно и самостоятельно, постановляет свое решение не под внешним давлением, а по внутреннему убеждению, хотя в действительности было далеко не так. Укажем два случая подобного образа действий государя на церковных соборах.

Важнейшим событием нашей церковной жизни XVII века была известная церковная реформа патриарха Никона. А между тем эта реформа произведена была, и потом окончательно утверждена, и принята церковью, единственно благодаря усилиям и настояниям царя Алексея Михайловича, тем воздействиям не только на отдельных лиц, но и на целые соборы, какое он оказывал. Без деятельного участия и одобрения царя, эта реформа была бы невозможна. Дело тут заключается в следующем. Церковная реформа, в духе всецелого сближения во всём русской церкви с тогдашнею

греческою, была задумана и подготовлена царем Алексеем Михайловичем и его ближайшим советником и руководителем – царским духовником, благовещенским протопопом Стефаном Вонифатьевичем, с некоторыми другими лицами. Они, так сказать, воспитали, и подготовили Никона к роли церковного реформатора; наметили ему общую программу будущих реформ, подготовили почву и средства для ее выполнения, и потом уже сделали его патриархом¹⁰³. Понятно, при таких условиях, что царь был искренно заинтересован в успехе реформ Никона и готов был оказывать ему в этом деле всякую поддержку. Решительное значение для всей церковной реформы Никона имел собор 1654 года, на котором решался принципиальный вопрос: следует или нет признать наши церковные книги, чины и обряды погрешившими, отступившими от старины, и потому требующими исправления по греческим образцам? Видную главную роль на соборе играл Никон, но исход того или иного голосования на поставленный вопрос зависел от царя. Никон обратился к собору с речью, в которой указал на причины побудившие собрать собор, на те вопросы, которые подлежали соборному рассмотрению и решению. В оправдание задуманной церковной реформы он сослался на постановление константинопольского собора об учреждении в России патриаршества, которое и прочел всё собору. Затем указывая на некоторые русские церковные будто бы нововведения Никон, обращаясь к собору, спрашивал: «и о сем прошу решения: новым-ли нашим печатным Служебникам последовати, или греческим и нашим, старым, которые купно обои един чин и устав показывают? И ектеньи во святей литургии сугубыя положены молебныя за многия прошения, а в греческих и наших служебниках малыя: и о сем како быти?» На этот вопрос Никона, говорит соборное деяние: «великий государь царь... преосвященныя митрополиты, архиепископы, и епископ... и священныя архимандриты и игумены... большого собора пречистыя Богородицы протопоп... и весь освященный собор, вси едино отвещали: достойно и праведно исправить против старых харатейных и греческих». Итак, на соборе 1654 года царь первый подает голос наравне с другими членами

собора, и делает такой необычный для царя поступок конечно с особою целию: чтобы предупредить со стороны собора возможность отрицательного ответа на поставленный Никоном вопрос. Расчет был верный. Если сам царь первый подал голос в смысле необходимости совершить исправление русских церковных книг, чинов и обрядов, то конечно ни один архиерей, никакой другой член собора, не отважился дать ответ несогласный с заявленным государем; это значило бы открыто идти против ясно и публично выраженного желания царя. Очевидно голос государя подсказал отцам собора, что и как им следует отвечать на поставленный Никоном вопрос, и все они действительно последовали за царем, благодаря чему вопрос о церковной реформе принципиально решен был собором так, как этого желал царь.

Церковная реформа Никона, являвшаяся в действительности осуществлением планов государя, вызывала сильное неудовольствие как среди архиереев и духовенства, так и среди народа. Непосредственный очевидец и внимательный наблюдатель церковно-реформаторской деятельности Никона, дьякон Павел Алепский, сообщает, что на соборе 1655 года Никон одобрил вновь исправленный с греческого Служебник, причем говорил: «я сам русский и сын русскаго, но моя вера и убеждения греческия».— На это, рассказывает Павел, некоторые из членов высшего духовенства ответили: вера дарованная нам Христом, ее обряды и таинства, всё это пришло к нам с востока. «Но другие, замечает Алепский, так как во всяком народе бывают люди упрямые и не покорные,— молчали, скрывая свое неудовольствие, и говорили про себя: не хотим делать изменений ни в наших книгах, ни в наших обрядах и церемониях, принятых нами изстари. Только эти недовольные, говорит Павел, не имели смелости говорить открыто, зная, как трудно выдержать гнев патриарха, как поступил он с епископом коломенским, котораго сослал в заточение».— Когда Никон 21 декабря 1655 года, после торжественной службы в Успенском соборе, в виду всех переменял русский клобук на греческий, то, рассказывает Алепский, «бывшие в соборе епископы, игумены, священники и

весь народ подняли ропот и говорили: посмотрите как он переменял архиерейскую одежду, которая, по внушению Св. Духа, была предана св. Петром, с тех пор, как мы сделались христианами. И земля не потрясется в виду своевольных действий того, кто доселе одевался по русски, а теперь сделался греком? Но, замечает Павел, ропщущие роптали тихо, боясь гнева государя¹⁰⁴. Сам Никон при оставлении им патриаршей кафедры принужден был публично и с горечью сознаться, что паства не понимала смысла и значения его церковно-реформаторской деятельности, называла за нее Никона то иконоборцем, то еретиком, а когда он указывал на авторитет в церковных делах восточных патриархов, она хотела побить его камнями. Но вот Никон оставил патриарший престол и окончательно разошелся с царем. С падением Никона, казалось, должна была пасть и его церковная реформа. Так и думали и на такой исход крепко надеялись все защитники старины. Они создали очень быстро целую противониконовскую литературу, в которой подвергли самой строгой беспощадной критике всю реформаторскую деятельность Никона, находя ее безусловно губительной для русской церкви, для чистоты и неповрежденности русского православия. Царь постоянно получал отовсюду челобитные с настоятельными просьбами возстановить нарушенную Никоном святую старину. Даже из среды епископов стали раздаваться голоса в этом духе и казалось, что защитники старины действительно восторжествуют и реформа Никона, как не имевшая под собою твердой почвы в общественном настроении, будет неминуемо уничтожена. Может быть так бы и случилось, если бы не царь. Он, как мы сказали, был главным виновником церковной реформы Никона, он остался ее убежденным горячим приверженцем и после удаления Никона, и не только не думал об ее уничтожении, а наоборот: решил торжественно и окончательно признать и утвердить ее голосом всей русской церкви.

Царь шел к своей цели очень осторожно, но в то же время верно. Прежде всего среди тогдашних иерархов он приблизил к себе таких лиц, которые были несомненными сторонниками

реформы Никона, и готовы были проводить и отстаивать намерения и планы царя среди архиереев и духовенства вообще. Такими лицами были: Павел митрополит Крутицкий, Иларион архиепископ рязанский, Иоаким чудовский архимандрит, впоследствии патриарх. Через них царь проводил свои намерения и через них воздействовал на других архиереев. Подготовив почву царь, 29 апреля 1666 года, созывает на собор архиереев, но прежде открытия собора, на предсоборном собрании, предлагает им предварительно письменно, за собственноручною подписью каждого, ответить на следующие три вопроса: «первое: как нам долженствует исповедати святейших греческих патриархов: константинопольского, александрийского, антиохийского и иерусалимского, аще они православии суть? Второе: книги греческия печатныя и древния рукописныя, ихже святейшие греческие патриархи употребляют и помин все славословие Божие исполняют, и чины церковныя, како исповедати долженствуем? Третье: собор, бывый в богоспасаемом, преименитом, царствующем, великом граде Москве, при благочестивейшем и богохранимом государе нашем царе и великом князе Алексее Михайловиче, всея великия и малыя и белыя России самодержце, и при святейшем Никоне патриархе, и царскаго пресветлаго величества при всем его синклите, подписанный священных руками, как исповедати ныне нам долженствует, иже содеяся в царских палатах в лето от создания мира 7162, от плоти рождества Господа и Бога, и Спаса нашего Иисуса Христа в лето 1654-е?» Понятно само собою, что все находившиеся в предсоборном собрании архиереи, архимандриты и игумены прекрасно знали, какой ответ на поставленные вопросы желает получить царь, и что иного ответа, несогласного с волею и желанием царя, им дать не возможно, тем более что каждый из них должен был дать свой письменный ответ в отдельности от других, за своею собственноручною подписью. Кроме того, относительно некоторых членов предсоборного собрания заранее было известно, что они напишут свои ответы согласно с желанием царя, почему, при таких условиях, охотников проявить свое несогласие с государем конечно не нашлось. Таким образом все

важнейшие члены собора, еще за два месяца до открытия соборных заседаний, уже дали государю, каждый в отдельности, письменное заявление, что тогдашних греческих патриархов, их печатные и рукописные книги они признают вполне православными, точно так же признают и собор 1654 года, решивший произвести у нас церковную реформу, т.е. еще до собора они уже письменно выразили полное согласие на признание правильности всей произведенной Никоном реформы¹⁰⁵. Предварительно заручившись этими письменными заявлениями всех важнейших отцов предстоящего собора царь, чрез два месяца после этого, открыл собор, уверенный, что он окончательно утвердит произведенную Никоном церковную реформу. Но несмотря на такую уверенность царь всё-таки и на самом соборе предпринял особые меры, чтобы реформа была утверждена торжественно, и притом всеми присутствовавшими на соборе, а не только теми, которые уже ранее дали ему свои подписи, предрешавшие вопрос в положительном смысле. Открывая собор, царь обратился к нему с речью, в которой заявлял, что он обрел в своей царской сокровищнице «богодухновенную книгу, Хризовул имянованную», под которым он разумел то соборное деяние константинопольской церкви, утверждавшее учреждение патриаршества на Руси, которое прислано было царю Федору Ивановичу, и между прочим заключало в себе писанный по гречески символ веры, послуживший основой для исправления русского символа при Никоне. Этот самый «Хризовул» был читан и Никоном на соборе 1654 года в видах оправдания его намерения исправить русские церковные книги по греческим. Теперь сам царь стал читать собору эту «богодухновенную книгу», и когда дошел до заключающегося в ней символа, то встал с своего места и прочел его стоя, после чего обратился с вопросом к архиереям и боярам: «так-ли символ святой и прочия догматы понаписанному во Хризовуле держать? «Когда новгородский митрополит Питирим от лица собора ответил: «тако верим, тако держим, яко же в ней святейшии четири восточнии патриарси, написавше руками си и печатями утвердивше, прислаша, и яко же твое пресветлое царское величество благоволи нам во

услышание всем прочести“,— тогда царь, «целовав символ святой в Хризовуле, вручи и преосвященному собору, его, вси по чину целовавшие архиереи, предаша благородным бояром, околничим и думным людям, ко еже целовати“. Это целование символа, заключающегося в Хризовуле, начатое самим государем и потом, по его предложению, продолженное всеми архиереями, присутствовавшими на соборе боярами, окольничими и думными людьми, служило торжественным и очевидным для всех согласием всего собора с своим председателем царем, и вместе с тем торжественным признанием всю церковь правоты книжных церковных исправлений Никона. Значит, благодаря именно усилиям и настояниям государя церковная реформа Никона, несмотря на сильную оппозицию ей в народе, духовенстве и среди самих архиереев, была наконец торжественно и окончательно признана всю русскую церковь. После этого первого заседания, окончательно порешившего всё дело о реформе, на последующих соборных заседаниях царь более не присутствовал.

Таким образом весь процесс выработки соборных решений и постановлений всегда находился в прямой или косвенной зависимости от государя, и в большинстве случаев служил выражением царских намерений и желаний в сфере церковных дел. То же нужно сказать и об окончательных постановлениях соборов, получавших потом силу закона.

Все соборные обсуждения, мнения и речи записывались на соборах особыми лицами и, на основании этих записей, составлялись потом так называемые «соборная деяния“. Неронов заявлял на соборе: «аз же говорил Андреяну протопопу: что ты, брат Андреяне, мои речи пишешь, не все (все?); а что вы говорите с патриархом всякия не подобныя речи, и тех не единой речи не пишешь?“¹⁰⁶. В постановлении собора 1660 года о суздальском архиепископе Стефане замечено: «а приписал (писал соборное постановление) смиренный Иларион, архиепископ рязанский и муромский, по приговору всего священнаго собора“, т.е. Иларион рязанский был избран собором своим секретарем и вел все соборные

записи. На соборном суде над Никоном в 1666 году было несколько человек, которые записывали каждый всё, что делалось и говорилось на соборе; несколько таких записей в черновом виде дошли до нас. Обработка соборных материалов, извлечение из них нужных постановлений, требовало иногда много времени, а иногда и прямо творчества со стороны тех лиц, которым царь поручал составить соборные деяния. Возьмем, например, собор 1666–1667 года, составить деяния которого царь поручил известному Симеону Полоцкому. Последний, пред официальными деяниями собора, сначала помещает сочиненное им очень витиеватое и довольно бессодержательное «сказание о святом соборе повелением благочестивейшаго, тишайшаго, самодержавнейшаго, великаго государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, в царствующем преименитом и богоспасаемом граде Москве на новоявльшиися раскольники и мятежники святыя православно кафолическия церкви совокупленном в лето 7174». Поместив сочиненное им сказание, Полоцкий переходит затем к изложению самых соборных деяний. Так как соборные заседания были открыты речью царя к собору, то он прежде всего помещает: «Слово великаго царя ко освященному собору». Но здесь сейчас же он делает такую любопытную заметку: «зде написати речь великаго государя, или, доложив его великаго государя, сию последующую» т.е. Полоцкий попросту сам сочиняет речь от лица государя и, с доклада государю, помещает ее, как царскую речь, в соборные деяния. В ответ на обращение царя к собору, от лица последнего, говорил новгородский митрополит Питирим. И опять у Полоцкого такая тут помета: «здесь речь преосвященнаго митрополиты написати, или, вместо ея, сей ответ», и спокойно свое сочинение вносит в текст соборных деяний, выдавая его за ответ государю Питирима. Иногда государь, находя соборное решение вопроса несогласным с его собственными взглядами и убеждениями, относился к нему прямо отрицательно т.е. не утверждал его, как это было, например, с соборным деянием 1649 года о единогласии. Иногда только некоторые отдельные деяния соборов царь

считал неудобным предавать оглашению, и тогда они совсем вычеркивались из официальных соборных деяний, как не бывшие. Так, например, на соборе 1667 года, в течении нескольких заседаний горячо обсуждался вопрос о власти царской и патриаршей, причем русские архиереи очень единодушно и настойчиво проводили ту мысль, что священство выше царства, тогда как греческие архиереи наоборот усиливались доказать, что царство выше священства. В официальных соборных деяниях 1667 года об этих заседаниях нет и намека,— они вычеркнуты были государем как очень неприятные для него. Иногда государь даже собственноручно вносил поправки в состоявшиеся соборные постановления. Так на постановлении собора 1660 года, о низложении Никона с патриаршего престола, встречается такая помета: «правлено рукою государя».

Когда соборное деяние, просмотренное и исправленное государем, согласно его желаниям и целям, получало свой окончательный официальный вид, на основании его царь учинял «определение» т.е. соборным определениям придавал форму закона, обязательного для всех, причем нередко сам в форме указов разсылал соборные определения в разные учреждения.

Таким образом те или другие постановления церковных соборов XVI—XVII столетий были результатом довольно длинного процесса, в котором главная заправляющая роль принадлежала государю. Этот указанный нами процесс выработки постановлений церковных соборов особенно ясно и определенно выражен в обращении Федора Алексеевича к собору 1682 года. Царь письменно передал этому собору ряд вопросов с тем, «чтобы о тех делах великий господин, святейший Иоаким, патриарх московский и всеа Руси, с преосвященными митрополиты и со архиепископы советывали, а что усоветуют, о том великому государю объявили, чтоб всем тем делам определение учинить ныне, преж архиерейскаго отпуску с Москвы». В приведенных словах государя очень ясно определены те стадии, чрез которые проходили соборные деяния, именно: царь предлагает от себя вопросы, которые

должны порешить члены собора, советуясь между собою, а что «усоветуют», т.е. к какому решению придут отцы собора, они должны доложить государю, который, на основании представленного ему доклада, «по тем всем делам определение учинит», т.е. придаст соборным постановлениям форму закона, обязательную для всех, и уже под этим окончательным определением должны будут подписаться все присутствовавшие на соборе архиереи, прежде чем они разъедутся из Москвы.

Иногда соборные постановления получали силу закона и приводились в исполнение не иначе, как только после того, как они проходили чрез боярскую думу, на рассмотрение и утверждение которой передавал их царь, прежде чем утвердить их окончательно. Так в деяниях собора 1580 года, запретившего архиереям и монастырям приобретать новые земли, говорится: «а которое место убогое, земли будет мало, или не будет, и он (монастырь) бьет челом государю, и государь с митрополитом соборне и с бояры приговоря, и устроит тот монастырь землею, как будет пригоже», т.е. соборный приговор предполагается приводить в исполнение только после того, как он пройдет чрез боярскую думу¹⁰⁷.— Еще в 1551 году Стоглавый собор постановил повсюду учредить должности поповских старост и десятских священников. Но только в 1594 году царь Федор Иванович «поговоря с отцом своим и богомольцом святейшим Иовом патриархом московским и всея Руси, приговоря с своими государевыми бояры, а велел государь... в своем государстве – царствующем граде Москве учинити старост поповских и десятских для церковного благочиния и всяких ради потреб церковных»¹⁰⁸. Опять постановление церковного собора приводится в исполнение только после приговора об этом боярской думы.— В 1651 году собор постановил во всех церквях ввести единогласное пение и чтение. Но постановлению этого собора решительно воспротивились некоторые московские священники думавшие, что соборное постановление о единогласии для них не обязательно, не имеет силы закона, так как на соборе не было бояр и окольничих, и оно не проходило чрез боярскую думу. «Лукинский поп Сава с товарищи говорил

такия речи: мне-де к выбору, который выбор о единогласии, руки не прикладывать, наперед бы не велели руки прикладывать о единогласии бояром и околничим: любо-де им будет единогласие?“¹⁰⁹. Царь Алексей Михайлович это требование московских приходских священников о том, чтобы постановление церковного собора сначала прошло чрез боярскую думу, а потом уже проводилось в исполнение как закон, нашел вполне справедливым, и потому соборное постановление о единогласии провел чрез боярскую думу. В своей грамоте от 25 мая 1651 года в Сийский монастырь, игумену Феодосию, царь пишет, что он, «советовав» с патриархом, архиереями, архимандритами, игуменами, и со всем освященным собором «и со всем нашим сигклитом», что он со всем освященным собором «и с нашим сигклитом уложили, чтобы петь во святых церквах единогласно, чинно и не мятежно, и чтобы все неуклонно следовали сему нашему государьскому и отца нашего великаго господина святейшего Иосифа патриарха московскаго и всеа Руси и всего освященнаго собора «и нашего сигклита соборному уложению“¹¹⁰. Это неоднократное упоминание в царской грамоте, вместе с освященным собором, и «царскаго сигклита», заявившего свое согласие на введение единогласия, сделано государем конечно не просто: оно показывает, что ввиду требования московского приходского духовенства, чтобы «к выбору о единогласии наперед приложили руки бояре и околничие: любо-ли де им будет единогласие?“– царь передал соборное решение о единогласии на утверждение своей боярской думы, которая вполне согласилась по вопросу о единогласии с состоявшимся ранее соборным решением.– В 1656 году, в октябре, патриарх Никон, с согласия государя, собрал у себя собор, который постановил открыть новые архиерейские кафедры в Смоленске и Вятке, и на первую перевести суздальскаго архиепископа Филарета, а на вторую Коломенскаго епископа Александра¹¹¹. Между тем ровно через год, в 1657 году, тоже в октябре, государь «советовал со отцем своим и богомольцом святейшим Никоном, патриархом московским и всея великия и малыя и белыя России, и с митрополиты, и с архиепископы, и епископы, и со всем

освященным собором, и говорил с своими государевыми бояры, и с околничими, и думными людьми, чтоб устроить по местом властей: в Белегороде митрополита, в Смоленске да во Мстиславле архиепископа, на Вятке да в Великой Перми епископа. И указал государь и патриарх и бояре приговорили: перевести в Белгород митрополита крутицкого Питирима, в Смоленск архиепископа суздальского Филарета, на Вятку епископа коломенского Александра¹¹². Очевидно, постановления одного церковного собора 1656 года об открытии новых архиерейских кафедр было еще недостаточно, нужно было потом перенести дело в боярскую думу и решить его окончательно уже в следующем 1657 году по указу государя и по приговору бояр.— Когда в 1660 году собор представил государю свое решение, что Никон не может более оставаться патриархом и на его место немедленно следует избрать другое лицо, то говорит соборное деяние, «он великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея великия и малыя и белыя России самодержец, разсуждая премудре, благоразсудне и праведне с своим царским синклитом, повеле тако быти... и соборное сие писание совершити и руками всему освященному собору подкрепите: в соборной и апостольской церкви при себе, великом государе... и при своем царском синклите». Очевидно соборное решение 1660 года царь перенес на рассмотрение боярской думы и только после того, как с своим царским синклитом «премудре, благоразсудне и праведне» обсудил представленное ему соборное деяние, повелел его совершить т.е. написать окончательно, а членам собора приложить к нему свои руки в присутствии его, государя, и всего царского синклита.

Если нам известны случаи, когда постановления церковных соборов передавались царем на рассмотрение и окончательное утверждение их боярскою думою, то были и такие случаи, когда чисто церковное дело сначала решалось только царем вместе с боярскою думою, а потом уже состоявшееся постановление передавалось на церковный собор, который только церковно должен был оформить то, что ранее решено было царем и думою. Так, например, было у нас с учреждением

патриаршества. В официальном рассказе об этом событии прямо и решительно заявляется, что мысль об учреждении у нас патриаршества в первый раз высказывается царем, который, посоветовавшись с своею царицею, сообщает затем свое решение – учредить в Москве патриаршество, не собору русских иерархов, как бы можно было ожидать, а боярской думе, которая обсудив это дело, одобрила намерение царя. Заручившись согласием думы, государь поручает вести переговоры об этом деле, с приехавшим в Москву антиохийским патриархом, члену думы – Борису Годунову. Когда затем в Москву в 1588 году приехал за милостынею константинопольский патриарх Иеремия, царь опять посоветовавшись с своею царицею и поговоря с боярами, решился свою мысль – об учреждении в Москве патриаршества немедленно привести в исполнение, причем для переговоров об этом деле с патриархом Иеремией назначил только членов боярской думы: Бориса Годунова и дьяка Андрея Щелканова. И уже после того, как вопрос об учреждении патриаршества был улажен окончательно, когда уже намечено было и лицо, предназначенное сделаться первым патриархом московским, собран был наконец, 17 января 1589 года, церковный собор, которому царь объяснил ход всего дела об учреждении у нас патриаршества и предложил митрополиту Иову посоветоваться с отцами собора: «как бы Бог дал, такое великое и преславное дело в России устроилось». На это предложение государя отцы собора нашли возможным ответить только таким смиренным заявлением, «что они полагаются на волю его – благочестивейшаго государя». Очевидно, что патриаршество у нас было учреждено только царем совместно с боярскою думою, без всякого видимого действительного участия в нем духовных властей. На церковный собор дело передано было вполне решенное, и передано не для какого-либо соборного обсуждения и принятия каких-либо решений по делу, а с единственною целию придать ему, как делу церковному, необходимый для него формальный церковный характер.

Вообще нужно признать, что боярская дума в церковных делах играла более видную роль, нежели обыкновенно думают,

так как она то входила в состав церковных соборов, то окончательно утверждала состоявшиеся постановления, тем более, что царь и о всяких вообще церковных делах советовался с своими боярами. По поводу, например, неожиданного приезда в Успенский собор Никона и принятия у него благословения ростовским митрополитом Ионою, государь «советовав со властью, а с бояры поговоря» указал о приезде Никона и принятии от него благословения Ионою, послать к архиереям грамоты, приглашавшие их в Москву на собор. По тому же поводу царская грамота говорит: и посоветовав с освященным собором, и поговоря с нашими, великаго государя, бояры, посылали в соборную церковь“. Или: «и мы, великий государь, посоветовав со властью, и с бояры нашими поговоря, указали ему, Никону, сказать»¹¹³.

Если, таким образом, царь являлся инициатором всех церковных соборов XVI и XVII столетий, и без его воли и согласия они не могли состояться; если он подготовлял наперед все материалы, которые должны были быть предметом соборных обсуждений и решений; если он определял сколько лиц и какие именно должны присутствовать на соборных заседаниях, следил за деятельностью последних, давал им то или другое направление; если он исправлял и даже видоизменял самые соборные решения по своим видам и целям, иногда передавал их на окончательное утверждение боярской думы; если всякое постановление церковного собора, чтобы получить силу обязательного закона, нуждалось в утверждении царя, который всегда мог не признать состоявшегося постановления церковного собора и оно тогда уже не имело никакого практического значения; то сам собою возникает вопрос: что же такое были наши церковные соборы XVI и XVII столетий?

Наши церковные соборы XVI и XVII столетий не были какими-либо самостоятельными, автономными церковными учреждениями, которым бы принадлежала инициатива своих собраний, самостоятельное определение предметов своих занятий, задач и целей, какие они хотели бы преследовать, и которые имели бы право свободно и самостоятельно

постановлять свои решения, как обязательные для всех своих пасомых.

Наши церковные московские соборы XVI и XVII столетий были только простыми совещательными учреждениями при особе государя, они были только органами царского законодательства по делам церковным. Единственным источником всякого закона, как государственного, так и церковного, был у нас царь, который государственные законы издавал «поговоря» с своими боярами т.е. с боярскою думою; церковные законы издавал «посоветовавшись» с своими царскими богомольцами: патриархами и другими архиереями, архимандритами, игуменами и со всем освященным собором. Различие между боярскою думою и освященным собором заключалось в том, что боярская дума была постоянным, непрерывно действующим при государе учреждением, тогда как церковные соборы созывались только на время, для обсуждения и решения вопросов вновь возникавших и чрезвычайных, так как обычное течение церковных дел регулировалось обычною патриаршею и архиерейскою епархиальною властью. Если боярская дума занималась почти исключительно рассмотрением и решением дел государственных, то церковные соборы занимались рассмотрением и решением дел специально церковных. Но так как дела государственные и церковные в тогдашней жизни были тесно связаны между собою, и так как в боярской думе и на церковных соборах председательствовал один и тот же государь, то он, при решении важных государственных дел, призывал на совет в боярскую думу своих государевых богомольцев, а на церковные соборы своих думных людей, или же передавал постановления церковных соборов на утверждение боярской думы. Бывали, как мы видели, и такие случаи, что государь с своею думою решал и специально церковные вопросы и потом состоявшееся решение, в видах придать ему церковную форму, передавал на церковный собор, который и утверждал то, что ранее решено было царем с боярскою думою.

Так как церковные соборы были только совещательными учреждениями при государе, с которыми государь советовался по делам церковным, то этим вполне определяется весь существенный характер деятельности соборов. Московские государи были глубоко благочестивы, всецело преданы церкви, они всячески старались и заботились, чтобы их подданные строго хранили благочестие, соблюдали все церковные уставы, выполняли все церковные требования и предписания. В упадке благочестия, в несоблюдении церковных признанных порядков и требований, они видели не только нарушение правил веры и благочестия, но и пагубное потрясение коренных основ всей жизни государственной, которая правильно-нормально может существовать и развиваться только при правильной нормальной церковной жизни,— при процветании в народе правой веры истинного благочестия. Ввиду этого государи, созывая церковный собор и предлагая на обсуждение его те или другие вопросы, ставили отцам собора первою и непременною обязанностию, чтобы вопросы были рассматриваемы и решаемы на соборе, как этого требует божественный закон т.е. правила св. апостол, св. отец, вселенских и поместных соборов, церковные уставы и другие признаваемые церковью узаконения. Собор все свои постановления обязательно должен был обосновать на этих указанных основах, обязательно должен был так или иначе подвести их под принятые церковные нормы и правила, чтобы таким образом ничем не нарушить божественного закона. В такой постановке, в таком ведении дела и заключалась собственно задача церковного собора. Как скоро собор это сделал, т.е. показал, что его обсуждения и решения вопроса действительно основаны на божественном законе, вполне согласны с ним, а не есть результат личного усмотрения, домышления или творчества отцов собора,— роль собора была кончена, он выполнил свое назначение, и от государя уже зависело далее придать или не придать решениям собора окончательную форму обязательного закона, почему, например, Стоглавый собор в своих постановлениях выражается о себе: «по данной нам от Бога власти и царским советом соборне повелехом», так что одна данная от Бога

власть, без царского совета, не могла составить соборного повеления. Ввиду этого наши русские соборы никогда не употребляли в своих постановлениях формулы: «изволися Духу Святому и нам». Правда было в этом отношении одно исключение. Когда ярославский митрополит Иона принял, в 1664 году, от Никона благословение в Успенском соборе, царь по этому случаю немедленно созвал тогда из бывших в Москве архиереев собор; Павла митрополита сарского, Паисия газского, Козмы амасийского, Макария гревенского, Феодосия сербского и Нектария архиепископа погорянинского. Этот собор свое постановление формулировал: «обаче убо изволися Духу Святому и нам, некое снисхождение сотворити»... Тот же собор, разрешая царю принимать благословение от ростовского митрополита Ионы, выражается: «суди же Дух Святый и мы, яко мочно есть»¹¹⁴... Но не трудно видеть, что на этом соборе из шести присутствовавших архиереев, русский был только один, а остальные пять все иностранцы, которые и употребляли несвойственную русским соборам формулу: «изволися Духу Святому и нам», «суди Дух Святый и мы». Русские архиереи отлично знали, что они призывались царем на собор не для того, чтобы решать на нем дела по вдохновению или, что им «изволися», а только на основании точного и определенного божественного закона, ни отступать от которого, ни видоизменять его, ни тем более переделывать, они не имели никакого права; они хорошо знали, что относительно соборных постановлений всё решит в конце воля и усмотрение благочестивейшего государя, а не их вдохновение. Поэтому, конечно, и самым постановлениям наших церковных соборов никогда не придавалось характера непогрешимости и неизменяемости, в них не видели акта непосредственного действия Св. Духа, а обычные церковно-государственные постановления, опиравшиеся и находившие свое оправдание в божественном законе.

Тем обстоятельством, что наши церковные соборы представляли из себя, так сказать, собрание сведущих людей или экспертов по вопросам церковным, объясняется почему государи, призывая архиереев на собор, не только иногда

предписывали им являться с искусными т.е. более сведущими и образованными иноками¹¹⁵, но и сами заботились и предпринимали меры, чтобы на соборе были люди сведущие в делах веры, благочестия, в знании и толковании церковных правил и постановлений, люди могущие дать собору нужные разъяснения и указания от божественного закона. Так в 1554 году царь Иван Васильевич пишет нарочитое послание к Максиму греку, приглашая его явиться в Москву на собор, собранный на Матвея Башкина. «Да будеши и ты, пишет царь Максиму, поборник по православию, яко же первии богоноснии отцы, також и ты покажешися благочестию ревнитель, и тая ж ты небесныя обители приимут, яже и оных, иже подвизавшеся за благочестие... Явись сим (древним св. отцам) споспешник и ревнитель по благочестии, и данный ти от Бога талант умножи, и ко мне писание пришли на нынешнее злодейство“¹¹⁶. Царь Алексей Михайлович пригласил на собор 1660 года известного ученого Епифания Славинецкого, поручил ему составление соборного деяния вместе с проверкою правильности ссылок собора на те или другие церковные правила. И когда Епифаний доложил государю, что ссылки бывших на соборе греческих архиереев на греческие правила не справедливы, в чем он убедился сличив текст правила, приведенного греческими архиереями, с подлинником, в котором это правило читается иначе, государь придавал заявлению ученого Епифания такое значение, что не утвердил деяний собора 1660 г. и перенес дело о Никоне на рассмотрение другого – бóльшого Собора.— На собор 1667 года государь пригласил известного Симеона Полоцкого, которому и поручил составить самое соборное деяние. Царь сильно также дорожил Паисием Лигаридом и часто приглашал его на соборы и именно потому, что видел в нем человека сведущего, ученого, научными знаниями которого по церковным предметам он может воспользоваться для своих целей, что и было в действительности. Эти лица, как люди научно-образованные, несомненно имели на соборах очень большое и действительное влияние, к их голосу и заявлениям прислушивались царь и все члены собора, так что на направление и характер соборной деятельности они могли

иметь очень сильное влияние, тем более что от них, от их научного и литературного таланта, иногда очень много зависело и самое составление соборного деяния в том или другом виде.

Таким образом, если по идее церковного собора его главными строителями и деятелями должны бы быть прежде всего епископы, как носители высшей иерархической благодати, высшей церковной власти и как представители всех пасомых, то в действительности это дело стояло у нас далеко не так. В действительности нашим архиереям на соборах XVI и XVII столетий принадлежала самая скромная, малодеятельная и влиятельная роль. Они являлись на собор вовсе не потому, что у них самих, или в среде их паствы, назревала настоятельная потребность соборно обсудить и порешить те или другие выдвинутые жизнью церковные вопросы, а единственно потому, что явиться на собор им приказывал царь, и они не смели ослушаться его приказания, так что они являлись на собор только в силу своего официального положения, а не по своим внутренним влечениям и убеждениям, или как представители голоса, нужд и интересов своей паствы. Являясь из своих епархий на собор, они совсем не были подготовлены к решению соборных вопросов, которые ранее не были им известны, а если и были известны, то в самых общих и неопределенных чертах. На соборе им давался уже готовый, определенный и более или менее обработанный предсоборною комиссиею материал, над которым и только в пределах которого они могли оперировать во время соборных заседаний, причем в работах ими руководили лица, ранее назначенные царем и несравненно лучше и больше их знавшие всё относившееся к предмету соборных обсуждений. Они не смели возбуждать на соборе каких-либо новых – своих вопросов, не смели расширять и рамки тех вопросов, которые им были поставлены все; их разсуждения должны были вращаться только в тех пределах, какие строго и определенно были указаны заранее царем. О каждом своем решении и постановлении по тому или другому вопросу они должны были доносить царю и от него ждать дальнейших указаний и распоряжений, так что вся их соборная деятельность совершалась под постоянным бдительным

контролем государя, или поставленных им для этого нарочитых лиц. Делая те или другие соборные постановления и решения, архиереи не имели в то же время полной уверенности, что их соборные постановления получают силу закона, будут проведены в жизнь, так как это зависело исключительно от воли и усмотрения государя, который мог видоизменить соборные постановления и даже совсем не согласиться с ними, не одобрить их и не утвердить, и тогда они уже не имели никакой действительной силы и значения,— собора тогда как бы и не существовало.

При указанных условиях конечно невозможно ожидать, чтобы наши иерархи могли проявить на соборах какую-либо свою инициативу, свое личное отношение к современному им положению церковных дел,— стесненные во всем и со всех сторон, они по необходимости двигались только по указанному им пути, казенно-канцелярски делали порученное им дело; присутствуя на соборе, они только отбывали лежавшую на них неизбежную повинность, а не делали здесь своего личного, сердечного, живого дела. Правда, мы имеем один случай, когда наши архиереи отважились, по собственной инициативе, возбудить и обсуждать на соборе вопрос, не поставленный царем и для него неприятный; и другой случай, когда архиереи просили царя снять с соборных обсуждений один предложенный им проект.

Первый случай состоял в следующем: на соборе 1667 года два русских архиерея — крутицкий митрополит Павел и рязанский архиепископ Иларион, самые видные тогдашние церковные деятели, и доселе бывшие самыми усердными проводниками в церковной жизни царских предначертаний и, к тому же, лично враги Никона, неожиданно отказались на соборе подписаться под осуждением Никона на том основании, что там (в суждении Никона) приводятся такие определения восточных патриархов, которые окончательно узаконяют решительное преобладание светских властей над духовными, лишая последних даже и тени какой-бы то ни было самостоятельности. В прошении восточным патриархам, присутствовавшим на соборе, Павел и Иларион заявляли: «вы (восточные патриархи)

находясь под насильственным владычеством христоненавистных агарян, за свое терпение и страдание, несомненно имеете получить награду и венец от праведного мздовоздаятеля и венценосца Спасителя; а мы, несчастные и ублажаемые за то, что находимся в самых недрах христианства, терпим великую нужду в своих епархиях и всякия затруднения; и хотя много тяжкого поневоле терпеливо переносим от властей (светских): но страшимся еще худшаго впереди, когда утверждено будет, что государство выше церкви“. К заявлению Павла и Илариона немедленно пристали и все бывшие на соборе русские архиереи, так что собор волей-неволей должен был заняться обсуждением этого так неожиданно возникшего и не стоявшего в соборной программе вопроса. Русские архиереи, на основании приведенных ими выписок из сочинений отцов и учителей церкви и даже Св. Писания (2-я книга Ездры 4:1–12) усиленно старались доказать, что священство выше царства, тогда как греческие архиереи, и особенно Паисий Лигарид, всячески усиливались ослабить силу приводимых русскими архиереями свидетельств, настаивали на превосходстве светской царской власти над духовною патриаршею. Дело это, так неожиданно возникшее на соборе, вызвало сильный гнев государя против виновников, возбудивших такой щекотливый вопрос: Павлу и Илариону не велено было выходить с их подворий т.е. они были арестованы; им запрещено было священнодействовать, Павел крутицкий лишен был местоблюстительства патриаршего престола и на его место местоблюстителем назначен был живший в Москве сербский митрополит Феодосий. Впрочем смелые архиереи очень скоро принесли полную повинную в своем проступке, подписались под осуждением Никона, просили греческих патриархов ходатайствовать за них пред царем, и действительно были им прощены, а самые соборные прения о власти царской и патриаршей были царем вычеркнуты и потому не вошли в акты деяний собора 1667 года¹¹⁷.

Так плачевно неудачно кончилась попытка русских архиереев действовать на соборе по собственной инициативе, проявить и защитить на нем свою архиерейскую

самостоятельность, свою независимость от светской власти. Последняя увидела в этих поползновениях архиереев не что иное, как архиерейское возмущение против законной власти, архиерейскую крамолу, и потому немедленно покарало главных виновников возмущения, и если потом простило их, то только благодаря быстро принесенному ими покаянию в содеянном преступлении, а также и благодаря ходатайству за них восточных патриархов.

Более осторожно действовали архиереи на соборе 1682 года, когда царь Федор Алексеевич предложил собору обсудить составленный государем проект нового устройства епархиального управления, по которому предполагалось разделить Россию на 12 митрополий с тем, чтобы каждый митрополит имел в своем округе нескольких подчиненных ему епархиальных архиереев, над которыми он имел право высшего надзора, а также право суда и наказания, действуя в последнем случае соборно со всеми епископами своего округа. Во главе же всей русской церкви, как ее верховный представитель и начальник, должен стоять патриарх, которому подчинялись все областные митрополиты. Этот проект государя, связанный притом с проектированным им открытием 33 новых кафедр, сверх существовавших, крайне не понравился тогдашним архиереям, так как он грозил им, с одной стороны, территориальным сокращением их тогдашних епархий и, следовательно, значительным сокращением их доходов; с другой – ставил над ними, в лице областного митрополита – начальника, очень стеснительный для них надзор, какого они ни испытывали, когда зависели только от патриарха, всегда от них далекого и столь занятого, что он не имел серьезной практической возможности следить за действительною жизнью и деятельностью епархиальных архиереев. Ввиду этого собор архиереев обратился к государю с челобитною, «чтобы великий государь милостивно ко архиерейскому чину рассмотрение положил и вновь где, в пристойных местах и в дальних городах многонародных архиереев устроить – архиепископов и епископов, особыми их епархии, а не под митрополитами быть подвластным, для того, чтоб в архиерейском чине не было

какого церковного разгласия и меж себя распри и высьи, и в том несогласии и нестроении святой церкви преобидения, и от народа молвы и укоризны“. Государь внял соборному челобитью своих богомольцев и «милостивно» отложил проект о разделении России в церковном отношении на 12 округов, оставив епархиальных архиереев в прежней непосредственной зависимости только от патриарха.

В указанных нами случаях архиереи отважились выступать, как самостоятельная сила, единственно потому, что они думали отстоять свои специально-архиерейские интересы, которые нарушались, в первом случае, решительным преобладанием светской власти над духовною, а во втором случае проект царя, казалось им, наносил архиереям и существенный материальный вред и, в то же время, грозил подчинить их ограничительному докучливому надзору окружных митрополитов. Впрочем мы имеем и еще случай, когда один архиерей выступил на соборе уже по чисто церковному вопросу и дозволил себе не согласиться с мнением не царя, а только патриарха. Это было на соборе 1654 года, на котором патриарх Никон выступил как церковный реформатор. Епископ коломенский Павел не согласился с Никоном во взгляде на поклоны в четьердесятницу и, опираясь на имевшиеся у него старые уставы, из которых один он принес на собор, формально заявил свое несогласие с патриархом. За такую смелость – высказывать и отстаивать свое мнение о поклонах, Павел жестоко поплатился: он был лишен кафедры, сослан в монастырь и погиб потом неизвестным образом. Всё это конечно довольно ясно и определенно характеризует ту степень свободы мнений и суждений, какая допускалась тогда на наших церковных соборах¹¹⁸.

Кроме крайней пассивности и угодливости наших архиереев пред светскою властью, в их соборной деятельности замечается еще одна характерная черта. На наших церковных соборах поднимались иногда живые и важные по тому времени вопросы, выдвигаемые настоятельными запросами самой жизни, стремлениями ее улучшить в том или другом отношении. Такие живые, имевшие для всей общественной жизни особую

важность вопросы, выходили обыкновенно или снизу от каких-либо уважаемых старцев иноков и от представителей белого духовенства, или же сверху от государя, но никогда они не исходили из архиерейской среды.

Так в известном письме «о нелюбках» между заволжскими старцами и иосифлянами говорится, что уважаемые всеми и самим великим князем старцы – Паисий Ярославов и его ученик Нил Сорский, присутствовавшие на соборе о вдовых попах и дьяконах, когда собор покончил с этим вопросом, внесли от себя предложение, чтобы монастыри не владели селами. «И егда совершися собор о вдовых попех и диаконах, говорит письмо «о нелюбках», и нача старец Нил глаголати, что бы у монастырей сел не было, а жили бы черньцы по пустыням, а кормили бы ся рукоделием: а с ними пустынники белозерские. И сие слышав игумен Иосиф нача им вопреки глаголати»¹¹⁹. Таким образом очень важный для того времени и очень живой вопрос о праве монастырей владеть крестьянами, так долго и сильно волновавший потом тогдашнее общество, вызвавший страстную борьбу и горячую литературную полемику, был возбужден на соборе известными старцами, причем старцами же велась и вся дальнейшая борьба и полемика по данному вопросу. Архиереи, с своей стороны, стали в этом вопросе на сторону «стяжателей» т.е. тех, которые защищали и отстаивали право монастырей владеть крестьянами, хотя это требование находилось в полном противоречии с идеею всецелого монашеского нестяжания и отречения от всего мирского, хотя владение крестьянами действовало на всю монашескую жизнь самым вредным и прямо разлагающим образом. Но этого мало. Тогдашние иерархи не только не стали на сторону идей Нила Сорского, как бы им следовало, но даже открыли решительное преследование монахов нестяжателей и их сторонников, всячески усиливаясь представить их чуть не еретиками, так как и сами архиереи в обилии тогда владели крестьянами. Таким образом своих действий в данном вопросе тогдашние иерархи ясно показали, что для них личные материальные интересы были выше и важнее правильной, нормальной постановки жизни

тогдашнего монашества, к чему стремился Нил Сорский и его последователи.

На том же соборе 1503 года, который решал вопрос о вдовых священниках и дьяконах, был выслушан протест ростовского вдового священника Георгия Скрипицы, в котором он горячо возставал против приговора собора, запретившего всем вдовым священникам и дьяконам, без различия их жизни и поведения, священнодействовать, исключая того случая, когда они примут иноческое пострижение и тогда им разрешалось отправлять церковные службы в монастырях. «Вы осудили, говорил Скрипица присутствовавшим на соборе иерархам, всех иереев и диаконов, настоящих и будущих, за смерть их жен; но в смерти они неповинны, смерть наводит Бог... Вы положили в церкви вечную вражду между собою и священниками: как же дерзаете входить в святой алтарь?.. Зачем вы смешали добрых с злыми, и не разлучив злых от праведных, велите постригаться в монашество, что бы священнодействовать?.. И вашему собору кто не подивится, кто не посмеется в чужих землях, услышав, что иереям и диаконам, по смерти жен, запрещено служить?.. Вы говорите: мы совершили то ради благочестия, очищая церковь, так как попы вместо жен держат наложниц. Но разсудите, от кого то зло случилось в нашей земле: не от вашего ли нерадения, что вы злых не казнили, не отлучали от священства? Господа священноначальницы, смело заявлял Скрипица, благословно ни вы сами, ни священники избранными, не дозируете священником, а во грады и села не посылаете опытовати, как кто пасет церковь Божию; назираете священников по царскому чину земного царя: боляры и дворецкими, недельщики, тиуны и доводчики, своих деля прибытков, а не по достоянию святительскому. Апостол пишет: служащий олтарю, со алтарем соделаются. И вам достоит пасти церковь священниками богобоязненными, а не мирским воинством“. Этот горячий и вполне справедливый по существу протест священника Георгия Скрипицы¹²⁰, против постановления собора, незаконно запретившего всем без исключения вдовым священникам и дьяконам священнодействовать, его вполне справедливое указание на

крайнюю ненормальность тогдашнего епархиального управления, которое архиереи, ради своих материальных выгод, вели исключительно чрез своих светских служилых людей,— не был принят однако во внимание архиереями, которые отнеслись к нему совершенно индеферентно, не придав ему никакого значения, хотя этот протест был, очевидно, воплем отчаяния людей несправедливо обиженных и постоянно притесняемых.

С воцарением Алексея Михайловича в Москве образовался, по преимуществу из передового более образованного белого духовенства, кружок ревнителей благочестия, во главе которого стоял царский духовник, благовещенский протопоп Стефан Вонифатьевич. Этот кружок, опиравшийся на молодого сочувствовавшего ему царя, энергично выступил на публичную борьбу с разными общественными пороками и недостатками, господствовавшими в народе языческими суевериями, языческими игрищами и крайнюю грубость нравов, с леностию, пьянством и распущенностию духовенства, с различными церковными нестроениями и непорядками, особенно на борьбу с многогласием в церковном пении и чтении. Кружок ревнителей благочестия поставил своею задачею водворить в народе истинное благочестие, возвысить его нравственную жизнь, просветить его церковное сознание, с помощью восстановления забытого было у нас церковного учительства; перевоспитать и нравственно возвысить самое духовенство, уничтожить различные вопиющие церковные непорядки. От патриарха и других архиереев кружок, опираясь на царя, настоятельно требовал неотложных и энергичных мер и преобразований в указываемом им духе и направлении, настаивал, чтобы и сами архипастыри являли собою образец истинно архипастырского служения церкви, сами бы подавали собою пример подчиненному им духовенству в надлежащем выполнении им своих пастырских обязанностей относительно пасомых. Естественно было ожидать, что деятельность кружка ревнителей благочестия, как в высшей степени полезная и плодотворная, по крайней мере по своему замыслу, встретит у

архипастырей полное одобрение, поддержку и всякое поощрение. Но в действительности получилось совершенно обратное. Патриарх Иосиф и другие архиереи отнеслись к деятельности кружка не только не одобрительно, но и прямо враждебно. Они увидели в деятельности кружка обличение и порицание их архипастырской беспечности и равнодушия к делу улучшения и воспитания пасомых, покушение на их архиерейские права, так как только от высшей иерархической власти должны исходить все церковные мероприятия и руководство жизнью пасомых, а не от каких-то белых священников, хотя бы действительно ревностных к благочестию и более других просвещенных. Когда, поэтому, кружок ревнителей благочестия решительно поставил вопрос об уничтожении многогласия и обязательном введении единогласия, когда царь, сочувствуя кружку, в феврале 1649 года созвал собор, чтобы на нем решить вопрос о введении единогласия, то бывшие на соборе патриарх и архиереи, из противодействия неприятному им кружку ревнителей, соборно постановили узаконить очевидное безчиние: многогласие в церковном пении и чтении. Правда царь не утвердил этого соборного постановления, а чрез два года заставил патриарха и архиереев пересмотреть вопрос и решить его в пользу единогласия, причем патриарх Иосиф с другими архиереями, исполняя настоятельное желание царя, вопреки прежнему своему соборному постановлению, признал в 1651 году и утвердил соборно, чтобы в церковном пении и чтении отнюдь не допускалось бы многогласия, а всюду бы и всегда употреблялось только единогласие. Но, очевидно, эта необходимая мера, уничтожавшая одно из вопиющих злоупотреблений в нашем богослужении, была проведена в жизнь единственно волею и настоянием государя, вопреки противодействию патриарха и архиереев, защищавших старое, давно установившееся у нас церковное безчиние.

Одним из ненормальных и прямо болезненных явлений в епархиальной жизни древней Руси было то обстоятельство, что, при громадности территории и общей многочисленности народонаселения, у нас даже к концу XVII в. было всего только

17 епархий. Нужны были, при тогдашних путях сообщения, целые месяцы, а в Сибири чуть не годы, чтобы какое-либо распоряжение архиерея дошло до всего духовенства и паствы его епархии и многие месяцы на то, чтобы духовенство могло переслать свой ответ архиерею на его требования и распоряжения. О каком-либо прямом и непосредственном воздействии архипастыря не только на своих многочисленных пасомых, которых он совсем не знал, а они его, но и на самое особенно сельское духовенство не могло быть и речи, так как архиереи буквально не имели никакой возможности сами объезжать свои громадные епархии, а духовенство ради той же громадности разстояний, не могло свободно и когда нужно являться к своему епархиальному архиерею. Вследствие этого паства и духовенство так и оставались без непосредственного призора и руководства со стороны своего архипастыря, предоставленные в церковно-религиозной жизни самим себе и разным случайным влияниям, откуда бы они не исходили. Конечно архиерей мог действовать чрез указы, приказы, послания и другие подобные произведения канцелярского искусства; но действительная ценность и действенность подобного рода канцелярских упражнений слишком хорошо известна, чтобы о ней можно было говорить серьезно, как о факторе, могущем оказать воспитывающее влияние на церковную жизнь епархии. Понятно поэтому как важен был и полезен – в видах нормального и более широкого развития в народе церковно-религиозной жизни, проект царя Федора Алексеевича об образовании на Руси новых 70 или 72 епархий. Осуществления этого проекта требовали самые насущные интересы веры и церкви, самые насущные и священные интересы всего православного народонаселения тогдашней России. Так действительно и смотрел на свой проект сам государь, но не так посмотрели на него архиереи, и потому постарались не допустить его, по крайней мере в целом виде, до утверждения собором. Сначала патриарх с освященным собором признал цифру 70 для вновь открываемых епархий чрезмерно большею, и тогда царь сократил ее до 33-х и в этом виде передал проект на рассмотрение собора в уверенности,

что он пойдѣт навстрѣчу справедливымъ царскимъ желаніямъ. Но соборъ не оправдалъ надеждъ государя, онъ призналъ, что слѣдуетъ и полезно открыть новыя епархіи, но не 70 или 33, какъ хотѣли царскіе проекты, а только одиннадцать, да и изъ этихъ одиннадцати въ действительности открыты были только четыре, а остальные семь совсемъ не открывались. Ясное дѣло, что архіереи вовсе не сочувствовали проекту царя и совсемъ не желали открытія новыхъ епархій, а если и соглашались на открытіе очень немногихъ, то соглашались очень неохотно, только уступая желанію и настояніямъ государя.

Очень характерны тѣ причины, какіе побуждали архіереевъ действовать на соборѣ такимъ страннымъ и для нихъ, какъ архипастырей церкви, прямо непозволительнымъ образомъ въ дѣлѣ, которое, казалось бы, требовало отъ нихъ къ себѣ совершенно иного отношенія.

Учредить новыя епархіи можно было конечно не иначе какъ раздробивъ уже существующіе, чрезъ выделение изъ нихъ тѣхъ или другихъ частей, и значитъ: съ учрежденіемъ новыхъ епархій необходимо сокращались предѣлы старыхъ, а вмѣстѣ съ этимъ необходимо болѣе или менѣе уменьшались и доходы прежнихъ архіереевъ. Каждый монастырь, каждая приходская церковь съ причтомъ были обложены въ древней Руси известными податями въ пользу епархіальнаго архіерея, и потому отчужденіе ихъ отъ данной епархіи, въ видахъ образованія новой, неизбежно сокращало прежніе обычныя доходы архіерея. Это обстоятельство и было одною изъ главныхъ причинъ, почему архіереи всячески противились открытію новыхъ епархій: они боялись потерять часть своихъ доходовъ, и потому легче мирились съ церковно-епархіальною распущенностію и безпризорностію, чѣмъ съ открытіемъ новыхъ епархій. Они, не стесняясь, заявляли на соборѣ, что будто бы «у митрополитовъ изъ епархіи: астраханскаго, псковскаго, смоленскаго, нижегородскаго; у архіепископовъ: у суздальскаго, у тверскаго – изъ ихъ епархій не изъ чего вновь быть архіереомъ: епархіи малоградны и разстояніемъ не дальныя... Въ вятскую епископію прибавить архіерея не изъ чего, потому что во градахъ церквей и монастырей мало». Очевидно боязнь оскудѣть въ доходахъ и

прибылях продиктовала архиереям приведенные соборные заявления.

Не менее, если не более, характерна и другая причина, по которой архиереи не хотели согласиться с проектом государя об открытии намеченных им новых епархий. В своей челобитной собор иерархов просит государя «архиереев устроить» только «в пристойных местах и в дальних городах и многонародных», а в самом соборном постановлении иерархи разъясняют, что они разумеют под пристойными для архиереев местами. Соборное постановление говорит, что в далекие города «на Лену в Дауры посылать от духовного чину архимандритов и игуменов и священников добрых и учительных для учения христианского закона и просвещения неверных; а епископам в тех далних городах ныне быть неудобно — малолюдства ради христианского народа». В этом официальном соборном заявлении архиереев ярко вскрывается присущий им довольно своеобразный их взгляд на самих себя, на свое общественное положение и обязанности, на свое отношение к пастве. Архиерей, по их представлению, как «владыка» и «великий господин», мог жить только «в пристойных местех», какими были города «многонародные», когда в городах и окружающей их области было много церквей и монастырей, с которых бы архиерей мог получать довольные для его жизни и надлежащей обстановки доходы, почему в тех дальних городах, где христианское православное народонаселение не многочисленно, где мало церквей и монастырей – «епископом быть неудобно». Неудобно им быть на бедных окраинах и потому еще, что там пришлось бы им заниматься миссионерством среди неверных, а подобное занятие для епископа собор иерархов находил тоже неудобным, несогласным с высоким общественным положением и достоинством «владыки». Ввиду этого собор и постановляет: посылать в отдельные, окраинные, с малым христианским населением, города, где требуется просвещать и обучать неверных, не архиереев, а лиц низшего иерархического ранга: архимандритов, игуменов, священников, которые и должны заниматься там «обучением христианскому закону и просвещением неверных». Очевидно древне-русский

архиерей и представить себе не мог, чтобы ему, как архипастырю и преемнику самих Апостолов, можно было жить не в многонародном, а в каком-нибудь незначительном, отдаленном и малонаселенном городке, жить без обычной богатой, по-мирски пышной архиерейской обстановки, получать не большие, а только умеренные доходы, заниматься не делами только епархиального управления и совершением пышных архиерейских служений, а скромным и невидным делом, хотя и апостольским,— просвещения и обучения неверных. Государственный сановник убивал в древне-русском архиерее духовного архипастыря.

И так в древне-русских архиереях XVI и XVII столетий, как деятелях на церковных соборах, мы видим полную безличность и крайнюю угодливость пред государственною властью, которая, создав им особое по правам и власти привилегированное положение в обществе и государстве, сделав их важными и властными государственными чиновниками, взамен этого требовала от них полного послушания себе, ревностного безприкословного служения своим видам и целям. Древне-русские архиереи, при таких условиях, необходимо и неизбежно сделались и на церковных соборах только простыми орудиями в руках светской власти, которая пользовалась ими для полного порабощения себе церкви, для низведения ее на степень заурядного государственного учреждения, простого государственного ведомства по делам церковным, обязанного неукоснительно проводить в жизнь все предписания светского правительства. Понятно, что архиереи-чиновники никогда и не думали являться на церковные соборы с какими-либо своими проектами, планами, запросами, вытекавшими из их положения как архипастырей церкви и духовных руководителей своей паствы, и в чем-либо несогласными с видами и целями светского правительства: всё это слишком бы противоречило их чиновничьему духу и их чиновничьей дисциплине, тем более что за всякое попользование в этом направлении им, как чиновникам, могла грозить серьезная опасность испортить свою чиновничью карьеру, потерять то высокое привилегированное

положение, какое они занимали благодаря только милости и благоволению к ним государей.

С другой стороны древне-русские архиереи XVI и XVII столетий, полагаясь во всём только на волю и усмотрение благочестивейших государей, вместе с тем, как мы видели, в своей соборной деятельности проявляли очень малую архипастырскую заботливость о самых законных и настоятельных нуждах и интересах своей паствы, довольно индеферентно относились к ее религиозно-нравственному просвещению, улучшению и процветанию. Это происходило потому, что в силу разных исторических условий паства по отношению к своим, епархиальным архиереям была чем-то сторонним и далеким от них, не имела с ними никакой живой органической связи, архиереи не срастались с нею в единый цельный организм, живущий одною жизнью, одними и теми же интересами и воодушевляемый и движимый одним и тем же духом; архиереи были для паствы хотя и необходимым, но в тоже время каким-то внешним, случайным и пришлым элементом, привходящим в ее жизнь и исчезающим из нее по действию извне, помимо ее воли, желания и участия. Древне-русские архиереи единственную жизненную и прочную точку опоры для себя видели не в своей пастве, не в тесном органическом единении со всею ее жизнью, а только в сильной светской государственной власти, при усердной службе видам и целям которой, они всегда рассчитывали найти в ней поддержку и опору для своих специально архиерейских интересов. Им никогда и в голову не приходило, что настоящая и действительная их опора заключается вовсе не в светском правительстве; а именно в их пасомых, которые одни, своею любовью и преданностью своим излюбленным архипастырям, только и могут дать им настоящую церковную независимость и самостоятельность, превратить их из государственных чиновников в настоящих церковных архипастырей, живущих с паствою одною жизнью, имеющих с нею одни радости и горе, и потому для нее всегда особенно дорогих и желанных. При такой постановке дела, мы никогда не встречались бы в древней Руси с такими грустными явлениями, когда архиереи, если и

отваживаются иногда в исключительных случаях выступать против светской власти, то выступают единственно только ради защиты и ограждения своих специальных узко-архиерейских интересов, но никогда коллективно не встают за общие интересы всей церкви, за интересы и права своих пасомых хотя бы и видели по отношению к ним в действиях светской правительственной власти что-либо неправильное, несогласное с духом и учением Христа и Апостолов.

Из всего нами сказанного о церковных московских соборах XVI и XVII столетий само собою открывается, что эта соборность была очень своеобразная, мало похожая на истинную настоящую соборность. Она вовсе не служит показателем и обнаружением широты и свободы тогдашней церковной жизни, проявлением ее высших духовных творческих сил и деятельности, тем более, что она не имела никакой прямой, непосредственной и органической связи с жизнью, нуждами и интересами паствы, а потому не имела и на народную жизнь сколько-нибудь заметного оживляющего и просветляющего ее влияния, не оставляла в ней в этом отношении какого-либо заметного следа. В конце концов, такая соборность свидетельствовала не о подъеме общественной церковно-религиозной жизни, а только о старании и заботах светского правительства дать правильное и нормальное направление церковным делам, когда находило, что они приняли в каком-либо отношении неправильное течение, почему и главным деятелем на соборах была собственно не церковь, а светская правительственная власть. Отсюда понятным становится и то обстоятельство, что соборы у нас совсем прекращаются, как скоро во главе церковного управления стал Синод. Это произошло потому, что если наши соборы были только органами царского законодательства по делам церковным, то они должны были потерять смысл дальнейшего своего существования, сделались более не нужными, когда явился Синод. В лице Синода, этого постоянного церковного собора в миниатюре, светское правительство приобретало такой орган, который с большим удобством и легкостью мог быть, и действительно был постоянным надежным проводником государственных видов и

целей в делах церковных, нежели какими были прежние церковные соборы, очень хлопотливо, медленно и редко собираемые. Поэтому вполне естественно было, что с учреждением св. Синода церковные соборы, за полную их ненужностью для светского правительства, окончательно прекратили свое существование, тем более что созывавшее ранее соборы светское правительство, со времени Петра I-го, перестало интересоваться церковными вопросами с тем напряжением, с каким ими интересовались благочестивые московские государи, бывшие великими любителями, почитателями и знатоками всякой уставной церковности, чего уже нельзя сказать о государях петербургского периода. Конечно теперь можно было бы от архиереев ожидать инициативы собрания соборов, так как они, опираясь на каноны, могли бы настаивать пред светскою властью на необходимости созывать церковные соборы. Но наши иерархи как до Петра были чиновниками, действовавшими по приказу и указке светского правительства, так такими же большею частью они остались и после Петра, и потому они не считали себя в праве выступать и в церковных делах с собственной инициативою, а по прежнему ждали во всём приказаний и распоряжений со стороны светской власти.

Примечания

¹ - Встречается еще группа соборов, которые в некоторых актах называются вселенскими. Так в грамоте патриарха Иова (1598 г.) к казанскому митрополиту Гермогену, об избрании царем Бориса Годунова, говорится: «и мы, смиренный Иов патриарх московский и всея Руси, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены с соборными с честнейшими старцы, и со всем освященным вселенским собором, и бояре, и князи, и дворяне всякие, и приказные люди, и диаки, и дети боярские всех городов московского царства, и гости о том советовали». (Собр. госуд. грам. и догов. т. II, № 70, стр. 144). В 1614 году послана была к волжскому казачьему войску соборная грамота «от митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов, и всего освященного вселенского собора» (А. Э. III. № 25). Не трудно видеть, что соборы называются вселенскими потому, что на них были представители всех классов общества, начиная с духовенства и по возможности представители от всех областей Руси. Соборы эти были не церковными, а занимались делами общегосударственного значения и потому эти вселенские соборы правильнее называть земскими, какими они были в действительности. Такой вселенский собор т.е. земский избирал, например, на царство Михаила Федоровича. (Собр. госуд. грам. и дог. т. 1, стр. 619, 628, 631. А. Э. т. р. II, № 7, стр. 19, 24, 28 и др.).

² - Дело о патриархе Никоне, стр. 245.

³ - Чт. общ. ист. и древн. 1905 г. кн. III, смесь, стр. 26.

⁴ - Дело о патр. Никоне, стр. 108.

⁵ - Дворцовые разряды, дополнение к 3-му тому, стр. 447 и т. IV, стр. 578.

⁶ - Дворцовые разряды, т. III, стр. 17, 20, 66, 86, 88, 107, 110, 115, 118, 128, 144, 149, 152, 158, 218, 225, 226, 266, 286, 322, 326, 329, 338, 342, 343, 347 и др.

⁷ - Матер. для истории раскола, т. I, стр. 110.

⁸ - Записки русск. археол. общ. т. II, стр. 526–527. Рукопись нашей акад. библиот. № 218, л. 184 об.

⁹ - Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 229–239.

¹⁰ - В 1665 году Никон предложил свои условия, на которых он согласен окончательно отказаться от патриаршества. Между прочим он выговаривал себе право приезжать в Москву, когда он захочет. На это священный собор, которому поручено было рассмотреть предложения Никона, ответил так: «приходити в царствующий град Москву святейшему Никону патриарху сице: первее ему о приходе своем в царствующий град Москву к великому государю и святейшему патриарху московскому писати; как и прочии архиереи о приезде своем пишут. И егда благочестивый государь повелит и святейший патриарх благословит, тогда по указу великаго государя и благословению святейшаго патриарха, в царствующий град Москву святейшему патриарху Никону приходитьи. А без указу великаго государя и без благословения святейшаго патриарха к Москве ему не приходитьи». («Дело о п. Никоне, стр. 224.». В одной приказной записи встречается замктка, что архиереи являлись в Москву только по особому царскому повелению, «а самовольством своим, без царскаго указу и без грамот, к Москве они не езживали». (Н. Виноградова: Церк. собор в Москве 1682 года, стр. 20).

¹¹ - Дворц. разряды, т. III, стр. 1364–1365.

¹² - Полн. собр. зак. т. III, № 1381, стр. 70–71.

¹³ - Как вызывались в Москву прилучившиеся или очередные архиереи, это хорошо видно из следующей записи Дворцовых разрядов: «того ж числа (8 сент. 1674 г.) послан, по указу великаго государя, из большаго дворца, от боярина и оружничаго Богдана Матвеевича, да от думнаго дворянина Александра Савостьяновича Хитрово, да от думнаго дьяка Федора Михайлова с товарищи, грамоты: в Нижний Новгород по Филарета, митрополита нижегородскаго и олаторскаго, да в Белграде по Мисаила, митрополита белгородскаго и обоянскаго; а святейший Иоаким, патриарх московский и всеа Росии, велел послать к ним же, из своего розряду, другую

грамоту. И велено быть им в Москве тотчас, не мешкав; а приехав к Москве, велено им про себя известить и про свои приезды в большом дворце боярину и оружничему Богдану Матвеевичу Хитрово с товарищи“, (т. III, стр. 1008).

¹⁴ - Дворц. разр. т. III, стр. 1156, 1175, 1180, 1246, 1422.

¹⁵ - Собор. госуд. грам. и догов. т. IV, № 172, стр. 500.

¹⁶ - В Дворцовых разрядах мы, например, читаем такие частые записи: «того ж числа (3-го сент. 1674 г.) служили власти: в соборной и апостольской церкви: святейший Иоаким патриарх московский и всеа Руси, да с ним власти: Иона, митрополит ростовский и ерославский, Иосиф, митрополит резанский и муромский, Симон, архиепископ вологоцкий и белоозерский, Стефан, архиепископ суздальский и юрьевский, Иосиф, архиепископ коломенский и каширский, Иона, епископ вятцкий и великопермский, да архимандриты и игумены и протопопы: а пели певчие и подъяки патриарши. У Благовещения: Корнилей, митрополит новгородский и великолуцкий, да с ним архимандриты и игумены, да ключари благовещенские с собором: а пели певчие и подъяки новгородские. В Вознесенском монастыре: Павел, митрополит сарский и подонский, да с ним архимандриты и игумены, да протопоп вознесенской с собором; а пели певчие и подъяки крутицкие. У архангела Михаила: Иоаким, епископ сербословенский, да с ним игумен, да протопоп архангельской с собором; а пели певчие и подъяки сербо-славянские“. Или: «того ж году сентября в 4 день, праздновал великий государь государыни царевны и великой княжны Марфы Алексеевны ангелу; а выходу великому государю не было и государю царевичу в соборную и апостольскую церковь. А служили: в соборной и апостольской церкви святейший Иоаким, патриарх московский и всеа России, да с ним власти: Корнилей, митрополит новгородский и великолуцкий, а с ним архиепископ Симон вологоцкий и белоозерский, Стефан архиепископ суздальский и юрьевский, Иосиф архиепископ коломенский и коширский, да архимандриты, и игумны, и протопопы; а пели певчие и подъяки патриарши. У архангела Михаила служил Иона, митрополит ростовский и ерославский, да с ним архимандриты и игумны, да

протопоп архангельской с собором; а пели певчие и подъяки ростовские. В Вознесенском монастыре служил Павел, митрополит сарский и подонский, да с ним архимандриты, и игумны, да протопоп вознесенский с собором; а пели певчие и подъяки крутицкие. У Спаса на Новом служил Иосиф, митрополит резанский и муромский, да с ним архимандрит спасской; а пели певчие и подъяки резанские. У Николе у Столпа служил Иона, епископ вятцкий и великопермский, да с ним игумен, да Никольской священник; а пели певчие и подъяки вятцкие“ (т. III, стр. 976, 981–982, 995, 1005, 1017, 1046, 1051, 1084, 1116, 1228 и др.). Тогдашние москвичи, любители торжественных архиерейских служб, громогласных протодьяконов и церковных певчих, переходя из одного храма в другой, могли наслаждаться и торжественными службами разных архиереев, и голосами знаменитых протодьяконов, и пением хоров различных епархиальных архиереев, воспитывая и развивая свой вкус в этой области. Очевидно и современная всем известная любовь и пристрастие москвичей к торжественным архиерейским службам, к крестным ходам, к громоподобным протодьяконам и к церковным хорам, явились не сейчас, а воспитывались веками,— корни их прочно заложены были еще в древней допетровской Руси.

¹⁷ - Т. III, стр. 1591.

¹⁸ - Русск. истор. библ. т. VI, стр. 589.

¹⁹ - Под этим соборным деянием собственноручно подписались: Лаврентий митрополит казанский, Феодосий митрополит вершатский, Филарет архиепископ смоленский, Иларион архиепископ рязанский, Симеон архиепископ сибирский, Нектарий архиепископ погорянинский и Александр епископ вятский. Значит собор состоял из одних епископов. Это дело и следующие приводимое нами о суздальском Стефане взято нами из одной архивной выписки.

²⁰ - Матер. для истории раск. т. I, стр. 379.

²¹ - Ibid. стр. 124–133.

²² - Дело о патр. Никоне, стр. 161–163, 175–177.

²³ - Ibid. стр. 109.

- 24 - Матер. для истории раскола т. I стр. 66.
- 25 - Дело о патр. Никоне, стр. 109.
- 26 - Дворц. разр. т. III, стр. 1122.
- 27 - Собр. госуд. грам. и догов. т. IV, стр. 405–406.
- 28 - Собр. госуд. грам. и дог. т. I, № 192, стр. 554.
- 29 - А. э. т. 1, № 382.
- 30 - А. и. т. 1, № 173.
- 31 - А. э. т. 1, № 284.
- 32 - Собр. госуд. грам. и дог. т. II, № 59.
- 33 - Статья С.А. Белокурова: Деяние московского церковного собора 1649 г. (Чт. общ. ист. и древн. 1894 г. кн. IV.).
- 34 - Деяния собора 1654 г. изд. Братства св. Петра.
- 35 - Матер. для ист. раск. т. I, стр. 124–133.
- 36 - Ibid. т. II, стр. 144 и 207.
- 37 - Собр. госуд. грам. и дог. т. I, № 192.
- 38 - Лашкина, земские соборы древней Руси, стр. 217.
- 39 - Собр. госуд. грам. и дог. т. I, № 202.
- 40 - Собр. госуд. грам. и дог. т. II, № 59.
- 41 - Матер. для ист. раск. т. I, стр. 9–10.
- 42 - А. Э. т. I. № 239. Чт. общ. ист. и древн. 1847 г. № 3: Московские соборы на еретиков XVI века.
- 43 - А. Э. т. IV, № 324.
- 44 - Матер. для ист. раск. т. I, стр. 45.
- 45 - Матер. для ист. раск. т. II, стр. 207.
- 46 - Матер. для ист. раск. т. II, стр. 170.
- 47 - А. И. т. V, № 194.
- 48 - Матер. для ист. раск. т. I, стр. 45, 49, 128.
- 49 - Матер. для ист. раск. т. I, стр. 11.
- 50 - А. Э. т. 1, № 382.
- 51 - А. Э. т. 1, № 383.
- 52 - А. Э. т. I, № 213.
- 53 - Изд. братства св. Петра, стр. 42–43.
- 54 - А. Э. т. I, № 239.

- ⁵⁵ - А. И, т. I, № 173.
- ⁵⁶ - А. Э. т. I, № 264.
- ⁵⁷ - Собр. госуд. грам. и дог. т. II, № 59.
- ⁵⁸ - А. Э. Т. I, № 241.
- ⁵⁹ - Там же.
- ⁶⁰ - А. Э. т. IV, № 40.
- ⁶¹ - А. Э. т. IV, 119, стр. 165.
- ⁶² - Дворцовые разряды, т. III, стр. 769–773, 818–819 и др. Собр. Госуд. гр. и дог. т. II, 92, 228, 229, 236, 239, 241, 251, 275.
- ⁶³ - Дворцовые разряды, т. IV, стр. 76, 154.
- ⁶⁴ - Подобные епархиальные соборы из приходского духовенства собирались у нас и в позднейшее время в так называемое «сборное» воскресенье, хотя характер этих позднейших «сборов» уже был другой.
- ⁶⁵ - Собр. госуд. гр. и дог. т. II, стр. 499, 506–507, 510, 577.
- ⁶⁶ - Епископы в наших старинных документах обыкновенно титулуются: преосвященными, а протопопы: просто: священными; клир: священный клир, священный причт: всё вообще белое духовенство: священный или освященный собор. Архимандриты же и игумены обыкновенно называются: честными, честнейшими, преподобными, так, что титул: священно-архимандрит в старое время не употреблялся и раза два встречается только уже во второй половине XVII века. Очевидно самый титул приурочивал архиереев к белому, а не черному духовенству. Впрочем архиереи в древней Руси назывались иногда, в отличие их как от белого – женатого духовенства, так и от черного – монашествующего: пестрыя власти.
- ⁶⁷ - Т. II, стр. 129, 222, 251, 263–264, 277 и др.
- ⁶⁸ - Гиббенет: Дело патр. Никона, т. II, стр. 1002.
- ⁶⁹ - А. Э. т. I, № 239, стр. 250.
- ⁷⁰ - Собр. госуд. гр. и дог. т. I, стр. 585.
- ⁷¹ - Матер. для ист. раск. т. II, стр. 35.
- ⁷² - Матер. для ист. раск. т. II, стр. 73–77.
- ⁷³ - Матер. для ист. раск. т. II, стр. 125.

- ⁷⁴ - Гиббенет. Дело патр. Никона, т. II, стр. 1000–1001.
- ⁷⁵ - Гиббенет. Дело патр. Никона, т. II, стр. 1019, 1075.
- ⁷⁶ - И. Хрущева: Исследование о сочинениях Иосифа Санина, стр. 201 и 226.
- ⁷⁷ - Собр. госуд. грам. и дог. т. II, № 51, стр. 81.
- ⁷⁸ - Матер. для ист. раск. т. I, стр. 53, 60; т. IV, стр. 251, 253–254; т. VII, стр. 275.
- ⁷⁹ - Гиббенета: Дело патриарха Никона, т. I, стр. 215. Дело о Никоне, стр. 95.
- ⁸⁰ - А. И. т. I, № 173, стр. 331.
- ⁸¹ - Зап. рук. археол. общ. т. II, стр. 751–754.
- ⁸² - Гиббенет, т. II, стр. 578.
- ⁸³ - Воробьева: О московском соборе 1681–1682 года, стр. 9.
- ⁸⁴ - А. Э. т. IV, № 115.
- ⁸⁵ - Из имеющейся у нас архивной выписки.
- ⁸⁶ - Записки русск. археол. общ. т. II, стр. 744–745, 762–763.
- ⁸⁷ - А. э. т. IV, № 321.
- ⁸⁸ - А. э. т. IV, № 327.
- ⁸⁹ - В 1554 г. царь Иван Васильевич, в грамоте к Максиму греку, раскрыв еретические мнения Башкина, пишет: «тем же убо умыслих сице: да соберутся вси, елици сущии обретаются под областью моею: архиепископи же и епископи, архимандриты же и игумени и черноризци, иже в благочестии пребывающи“ на соборе, для осуждения Башкина (А. И. т. I, № 161, стр. 298). В соборной грамоте 1554 г. о белом клобуке царь заявляет: «во всю свою область царского самодержства послахом к сущим под областью святейших русских митрополия к своим богомольцом, и повелехом снитися преосвященным архиепископом, и епископом, и честнейшим архимандритом, и игуменом и всему освященному собору“ (А. И. т. I, № 173, стр. 331). Или например: «в прошлом во 168 (1660) году по божественному повелению и (повелению) благочестивейшаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея великия и малыя и белыя России самодержца, собрашися

преосвященный собор в богохранимый царствующий град Москву, и снисдохомся в патриаршую крестовую палату митрополити, архиепископи и епископи“. Или: 21 декабря 1662 года государь, празднуя память московского митрополита св. Петра, задумываясь над судьбами вдовствующей русской церкви и о разных церковных нестроениях «изволил он, великий государь, учинити собор и писати о том ко вселенским патриархом“, чтобы они приехали в Москву. «А к своим государевым богомольцам, к преосвященным митрополитом, и архиепископом, и епископом указал послать свои государевы грамоты, чтоб они к тому ж собору приехали к Москве из дальних городов марта к 25 числу, а из ближних мая к 9 числу“. Тоже говорится и относительно собора 1666 года, т.е. что государь разослал по всем архиереям особые послания, которыми приглашал их явиться в Москву на собор. (Гиббенета: Дело патр. Никона, т. I, стр. 242–243. Матер. для ист. раск. т. II, стр. 60. Дело о патр. Никоне, стр. 53).

⁹⁰ - Матер. для ист. раск. т. I, стр. 66, 235–236.

⁹¹ - Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 42–43.

⁹² - Макария: Ист. рус. церкви т. VI, стр. 146, примечание.

⁹³ - Что цари и лично намечали те вопросы, какие у них самих вызывали недоумения и потому предназначались ими к передаче на соборное обсуждение, это хорошо видно из черновой записи вопросов и предметов, которые царь Алексей Михайлович набросал для себя, имея в виду передать их потом на обсуждение церковного собора. Этот любопытный документ найден не очень давно и напечатан С.А. Белокуровым. Текст этой записки следующий: 1) «О единогласном пении в святой Божией церкви и в монастырях, и в соборах, и в мире (т.е. приходских церквях). Едина вера, едино крещение, и един Бог и Господь. 2) На речь пети всякое знамя, как в печати написано... и переводы есть старые на речь. 3) Псалтырь пети на восток лицом и достойно на литургии навсходе и на всякой службе. 4) Возгласы: яко свят еси Боже, наш и: яко да под державою Твоею всегда храними, что на литургии, и молитва: Владыко многомилостиве – на восток. 5) О четыредесятнице, когда бывает литургия с вечерней в навечерие рождества Христова, и

Богоявления и Светлаго Воскресения, тогда устав повелевает пети поздно; такожде и в великий пост в пятидневх пети поздно. 6) А часы по уставу поют в монастырех час третьей и шестой пред обеднею, а блаженну поют на обедни, а девятый час после литургии, а инде поют все часы и блаженну пред обедний, а на литургии: благо есть. 7) Молебен пети по единому канону Спасу и Богородицы и святым праздничным или храму. 8) По три кафизмы на заутрени устав повелевает с сентября: от Воздвижения честнаго креста декабря по 20 число. 9) Церковные чтецы и певцы по правилу рукоположены служат в церкви. 10) Облачитися к вечерни и заутрени и ко всякой церковной службе Иван Милостивый повелевает облачитися во всея священная одежда. 11) Люди Божия поучати повелевает в праздники и в воскресные дни архиереем и ереем о вере и о всяком благочестии и о житии христианством после заутрени и обедни на речь сказать, чтоб всем людям откровенно было слово Божие. 12) А которых во священный чин и во диаконски поставляти, и выбирати избранных людей учительных, чтобы знали круг церковный и устав; а которые не учены, и тех во училище подобает учить, чтоб по правилу святых отец все знали, как души христианския просвещати. Соль земли и свет миру. 13) А священническому и иноческому чину от пьянства трезвитесь и сквернословия отнюдь бы не держатися не токмо в церкви, но и в миру; на них многие мирские люди соблазняются“. (Чт. общ. ист. и древн. 1894 г., кн. IV, статья: Деяние моск. церк. собора 1649 года, стр. 48–49).

⁹⁴ - Гиббенета: Дело о патр. Никоне, т. I, стр. 245.

⁹⁵ - Дело о патр. Никоне, стр. 53 и 62.

⁹⁶ - Матер. для ист. раск. т. II, стр. 71.

⁹⁷ - Дело о патр. Никоне, стр. 53–111. Гиббенет, т. I, стр. 180–220.

⁹⁸ - Гиббенет т. II, стр. 1098.

⁹⁹ - Стоглав, стр. 119–120. Изд. брат. св. Петра.

¹⁰⁰ - А. Э. I, № 284, стр. 331.

¹⁰¹ - Нельзя думать, чтобы отцы собора 1572 года считали возможным из общего правила о недопустимости четвертого

брака делать исключение в пользу государей, так как Стоглав, который им конечно хорошо был известен, сказав о четвертом браке, как о «свинском житии», сейчас продолжает: «премудрый царь Лев и к четвертому браку совокупил ся бяше, и во отлучение впаде от Николы патриарха, ему ж много моляшесь царь, еже разрешити его от такового связания. И яко он не умолен бысть, от церкви его изгна и внего паки место Евфимья, мужа освященна, постави на патриаршество. И сему много моляшесь, еже разрешити его от такового связания,— не токмо разреши его, но и отвержена и не прощена сотвори ради четвертаго брака, с множайшими святителями возбранив“.

¹⁰² - Временник, рукопись Флорищевой пустыни, № 108–682, л. 165 об. и 166.

¹⁰³ - Эти положения будут подробно обоснованы в особом исследовании, которое готовим к печати.

¹⁰⁴ - Архидиакона Павла Алепского: Путешествие антиохийского патр. Макария в Россию, перевод с арабского Муркоса.

¹⁰⁵ - Матер. для ист. раск. т. II, стр. 35.

¹⁰⁶ - Матер. для ист. раск. т. I, стр. 5.

¹⁰⁷ - Собр. госуд. гр. и дог. т. I, стр. 585.

¹⁰⁸ - А. Э. т. I, № 360.

¹⁰⁹ - Записки рус. археол. общ. т. II, стр. 394–396.

¹¹⁰ - А. Э. т. IV, № 327.

¹¹¹ - Матер. для ист. раск. т. I, стр. 9.

¹¹² - Дворцовые разряды, дополн. к III тому, стр. 110.

¹¹³ - Дело о патр. Никоне, стр. 164, 166, 167.

¹¹⁴ - Стоглав, стр. 78. Изд. брат. Св. Петра. Дело о Никоне, стр. 162–163.

¹¹⁵ - А. Э. т. IV, № 140.

¹¹⁶ - А. И. т. I, № 161.

¹¹⁷ - Соборные заседания с прениями о власти царской и патриаршей подробно нами изложены в напечатанной в Богословском Вестнике нашей статье: суждение большого

московского собора о власти царской и патриаршей. (1892 г. Июнь, август и октябрь).

¹¹⁸ - Впрочем встречаются и явления противоположного характера, когда на соборах, даже по строго церковным вопросам, допускалась иногда излишняя свобода, доходившая до брани и оскорблений. В 1649 году, 11 февраля, патриарх Иосиф от своего лица и от лица всего освященного собора подал государю жалобу на царского духовника, благовещенского протопопа Стефана Вонифатьева, в которой писал: «в нынешнем, государь, во 157 году, февраля в 11 день, указал ты, благочестивый и христолюбивый государь царь, мне, богомольцу своему, и нам, богомольцам своим, быть у себя, государя, в средней. И тот благовещенский протопоп Стефан бил челом тебе, благочестивому государю, на меня, богомольца твоего, и на нас, на весь освященный собор, а говорил: будто в Московском государстве нет церкви Божии, а меня, богомольца твоего, называл волком, а не пастырем: тако же называл и нас, богомольцев твоих, митрополитов, и архиепископов, и епискупа, и весь освященный собор бранными словами, и волками, и губителями, и тем нас, богомольцов твоих... бранил и безчестил“. Стефан бранил патриарха и собор за то, что они утвердили многогласие, тогда как Стефан был горячим сторонником единогласия, за которое всецело стоял и царь, не придавший поэтому жалобе патриарха никакого значения. Очевидно на соборах можно было смело отстаивать свое мнение и даже резко порицать с ним не согласных, но только в том случае, если за порицателем стоял сам царь...

¹¹⁹ - Приб. к твор. св. отцов, т. X, стр. 505.

¹²⁰ - Чтен. общ. ист. и древн. 1848 г. № 6, смесь, стр. 48.